

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ИЮНЬ

2008

СИВАН

5768

N 6(194)

ЗДОРОВЬЕ ТЕЛА, СОЗНАНИЯ И ДУХА

לִיטוֹ אֲנֵהוּ אֵינִי עֹיֵתִי - אִיךְ אֲנֵי אִיךְ

ВРАЧ, ИСЦЕЛЯЮЩИЙ ДУХ И ТЕЛО

Вновь о врачах как посланнике Б-га

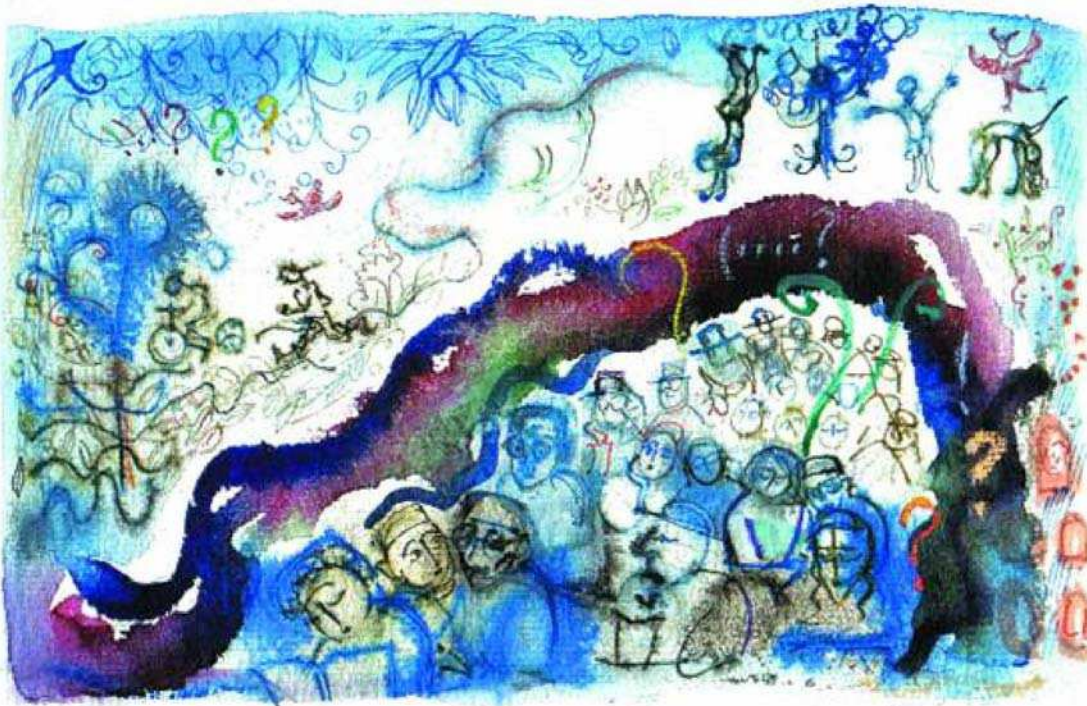
Известно речение мудрецов, да будет благословенна их память, что снизошедший к нужде бедняка удостоивается шести благословений, тот же, кто преисполнен при этом горячего сочувствия, достоин одиннадцати благословений.

«Дано врачу исцелять», сказано мудрыми. Но существует опасность поверить, будто исцеление всецело зависит от врача, тогда как оно на самом деле всецело в руках Б-га. Вот почему, согласно многим комментаторам, «Хизкияу сокрыл книгу врачеваний» (Берахот, 10б; Псахим, 56а).

А потому, когда врач отдает себе отчет, что выступает посланником Б-га, Который есть «Целитель всякой плоти и Творец чудес», указанному заблуждению нет места и само лечение куда действенней.

<...> Когда пациент приходит к Вам с намерением восстановить физическое здоровье, Вы, подобно всем Б-гобоязненным врачам, используете представляющуюся Вам возможность для того, чтобы укрепить его душевное здоровье. В последнем нуждается каждый из нас – учитывая, что мы принадлежим к тому надломленному поколению, к которому, воистину, применим стих: «Нет на земле такого праведника, который творил бы благо и не погрешил бы» (Коелет, 7:20).

Сказанное тем вернее, что мы видим: чем крепче наше душевное здоровье, тем лучше здоровье физическое, и стих «непорочен будь пред Г-сподом, Б-гом твоим» (Дварим, 18:13) напоминает нам как о чистоте, так и о «прочности», которая есть крепость физическая, «непорочность» всех наших 248 органов и 365 жил, что соответствуют 248 заповедям «делай» и 365 заповедям «не делай».



Долг верующего врача

Я с радостью узнал о съезде, созванном для объединения верующих врачей-евреев.

Объединение сил верующих всегда желанное благо, тем более когда речь идет о нашем поколении, на долю которого выпало смятение прошлых лет. В результате выпавших на нашу долю испытаний многие мыслящие люди полностью разочаровались в ложных идеалах и идеологиях, которых придерживались еще недавно, и теперь ищут истину.

Организация верующих врачей могла бы, пользуясь своим авторитетом, оказать влияние на те круги, которые чувствуют, что сейчас время смятения, и колеблются, не зная, за кем идти.

Высказывания от имени такой организации могли бы помочь в борьбе с широко распространенным заблуждением, будто существует конфликт между наукой и религией. Истинная наука, взыскующая истины и одной только истины, не может не совпадать во всех своих заключениях с Торой, которая есть Закон Истины.

Чем глубже мы проникаем в научные теории, тем глубже становится наше понимание фундаментальных принципов бытия – но ведь именно эти принципы и осеняют, подобно раскидистым ветвям дерева, тех, кто пребывает в лоне иудаизма.

Как врачи, вы легко можете показать несостоятельность материалистического подхода к жизни – на фактах демонстрируя, сколь сильно наше физическое здоровье зависит от здоровья духовного.

Если в прошлом акцент делался на лозунге «в здоровом теле здоровый дух», то в наши дни не подвергается сомнению, что даже незначительные нарушения здоровой душевной жизни оборачиваются серьезными физическими недугами. Чем крепче дух, тем

больше влияет он на физическое тело – и тем больше возможностей скорректировать те или иные физические отклонения.

Сколько свидетельств тому, что, когда речь заходит о лечении телесных недугов, лекарства и процедуры действуют тем эффективнее, чем тверже воля больного к исцелению и чем больше он вовлечен в процесс врачевания.

То, что изначально форма (качество) главенствует над материей (количеством), подтверждается фактами. Жизненные функции нашего организма зависят не столько от количественных, сколько от качественных показателей: так, железы, вырабатывая гормоны и витамины в количествах, по сути, ничтожных, оказывают огромное влияние на наше состояние.

Сказано же в Священном Писании: «в плоти моей я вижу Б-га» (Иов, 19:26).

От признания того, что нашему духу принадлежит власть над физическим телом (этим миром в миниатюре), остается один лишь шаг до признания Б-га – «Духа», царящего над всем мирозданием. Сказано мудрыми: «Как душа, наполняя тело, его животворит, оставаясь при том невидимой, так и Святой, да будет Он благословен, наполняет мир, животворит его и, будучи отчасти постигаем, остается при том невидимым» (Мидраш Теилим, 103:5).

Все это относится к вещам общего порядка. Касаясь частных, следует заметить: есть многое, связанное с врачебной практикой как таковой, что соотносится с Законом. И Ваша организация могла бы внести здесь определенную ясность, ибо сказанное ею было бы услышано.

Назову лишь некоторые из этих проблем.

Важно донести до сколь возможно большего числа людей все преимущества, которые несет с собой соблюдение законов таарат а-мишпатим, касающихся чистоты семейной жизни, кошерного питания и соблюдения заповеди об обрезании.

Что касается болезней, поражающих половые органы: важно, насколько возможно, отказаться от методов лечения, ведущих к стерилизации больного, заменяя их другими; в частности, это касается удаления простаты.

Процедуры и препараты: многие из них могут полностью соответствовать законам о кашруте, и часто лишь нежелание или небрежение мешают тому.

Для изучения анатомии вполне возможно использовать модели и муляжи. Во многих случаях совершенно нет нужды проводить вскрытие тела для установления причин смерти. Следует свести к самому необходимому минимуму хирургические вмешательства, – они оправданы лишь тогда, когда речь идет о спасении жизни. (Сюда попадают и такого рода случаи, когда, например, встает вопрос о вскрытии тела для оправдания человека, обвиненного в отравлении.) Органы, удаленные в ходе операции, должны быть погребены в земле.

Список этот можно продолжать.

Нет нужды говорить, я упоминал о том, как соблюдение религиозных установлений положительно сказывается на нашем здоровье, вовсе не для того, чтобы

сложилось впечатление, будто мы соблюдаем их ради выгоды или пользы. Б-жественные установления должны соблюдаться в силу того, что они суть заповеди и выражение воли Творца, и «награда за заповедь – сама заповедь» (Пиркей Авот, 4:2), ибо «в этом – вся <суть> человека» (Коелет, 12:13): мы обретаем связь с Б-гом через исполнение Его заповедей.

Но, заботясь о благе тех, кто слаб и сам не может прийти к соблюдению установлений веры, иначе как осознав, что в этом есть практическая польза, мы должны побуждать этих людей к ежедневному соблюдению заповедей, указывая им: заповеданное Б-гом пойдет на пользу.

«ДАВАЙ И БЕРИ»:

ФОРМУЛА СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ

Ааде Эацад

В прошлом номере журнала мы говорили о благотворительности и о том, что стремление помочь нуждающемуся, дать ближнему заложено в самой природе человека. Это, что называется, «искра Б-жья в человеке»: ведь Б-г дает нам всё и, когда мы сами даем, мы как бы приближаемся к Б-гу. Но чтобы «искра Б-жья» ярко засияла, надо пройти нелегкий путь. Надо получить много уроков от жизни и от взаимоотношений с другими людьми, понять, что человек дает не для того, чтобы успокоить свою совесть, а потому, что Б-г этого хочет. В Торе подробно описано – когда нужно давать, кому, сколько. Почему такая тщательность? Да потому, что Б-г хочет гармонизировать нашу жизнь, сделать ее максимально полной и счастливой. А для этого учит нас строить отношения друг с другом в двух направлениях. Одно – то, что мы даем другим, другое – что получаем от них.

Вначале мы, конечно, больше получаем. Когда младенец кричит – это, как правило, значит: «Дай!» Маленький ребенок чувствует, что родители должны удовлетворять его потребности. Возможно, память об этом он хранит еще с периода до рождения: ведь плод питается от матери. Так или иначе – ребенок существо несамостоятельное, поэтому естественно, что старшие дают ему все. Но уже в достаточно юном возрасте он начинает учиться не только брать, но и давать. Когда дети играют в садике, ребенок, который готов поделиться своими игрушками, пользуется любовью сверстников, и они, в свою очередь, сами делятся с ним. Так постепенно у маленького человека вырабатывается понимание: ему хорошо не тогда, когда он стремится получить удовольствие только для себя, а тогда, когда доставляет удовольствие другим.

Момент истины приходит, когда человек вступает в брак. Брачный союз основан на любви, а любовь – это желание дать, все сделать для любимого человека. Почему Б-г создал первую женщину из ребра первого мужчины? Каббала объясняет, что в этом великая мудрость Б-жественного замысла: муж и жена первоначально были одним целым, потом Б-г разделил их, – поскольку «негоже человеку быть одному», их должно стать двое, чтобы помогали друг другу, а цель супружеского союза – соединить две половины одного целого и снова стать «единой плотью»!

Конечно, мы знаем, что некоторые стремятся вступить в брак из иных соображений – ради богатства, ради карьеры... Но такой брак, основанный на стремлении «получить», обречен. Только если супругов соединила любовь, они будут оберегать друг друга, помогать друг другу и наполнять свою жизнь радостью.

Любовный союз супругов, каждый из которых настроен дать максимум своему партнеру, – это шаг, приближающий человека к Б-гу. Недаром еще царь Шломо определял супружескую любовь как союз с Б-жественностью, сопровождаемый абсолютным духовным блаженством. Но чтобы достичь гармонии в супружеской жизни, недостаточно только давать. Важно, чтобы человек умел высказать, чего он хочет. Если любящий

супруг не умеет сказать, чего хочет от любимой, он в конце концов начнет говорить ей о том, что ему в ней «не нравится» – а это прямой путь к разрушению любви.

Однажды мне пришлось мирить супругов, которые поссорились именно из-за неумения объясниться. Муж спросил жену, что она хочет получить на день рождения. Жена сказала: «Ничего не надо». Потом они пришли в ювелирный магазин, жена показала кольцо, которое ей очень нравилось. Она надеялась, что муж подарит ей это кольцо, но прямо не сказала. Муж намека не понял – в результате жена решила, что он «черствый и нечуткий». Едва до развода дело не дошло...

Затем приходит следующий этап – рождение детей. Здесь оба родителя хотят только давать. Они не думают, ради чего дают, просто чувствуют, что это их главная потребность. Наверное, в этой ситуации человек достигает высшей точки приближения к Б-гу: ведь главное свойство Б-га, которое явлено нам каждый день, это стремление давать. Впрочем, в отношениях родителей с детьми, как в отношениях между супругами, необходим диалог: не просто давать, но и воспитывать, то есть объяснять ребенку, какого поведения, каких действий родители ждут от него.

Постепенно человек старится, и вот уже сам он нуждается в помощи. Но родители, которые всю свою взрослую жизнь только давали, а не получали, сплошь и рядом не хотят получать помощь от своих детей. Мы знаем случаи, когда престарелые люди готовы просить помощь от общины, а от помощи собственного ребенка отказываются. Такие люди попали в психологическую ловушку: они до сих пор считают своих детей маленькими, им стыдно просить помощь от тех, кто, по их представлениям, сам нуждается в помощи. Но этим самым они и детей своих загоняют в ту же ловушку: часто дети никак не могут повзрослеть.

Известна притча о слишком заботливой матери, которая всю жизнь работала, чтобы вырастить сына. Когда сын окончил школу, соседи сказали ей: «Теперь вы сможете отдохнуть, сын будет о вас заботиться». Что вы, возразила женщина, он еще не самостоятельный, пусть сначала окончит университет. Сын и университет окончил – однако мать снова отложила свой отдых, до тех пор пока сын не сделает карьеру. Потом – пока не женится... Наконец старая женщина умерла, и все увидели, что сын... перестал работать. Оказывается, он всю жизнь хотел стать взрослым, чтобы позаботиться о матери. Мать умерла, а он до сих пор чувствует себя ребенком – и теперь совершенно не знает, что делать!..

Вывод из нашей истории таков. Естественный ход человеческой жизни идет от «больше получать» к «больше давать». Это соответствует нашим желаниям, это говорит о нашем постепенном приближении к Б-гу. Но человек не должен стесняться получать – хотя бы для того, чтобы позволить удовлетворить естественное желание ближнего, который хочет дать ему.

КАББАЛА О ДВОЙСТВЕННОСТИ МИРА

Nei hi Aaei'ami

Порожденный эпохой эмансипации вопрос о том, как связать современность и религиозную веру, проистекает из непонимания Б-жественного единства.

Идеологические корни этой дилеммы можно найти в каббалистической аргументации о самой природе бытия.



Объясняя, что независимое бытие возможно пред лицом Б-жественного всеприсутствия, Аризаль (рабби Исаак Лурия), великий мистик из Цфата, учил о тайне (сод) цимцум. Лурианская доктрина каббалы рассматривает бытие как результат Б-жественного сокрытия. Вспомним знаменитые слова Аризаля: «Сначала Б-жественная бесконечная энергия/свет (ор эйн соф) наполняла все бытие и не существовало “места” для созидания конечных миров. Затем произошел цимцум, который сжал и скрыл свет, освободив “пространство” для нашего бытия» – реальности, ощущающей независимость от своего Б-жественного источника.

Попытка понять смысл цимцума породила знаменитую полемику. Одни исследователи объясняли «цимцум» буквально («цимцум ки пшуту»): Б-жество в самом деле «удалило» Себя из бытия. С их точки зрения, это единственная возможность примирить нашу внутреннюю реальность с Б-жественным присутствием: Б-г был бы осквернен, скажи мы, что Он присутствует в «нечистоте» нашего мира. А так присутствие и провидение Б-жье в этом мире подобно «царю, который наблюдает грязь через окно».

Другие, однако, полагали, что буквальное понимание цимцума искажает учение о нем. Не считая того, что цимцум, понимаемый буквально, приписывает Б-гу материальность, «отход» Б-жества означал бы, что Б-жественное присутствие не обнаруживается непосредственно в нашем бытии. Но это противоречит фундаментальному принципу Б-жественного единства: во многих библейских стихах ясно говорится о всеприсутствии Б-га в мире.

Поэтому исследователи интерпретируют цимцум не буквально (ше-ло ки пшуту). Б-жество не могло «удалить» Себя из бытия; Оно только сокрыло Себя. Даже если мы не способны постичь Его присутствия, оно пребывает в каждой частице бытия, поддерживая его ровным потоком обновленной энергии. Поскольку Б-жество не ограничено никакими «свойствами» – «физическими», «духовными» и иными, – нам не дано в полной мере понять, как Б-жественное может присутствовать в «нечистом», вместе с тем не «связанное» им, не подчиненное «нечистому».

Эти две интерпретации цимцума не носят только академического или философского характера. Их значение велико, и выводы из них очень серьезны.

Согласно первому мнению, которое разделяют некоторые великие мистики, Б-жественное в конечном счете никогда не может быть по-настоящему интегрировано ни в материальный мир, ни тем более в современную жизнь. Приверженцы этого мнения полагают, что опыт Б-жественного постигается через отрицание мира. Даже в мирской жизни всегда существует принципиальная напряженность между «низшей», конечной, вселенной и «высшим», бесконечным, Б-жеством. Это неизбежно приводит к разделенности, фрагментации – двойственности, точно описанной в опыте «Современного ортодокса» Ноаха Фельдмана.

Однако вторым мнением обусловлен совершенно иной подход. Б-жественное присутствует везде и всегда, в каждой микрочастице времени, пространства и души. Миссия нашей жизни – открывать Б-жественное во всякий момент повседневности, очищать и одухотворять материю, превращать ее в священное горючее.

Зло следует отрицать, отвергать и разрушать. Но сама по себе Вселенная – не зло, равно как и человечество. Зло – это состояние сокрытого духа, это отсутствие добра; оно способно к самостоятельным разрушительным действиям, обусловленным нашим выбором и нашими поступками. Решив сопротивляться разрушительному искушению, «переломить» его – а поддавшись искушению, загладить вину, – мы открываем добро внутри материального мира, извечно спящий Б-жественный свет, ожидающий, когда его разбудят.

Этот подход свидетельствует со всей определенностью: полная интеграция материи и духа, веры и знания не только возможна, но и необходима.

Любопытно, что первая концепция цимцума кажется поначалу более приспособленной к современной жизни. Поскольку «Б-жество» буквально «удалено» из этого мира, то мы, сталкиваясь с вызовами современности, в известной мере предоставлены «самим себе». Да, «царь взирает через окно», но, поскольку свойство Б-жественности буквально «удалено» из нашего телесного бытия, нам остается лишь искать компромисс с «законами» общества. Утверждение наших мудрецов: «приходя в город, исполняйте его обычаи» – «будучи в Риме, поступайте, как поступают римляне» – по словам Ноаха Фельдмана, имеет такой смысл: «еврей дома и человек на улице».

Напротив, если принять подход, не дающий цимцуму буквального истолкования, то это утверждение воспринимается иначе: «исполнять их обычаи» нужно не потому, что у них сила, а потому, что Б-жественный закон призывает нас одухотворить эти обычаи и возвысить город, открыть его внутреннюю Б-жественность и преобразить в дом Б-жий.

При более углубленном анализе оказывается, что первый подход, приспособиваясь к современности, на самом деле ограничивает возможности ее преобразования. В лучшем случае, приходится «ушивать» веру до социальных норм и возвышать социальные нормы до более высокой, алахической модели («человека Алахи»), в худшем – подчиниться этим нормам. Но, оставаясь в границах этих норм, связанные ими, мы не можем ими управлять. Второй же подход, когда мы стоим над законами, парадоксальным образом позволяет нам преобразовать материальное и интегрировать материальное и духовное.

Точнее говоря, два подхода к цимцуму делятся на четыре подхода:

- 1) Цимцум имеет место в буквальном смысле слова и также в самой Б-жественной сущности (источнике света), а не просто в Б-жественном свете.
- 2) Цимцум имеет место в буквальном смысле слова, но только в Б-жественном свете.
- 3) Цимцума не происходит в буквальном смысле слова, как и в Б-жественном Источнике света.
- 4) Цимцума не происходит в буквальном смысле слова, но только в Б-жественном свете.

Четыре подхода отличны в двух основных посылках: 1) Существует цимцум в буквальном смысле слова или нет? То есть Б-жество действительно «удалено» или лишь сокрыто от бытия? 2) Это происходит в Б-жественной сущности или только в Б-жественном свете, что означает: сокрытие или «удаление» исключительно на уровне сознания (света) или также затрагивает Сущность (бессознательное)?

В контексте нашего разговора об интеграции эти подходы могут быть охарактеризованы следующим образом.

Первый подход представляет собой наиболее радикальную форму «разъединения» Б-жества и мира. Б-жественное единство обретается главным образом через отвержение земного. Б-жественное откровение не только невозможно интегрировать в наш мир, но даже сам Источник «удален», и, чтобы прийти к нему, нужно отречься от материального (в психологическом плане это означает, что исключено постижение как сознательного, так и бессознательного).

Второй подход подразумевает, что элемент Б-жественного Источника проявляется в нашей физической жизни, но неявным образом; Сущность выражает себя в своих собственных понятиях, но не в наших. В силу низшего характера нашего бытия нам не дано сочетать его с проявлениями Б-жественного. Опыт Б-жественного мы переживаем не в рамках собственных критериев, а вне их. (В психологическом плане это означает, что переживается бессознательный опыт, не подвластный выражению ни в какой форме сознательного.)

Третий подход (модифицированный вариант радикального первого) предполагает, что Б-жественный источник «отделен» от нашего бытия, но не в такой степени, как в первом подходе (когда утверждается, что цимцум имеет место в буквальном смысле слова). Б-жественная сущность не удалена, но сокрыта. Поскольку Сущность подвержена цимцуму (даже когда сокрыта), то, в конечном счете, у нее не

совсем ясные (иными словами, дистанцированные) отношения с творением, вследствие чего она не способна в полной мере преобразить современный мир.

Наконец, сторонники последнего подхода утверждают, что и Б-жественная Сущность не подвержена цимцуму. Она вне откровения и сокрытия, поэтому неотъемлема от бытия. В каждый момент, в любой ситуации Б-г доступен человеку. Кроме того, даже Б-жественный свет – сознательное переживание Б-жественного (только на низшем уровне) – просто сокрыт (не «удален») и ожидает своего раскрытия.

Иначе говоря, интеграция материи и духа возможна по двум причинам: 1) Сущность, которую не затронуло сотворение Вселенной и цимцум, делает для нас возможным соединять материю и дух. 2) Это соединение происходит не только на сущностном уровне, но проникает в наше сознание по мере того, как мы одухотворяем свою жизнь и открываем скрытую в мире Б-жественность.

В психологическом плане, у нас есть модель полного соединения всех четырех измерений – Б-жественного бессознательного и сознания, соединенного с человеческим бессознательным и сознанием.

Сокрытие цимцума – только один элемент удивительной системы, позволяющей нам достичь Б-жественного единства (Ахдут Ашем) во Вселенной. Кроме цимцума, мистики подробно описывают изысканно-элегантную структуру, которая учит нас сочетать небо и землю, соединять каждый аспект нашего бытия с высшей целью, в конце концов, с Самим Б-жеством.

Каббалистические понятия «решиму» и «кав» («останки» и «тонкий луч света», следующий за цимцум), «огни» и «сосуды» («орот и кейлим»), сфирот и «миры» – все это создает Космический Порядок, помогающий нам развивать и расширять наши собственные материальные «сосуды» и соединять их с «огнями» духовности.

Что это означает?

В практическом смысле это означает, что мы можем объединять два мира – веры и современности.

У каждого из нас есть долг и возможности одухотворить свои способности, профессиональные занятия и цели. Мы не приспособливаем их для личных нужд, но используем, чтобы помочь другим и исправить мир вокруг нас.

Духовный опыт не обязательно должен быть драматичным. Порой его источник – обычный добрый поступок. Чтобы сегодняшнее дело чуть-чуть превзошло вчерашнее.

Это все, что от нас требуется. Всегда нужно помнить, что двойственность Вселенной существует только в нашем воображении. За ней скрывается огромный запас энергии и света, в сердцевине же его – Б-жественная Сущность, неприкосновенная, не подверженная никаким потрясениям.

Б-жественная Сущность – как и все откровения в истории – вместе с нами, в каждый момент, в каждом уголке, в каждом нашем опыте!

Все, что от нас нужно, – это открыть глаза и видеть сквозь пелену.

И действовать.

РАББИ ШНЕУР-ЗАЛМАН ИЗ ЛЯД

Nai oee Aidoöööööö

Окончание. Начало в № 3, 5, 2008

7.

После победы над внешним врагом, когда р. Шнеур-Залман вернулся домой, у него появился новый, теперь уже внутренний враг – его прежний товарищ р. Авраам из Калиска. После смерти р. Мендла из Витебска Калискер занял место покойного и продолжал получать финансовую поддержку от р. Шнеура-Залмана из России точно так же, как получал ее прежде Витебский ребе. Время от времени Калискер слал автору Таньи дружеские письма и призывал белорусских хасидов со всеми вопросами идти к р. Шнеуру-Залману, ибо «он чудесный советник, и всякий, у кого есть нужда спросить о чем-то, пусть к нему обращается, а уж он укажет истинный путь – путь Всевышнего. К нему обращайтесь!»^[1] Р. Шнеур-Залман искренне верил в дружеские чувства р. Авраама из Калиска, отвечал ему взаимностью и призывал хасидов деньгами поддерживать хасидское «представительство» на Святой земле, как это делалось при жизни р. Мендла из Витебска: «Вы ведь знаете и слышали о важности заповеди поддерживать еврейское пребывание в Стране Израиля – столь велико ее значение, что даже приобретение там одного дома отесняет серьезные запреты святой Субботы, и уж тем более следует даровать пропитание многим чистым душам, служащим Всевышнему в чистоте и святости, которые приобретают святость и чистоту от святости и чистоты святого учителя и наставника р. Авраама, священника первого над братьями своими, равного покойному учителю в познании Торы и в Б-гобоязненности»^[2].

Когда за пределами России разразился скандал из-за того, что р. Авраама заподозрили в несправедливом распределении получаемых денег, р. Шнеур-Залман выступил в его защиту: «Считающие себя мудрецами, мыслящие себя правыми, готовы разрушить Святую землю (да отстроится!) и понапрасну выступают против правления учителя нашего р. Авраама, великого козна». В конце концов обида р. Авраама на р. Шнеура-Залмана стала явной, он больше не мог спокойно смотреть на то, что распределение всех средств ведется через р. Шнеура-Залмана, и выразил желание, чтобы пожертвования на хасидов Святой земли передавались напрямую его посланцам, без посредничества р. Шнеур-Залмана. Дело кончилось тяжкими взаимными обвинениями: р. Авраам обвинял р. Шнеура-Залмана в том, что тот далеко не все деньги пересылает в Страну Израиля, а р. Шнеур-Залман, в свою очередь, указывал на многолетнюю дружескую переписку, которая была бы невозможна, если бы обвинения были справедливыми. Тогда Калискер повторил свои обвинения в письме рабби Леви-Ицхаку из Бердичева. Тот в ответном послании напомнил, что покойный Магид из Межерича высоко ценил р. Шнеура-Залмана, что сам р. Шнеур-Залман полностью усвоил стиль и манеру учителя и делает важнейшее дело: распространяет Тору и внедряет исполнение заповедей, считая это первейшей обязанностью раввина и духовного руководителя. Кроме того, р. Леви-Ицхак возложил вину за разгоревшийся скандал на р. Авраама, указав, что это он начал распространять слухи о недостойном поведении человека, чья праведность общеизвестна. Кончилось все тем, что р. Шнеур-Залман разослал хасидам послание, в котором предлагал своей пастве прекратить общение с посланцами «раввина из Тверии и не вступать с ними ни в какие споры и пререкания».



Еврейское кладбище. Меджибож.

Разрыв между р. Шнеур-Залманом и цадиками Украины еще усугубился после его встречи с р. Барухом из Меджибожа, внуком Бешта. Ореол дедовой славы делал р. Баруха одной из самых почитаемых фигур в хасидском мире. В 1808 году по указу властей многие евреи были высланы из деревень, где они раньше проживали. Многие лишились средств пропитания, а некоторые оказались в заточении^[3]. Это бедствие тронуло сердце р. Шнеура-Залмана, и он отправился в поездку по всему краю собирать средства в помощь изгнанным и для «выкупа пленных». В ходе поездки он посетил и некоторые места, находившиеся в пределах территории властвования р. Баруха из Меджибожа, который резко воспротивился посягательствам чужака. В одном из писем р. Шнеур-Залман оставил нам описание встречи этих двух духовных пастырей:

– Зачем вам все это нужно, когда вы можете отменить небесные приговоры, проведя рукой по лбу и лицу? – спросил р. Барух.

– Так и наш праотец Яков мог отменить небесные приговоры, но все равно сказал: «Откуплюсь от него дарами»^[4]. А по правде говоря, нужно и небесные приговоры отменять, и дары Эсау посылать.

– И разве приличествует вам самому колесить по местечкам?

– А разве я выше р. Пинхаса бен Яира, который всю жизнь разъезжал, выкупая плененных?..^[5]

После этого я спросил его, правда ли то, что передают от его имени, будто моя «Книга Средних»^[6] поучительная книга? Он признал, что это так. Тогда я спросил его:

– И почему же вы гневаетесь на меня?

– А почему вы прибыли в мою страну?

– Два ответа. Во-первых, сказано в псалме (24:1): «Г-споду земля и все наполняющее ее». А во-вторых, не мог я стерпеть страдания людей, изгнанных со своих мест, из своих деревень, брошенных без пропитания и пухнувших с голода.

– А вам-то что, что они умирают? – ответил он.

– Похоже, что вы поверили клеветникам из Палестины, – отвечал ему я.

Потому что до 1802 года мы были в добрых отношениях, а теперь их посланцы^[17] распространили обо мне клевету, и он, похоже, поверил ей, как поверил Шауль клевете о Давиде. А потому я отвечал, как отвечал Давид Шаулю:

– «Рассудит Г-сподь между мною и вами»^[18].

Рассказывают, что прежде, чем навестить р. Баруха, р. Шнеур-Залман завернул к правнуку Бешта, р. Нахману Брацлавскому, и тот, услышав о планах р. Шнеура-Залмана обсудить с дядей общественные дела, ответил, что дядю он знает хорошо, и заключил: «Фетер бойх – фетер Бурих»^[19].

8.

Приблизительно в 1802 году р. Шнеур-Залман оставил родное Лиозно и переехал в городок Ляды^[10] – оттого его и прозвали Ребе из Ляд. В прошлом, побуждаемый стремлением к миротворчеству, р. Шнеур-Залман не сумел устроить встречу с главой миснагедского течения Виленским гаоном. Теперь же, когда страсти улеглись, он смог навестить раввинов из соседних местечек, в том числе побывал в гостях у великого своей талмудической ученостью р. Йеошуа Цейтлина^[11]. Ребе из Ляд удалось убедить всех, с кем он беседовал, в своих глубоких талмудических познаниях, и он приложил массу усилий, чтобы показать, что в хасидском учении нет отступлений от законов Торы. По одному из актуальнейших вопросов того времени – споре о законности применения остро заточенных (без зазубрин) ножей для забоя скота – ему удалось убедить оппонентов из миснагедского лагеря, что в хасидском обычае пользоваться такими ножами нет отклонения от закона Торы, и во многих общинах, даже и в Стране Израиля, и «многими из сефардов» такой обычай принят. Более того, даже р. Хаим из Воложина в 1803 году оповестил от имени своего учителя Виленского гаона, что, «согласно закону Талмуда и мнению авторитетов, нет никакого запрета на забой скота отточенными ножами. И если тот признал это запрещенным, то с единственной целью отмежеваться от наших людей, подобно прочим постановлениям, что вышли по ошибке из уст владыки в 5532 году и отделяют нас, словно еретиков, “коих сталкивают, но не вытаскивают”. Теперь, по прошествии многих лет после смерти праведного Гаона, – добавляет в своем письме р. Шнеур-Залман, – его учение осталось в силе, и все его последователи больше не хотят напрасного кровопролития. Истина открылась всем, и все ясно видят, что нет в нашем движении даже ничтожной крупинки ереси. Таким образом, колена могут вступать в брак друг с другом, и таким образом полностью отменены ошибочные постановления 5532 года». Свое письмо он подписал: «Ищущий мира и стремящийся к миру»^[12]. Сам р. Шнеур-Залман и его глубокое знание Талмуда произвели столь сильное впечатление на миснагедских раввинов, что он был приглашен на «съезд края для обсуждения многих разных вопросов», который состоялся в Шклове, том самом городе, где раньше проходило собрание, предавшее анафеме хасидов и хасидизм.

В 1812 году наполеоновские войска шли в наступление через Белоруссию, а потом через нее же отступали. Многие жители края пережили тяжкие времена, особенно

досталось евреям. В той войне Ребе из Ляд занял сторону императора Александра. Вот что он писал тогда р. Мойше Майзелю^[13]:

В первый день Рош а-Шана было мне видение, что если победит Бонапарте, умножится богатство Израиля и будет ему почет, но вместе с тем отделится сердце народа от Отца Небесного. Если же победит наш владыка Александр, умножится нищета Израиля и положение наше станет еще более униженным, но сердца Израиля станут крепче привязаны к Отцу Небесному. И вот тебе знамение: в ближайшее время отберут «отраду очей ваших»^[14], а еще через какое-то время начнут брать в армию братьев наших, сынов Израиля^[15].

Р. Шнеур-Залман также говорил: «Основа еврейской религии может во всей силе сохраниться только под властью Его Величества Императора, ибо он верит в единство Всевышнего и искренне желает блага слугам Всевышнего и стремится поддержать еврейскую веру». Наполеон же, наоборот, «есть олицетворение Сатаны, он стоит во главе сил зла в их борьбе с силами добра. Он стремится лишь ко всему, что противостоит милости Всевышнего, он на стороне зла и смерти, и вся его жизнь – водворить зло. Его сущность можно описать в двух пунктах: 1. Смерть, убийство и гибель бесчисленного количества людей ради войны до победного конца или до полного самоуничтожения. 2. Его гордыня и уверенность в своей мудрости и силе, уверенность в своем таланте полководца. Но даже когда он стоит на вершине славы своих побед, стоит помнить, что именно о таком пишет пророк (Овадья, 1:4): “Если даже ты взлетишь высоко, как орел, и среди звезд устроишь гнездо свое, то и оттуда Я низрину тебя, – говорит Г-сподь”. А про Хизкияу сказано (Диврей а-ямим, 32:25): “За то, что возгордился в сердце своем”. Ведь всякий, кто в гордыне своей ставит все происходящее себе в заслугу и говорит: “Своими силами, собственными руками”^[16], отрицает Провидение, и веру в Б-га, и об этом сказано (Теилим, 52:9): “Вот герой, не считавший Б-га своею крепостью, а полагавшийся на великое богатство свое, коварство силой своей считавший”. Низвергнет его Всевышний, кинет в бездну, чтобы явить всем, что Г-сподь дает силы и мощь». Р. Шнеур-Залман надеялся, что, несмотря на русский антисемитизм, «когда Всевышний дарует победу Его Величеству Александру, и падут его враги, он, конечно же, вспомнит евреев, и найдет им достойное место среди остального народа, и дарует вечные свободы»^[17].



Русские генералы, расквартированные в тех местах, были осведомлены о позиции р. Шнеура-Залмана и его огромном влиянии на хасидские массы, а потому при приближении французов они предложили рабби и его семье эвакуироваться во внутренние районы России. Сам престарелый рабби призывал домочадцев быстро собираться и немедленно оставить дом, говоря: «Лучше умереть, чем жить под его (Наполеона) властью. Пусть не увижу я горестей народа своего». Стремительность его сборов невозможно описать. Он был уже стар и немощен, зимние морозы и тяготы пути были ему не по силам, но он не хотел оставаться и одного дня под его властью. Осенью 1812 года рабби и его домочадцы – «двадцать восемь человек, включая детей, на двух телегах» – бежали. По совету генерала, стоявшего в Лядах, они сначала направились в Смоленск, но затем часто переезжали. Р. Шнеур-Залман «приказал ехать в Субботу, сказав, что это дозволено, ибо заповедано спасти себя от врагов». Так они скитались от города к городу. «В праздник Рош а-Шана^[18], – рассказывает его сын в приводимом тут письме, – он собрал нас и попытался утешить: “Сегодня во время молитвы мне было видение, что несмотря на то, что враг возьмет Москву, он не сможет оправиться, и победа будет за нами, потому что сегодня на Небесах подписано это <...> В Субботу перед Йом Кипуром, перед молитвой Мусаф, он позвал меня и послал за рабби Мендлом и начал плакать. Слезы катились по его щекам, когда он воскликнул: “Горе, ибо вся Белоруссия будет разорена отступающим врагом! Таково воздаяние за Хмельницкого, которого в Белоруссии не было, а только на Волыни и Украине”. <...> Я сказал ему: “Он еще не вошел в Москву, а если он ее возьмет, то, может быть, повернет в другую сторону”. На что он ответил: “Москву, он, конечно, возьмет в ближайшее время. Но силы его подорваны, и он уже как будто умер, ибо его великая победа его и убьет. Он войдет в Москву^[19], но отсюда начнется его падение, не имеющее себе равных. Он не сможет задержаться в ней и начнет отступление через Белоруссию, а не через Малороссию”. Перед Йом Кипуром мы прибыли во Владимир, и тогда же через Владимир бежал Сенат^[20]. Когда я увидел, как несутся их кареты, я прибежал к нему и, показывая на то, что творилось за окном, сказал: “Смотри, папа, как бежит Сенат! Где твое обещание, что сразу после падения Москвы он падет?” Отец обнял меня и сказал: “Видишь, на мне тфилин, а потому не обману тебя: видит Б-г, не пройдет он через Москву, но вскоре уйдет оттуда, и пойдет не на Петербург, а будет возвращаться через Беларусь, в поисках пищи.

Но не найдет он там покоя и падет окончательно. Верь мне!” Тогда и мы двинулись оттуда. Мы проехали через рязанские деревни, Тамбов, Орел, вплоть до Курска – всего 12 сотен верст. Дело было в начале зимы, при жутком морозе и голоде. Мы с трудом доставали хлеб и воду. Это было страшное путешествие. Во всех деревнях нас проклинали, и только покровительство помещиков спасало нас от бед. Так мы прибыли в деревню Пены. Слабость отца стала невыносимой. Его начало рвать желчью, и за пять дней он угас. На исходе Субботы главы Шмот, 24 тевета^[21] прошлого года он умер. После его кончины мы отвезли его в город Гадяч Полтавской губернии и там, на местном кладбище, в перелеске, похоронили его. Над могилой поставили добротное деревянное надгробие, соорудили кирпичную стену вокруг, как у могил его предков, и великие цадики приходят туда молиться в час беды своей».



Охель р. Шнеура-Залмана в Гадяче Полтавской области.

На каменном надгробии р. Шнеура-Залмана из Ляд выбиты следующие слова:

Çääñi i ðääi çai ää ññyüai i üé éîâ:ää

Ääëéîä Ä-æañðäü i îä ó:èðäëÿ,

ñeðî i îä i ðäääi éä,

ññyðîä é ÷eñðîä. Ääää èçä ai èÿ Äðëÿÿ,

ääi äö Öîðü é eñðî:íéé i ääðñè -

ñ ðäääëéäññöü Ä-æèp îí òäñðé, ñä

äi Èçðäèä,

i îäëð îòäðàèéé îí îò äîäà

Íàø ó:èðäëüé íañðäâíéé

Öíäöð-Çäèi ai ññi ä Ääðöä

(ää i ðääüääò ä Ðäp) -

íí àĩçææéæ ñàÿò íñò è è àáđí óé Á-áó

áóóó

íà èññíää Ñóááí ò ù 24-á áíÿ ì áñÿòà

ò ááò

5574 áää íò Ñí ò áíđáí èÿ ì èđà

Í áááá ñ è áđè ò à Í à è đà È á è í á à

^[1] При а-Арец, письма.

^[2] Из письма р. Шнеура-Залмана от 1787 (5547) года. Р. Авраам, священник – р. Авраам из Калиска принадлежал к потомкам Аарона, то есть был коэном и имел право на священство в Храме. Оттого его порой называли р. Авраамом Коэном.

^[3] Подразумевается Указ от 19 октября 1807 года, предписывающий ввиду военного времени (Прусская кампания против Наполеона) с января 1808 года, «без отлагательства малейшего и послабления», начать переселение евреев из ряда губерний, в том числе Подольской и Могилевской. Указом от 29 декабря 1808 года выселение было приостановлено вплоть до дальнейшего повеления, кое так и не последовало.

^[4] Слова Яакова перед встречей с Эсавом (Берешит, 32:21).

^[5] См.: Талмуд, Хулин, 7а.

^[6] Название одной из частей книги «Танья».

^[7] Посланные р. Авраамом из Калиска из Страны Израиля.

^[8] Из библейского стиха (I Шмуэль, 24:12): «Рассудит Г-сподь между мною и тобой, и Г-сподь отмстит за меня, но руки моей на тебе не будет».

^[9] Каламбур, букв.: «Жирное брюхо – дядюшка Барух» (идиш).

^[10] В Могилевской губернии.

^[11] Р. Йеошуа Цейтлин – ученый раввин, поставщик князя Потемкина. После смерти князя оставил пост и жил жизнью состоятельного помещика в деревне Устье Могилевской губернии. На свои деньги содержал многих ученых и бейт мидраш.

^[12] Бейт Рабби, 1: 79–81.

^[13] Ученик Виленского гаона, р. Мойше Майзель поддерживал дружеские отношения с р.

Шнеуром-

Залманом еще при жизни р. Элияу. Во время наполеоновских войн находился в Германии, где, по крайней мере поначалу, поддерживал Наполеона, но потом, будучи заподозрен в связях с российской стороной, вынужден был бежать. Судя по тому, что после войны он без особых для себя последствий вернулся в Россию, подозрения не были совсем беспочвенными. Умер в 1838 году на Святой земле.

^[14] Ср. Йехезкель, 24:21: «Я отдам на поругание Святилище Мое <...> отраду очей ваших» – здесь, как видно, идет речь о Москве.

^[15] Бейт Рабби, 1: 92–93.

^[16] Ср. Дварим, 8:17: «Берегись, как бы ты не насытился <...> и не сказал: своими силами, собственными руками достиг я этого».

^[17] Подробней см.: Бейт Рабби, 1: 95–103.

^[18] Как раз утром этого дня начнется генеральное сражение у деревни Бородино.

^[19] Русские войска оставят Москву ровно через неделю.

^[20] Сенат бежал из Москвы еще до того, как город оставили войска.

^[21] Ночь на 24 декабря 1812 года.

ОТ ЧЕЛОВЕКА К Б-ГУ

Àëàèñáí äð Øàòðáí

Выводы, к которым приходит наука путем исследований, формулируются с предельной осторожностью и точностью, не дают полной картины реальности мира, даже открытой для нас. Ученые нашего времени уже осознают это. В сущности, они допускают: область их прогнозов (которые они стараются делать чрезвычайно объективно) перекрывается несравненно более широкой сферой, простирающейся далеко за пределы видимого или поддающегося исследованию мира. Весьма и весьма вероятно, что параллельно миру материи простирается мир антиматерии, и именно их сопоставление разрешит загадку существования материи.

МЫШЛЕНИЕ НАУЧНОЕ И МЫШЛЕНИЕ КАББАЛИСТИЧЕСКОЕ

Постижение исследуемого нами мира – вовсе не логическое следствие накопленных знаний. Ни одну из нынешних теорий мы не можем признать истинной. Мир (олам) прячется (неелам) от нас. Как пишет Джулиан Хаксли в своей книге «Человек и реальность», и самый выдающийся ученый все еще не знает «даже хотя бы кое-чего о природе духа, наполняющего суть всего сущего». Овладев этим «кое-чем», мы соединили бы доступную нам сторону жизни с той, которую не воспринимают наши органы чувств, хотя она, как мы справедливо подозреваем, безусловно существует. Эту проблему обсуждает Адольф Портман, один из видных ученых нашего времени, в своей книге «Вопросы биологии». Жизнь материального мира, зависящая от миров нематериальных, не поддается определению в терминах земной науки. Человек, представляющий собой итог сотворения мира, одаренный острым взглядом и дерзостью исследователя, не в состоянии дать определение даже самому себе, своей «скрытой мысли» (по терминологии «Зоара», см.: ч. 3, 68б; Зоар хадаш, 44б). Так же, как мир, человек не исчерпывается никакой дефиницией. Сократовский принцип «познай самого себя» в наше время утратил свое значение, поскольку применим лишь в очень ограниченных сферах психологии и нравственности (как выяснилось, и сами эти сферы ускользают от более углубленного исследования). Следовательно, система Сократа не позволяет полностью постичь реальность, хотя сам он, по словам Платона, утверждал, что достиг полного постижения.

Человек не поддается определению не только потому, что его истинная сущность выходит далеко за рамки материального существования (см.: Танья. Ч. 1. Гл. 29. С. 36б). По сути дела, то же относится к любому другому живому существу. Такие выдающиеся биологи, как Джулиан Хаксли и Адольф Портман, вполне отдают себе отчет в том, что каждый раз, когда они постигают что-то в весьма ограниченной части сущего, область неизвестного беспредельно расширяется, и неизмеримое количество явлений ускользает от их взгляда. Масштабы того, что покрыто тайной, по словам Портмана, несравнимы с доступным нашему исследованию. Поэтому то, что вчера было зафиксировано и определено, сегодня внезапно становится неопределимым. Согласно Портману, то, что не поддается определению, выше того, что поддается, и второе зависит от первого.

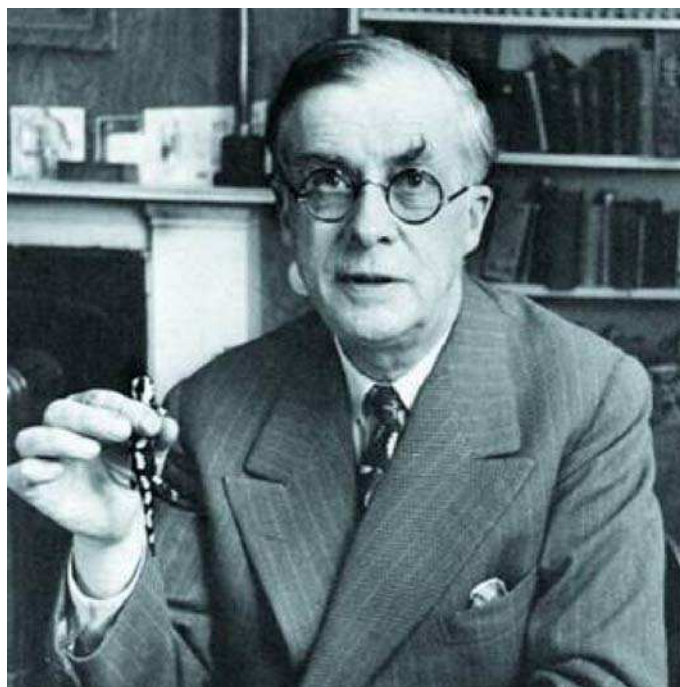
По отношению к миру мы занимаем то же положение, что и Моше-рабейну, которому было сказано: «Ибо издалека увидишь страну ту, но туда не придешь» (Дварим, 32:52). Различие лишь в том, что Моше рабейну видел страну «издалека»: он вперил взгляд в ту сторону и подробно рассматривал ее, веря в Б-га, Который показывал ему эту

страну. Наши же современники отворачиваются от мира тайн, полагая, что им не дано проникнуть в этот мир, и тем самым лишают себя преимущества увидеть его даже «издалека». Если они и подозревают, что именно там скрыто истинное величие Творца, то не живут тайной Святого, благословен Он, создавшего это величие и скрывающего Себя в нем и являющегося Сутью всего сущего.

Даже материя – конечное выражение мира, воспринимаемого органами чувств, – распадается при попытках исследовать ее внутреннее строение, как свидетельствуют Эрвин Шредингер, Вернер Гейзенберг, Нильс Бор, Макс Борн и Луи де Бройль, самые авторитетные ученые в области ядерной физики. Они утверждают: современная наука носит чисто поверхностный характер и не способна объяснить, что происходит внутри атома. В этом причина их приверженности к исследованиям ядра материального атома (того, что каббала называет «внутренней сутью всего») и страстного стремления построить квантовую теорию Космоса. Это значит, что они уже заменили механику Ньютона квантовой, или волновой, механикой.

Достоинство нашего относительного, ограниченного и поверхностного знания о нас самих и об окружающем нас мире состоит в том, что благодаря ему картина мира представляется нам неким упорядоченным целым. Отталкиваясь от него, мы обретаем возможность унести мыслью в более высокие сферы, находящиеся за пределами нашей Вселенной. Этот путь познания, направленный к совершенству, выводит нас за пределы мира форм и дает некоторое представление о возможности существования форм иного порядка: не скрывающихся, а открывающихся таящуюся в них сущность. Но их красоту «ни один глаз не увидел» (Йешаяу, 64:3), и потому мы абсолютно не способны представить себе ее.

Однако для исследователя этот конечный вывод – не более чем логический, приемлемый для его духа. Он, этот вывод, не оказывает ни малейшего влияния на его жизнь. Исследователь не желает воспринять весть, которую содержит вывод, сделанный им самим: «Б-га бойся и заповеди Его соблюдай, ибо в этом – весь человек» (Коелет, 12:13).



Джулиан Хаксли.

Б-Г ФИЛОСОФИИ И Б-Г КАББАЛЫ

Человек, жаждущий познать Б-га и Его деяния, не начинает с сомнения. Он не идет по пути создания гипотез и не старается найти окончательную формулировку. Он не рассматривает объекты своего исследования издалека – напротив, стремится максимально приблизиться к Б-гу. Б-г зовет человека – и тот отвечает на зов. Он помнит, что вышел на поиски кого-то «Другого» – Того, Чьи слова побуждают его к осознанию самого себя. Его поиски Б-га оправданы лишь тем, что он вполне убежден в несомненности существования этого «Другого». У этого человека не возникает сомнений в том, что услышанный зов обращен именно к нему. Поэтому он также без колебаний признает, что его собственное существование имеет некую цель, ибо знает: оно целиком зависит от этого «Другого». Он жаждет все более и более глубоких знаний о своем Творце, чтобы благодаря им понять истинный смысл своей жизни как жизни представителя человеческого рода.

Так же как человек не способен одарить жизнью самого себя, он не способен познать собственную сущность. Его родители не могут дать ему ключ к этой запертой двери, так как они, в свою очередь, тоже дети своих родителей. Человек знает, что родители – не единственный источник его существования: они связаны с Тем, «Другим», и, произведя его на свет, исполнили волю Творца. И лишь Он – Тот, «Другой», – может раскрыть человеку истинный смысл его появления в этом мире.

Человек, убежденный в существовании Б-га, ощущает: его собственное существование – истинное. Он не ищет причины, следствием которой оно могло стать, точно так же, как не требует «космологического» доказательства существования Причины всех причин. Просто-напросто он горит желанием узнать своего Творца – Того, Кто предопределил конечную цель его жизни.

Этот человек хочет понять намерения Всевышнего не для того, чтобы удовлетворить любопытство, он жаждет лучше и совершеннее исполнить волю своего Творца. Ему нужно знать Б-жи пути, чтобы следовать им. А чем больше он узнает о Боге, тем сильнее становится его желание приблизиться к Нему (ср.: Зоар. Ч. 3. С. 278а).

Каббалист тоже задает вопросы о смысле и цели своей жизни, однако они совсем иного рода, чем подобные вопросы философа или теолога. В отличие от Сократа, каббалист не ищет целесообразности в различных природных явлениях, чтобы использовать ее как доказательство существования «архитектора», выстроившего всю Вселенную в соответствии со Своей исключительной мудростью. Каббалист не нуждается в интеллектуальных заключениях по аналогии и экстраполяциях для подтверждения существования Б-га, в чем он и без того совершенно уверен. Не нужны ему и онтологические доказательства, ибо онтология, признавая существование «Существа совершенного и бесконечного», отрицает возможность того, что человек, несовершенный, ограниченный временем и пространством, может быть целью сотворения мира. Нравственное самосознание каббалиста опирается на нравственные принципы, существующие вне его и независимые от него. То, что философы называют «Первопричиной», «совершенным и бесконечным Существом», или «первичным Разумом», каббалист связывает именно с фактом Его совершенства и определяет им. Поэтому каббалист не видит никакого смысла в интеллектуальных усилиях философов, начиная от Августина и кончая Декартом. Онтологическое доказательство существования Б-га, в сущности, сводится к простому утверждению: «Б-г – есть». Космология добавляет к этому лишь гипотезу о появлении мира в результате развития по принципу «причина – следствие». Но как бы там ни было, любая философская теория Б-жественного ничуть не изменяет первоначального допущения, на котором покоится, и уж безусловно ни в коей

мере не обязывает к практической деятельности человека, добравшегося до конечных выводов этой теории.

Какую ценность, по сути дела, можно приписать таким доказательствам существования Б-га – рассуждениям, убеждающим лишь в одном: человек склонен создавать гипотезы и любит заниматься этим? Допустим, настанет день, когда человечество, отвергнув все старые доказательства существования Б-га, решительно откажется искать новые: подвергнет ли это опасности само существование Б-га? Ньютон, например, видел в допущении того, что Б-г существует, логическую необходимость. Лаплас в целом придерживался системы Ньютона, но, в отличие от него, для построения своей космогонии в гипотезе о существовании Б-га не нуждался (о чем не без гордости заявил Наполеону). Не имеет значения, принимает ли человек свое субъективное представление о Б-ге за истинное или ищет ему подтверждений объективного характера, считает ли, что Первопричина всего существует за пределами природы, или (если этот человек склоняется к пантеизму) полагает, что она тождественна природе: в любом случае Б-г для него – лишь некая идея, «Первопричина». Он не обладает личной реальностью, оказывающей влияние на человека, размышляющего о Нем. У такого «Б-га» нет «Я», в образе которого Он мог бы явиться человеку. Он ничего не открывает человеку и не проявляет к нему доброты. Ему вообще нет дела ни до человека, ни до его судьбы. Этот «Б-г» – лишь абстрактный термин, отражающий некую метафизическую идею. Только от человека зависит, дать ли этой идее имя «Б-г» или любое другое название. В крайнем случае, человек воздает хвалу этому Высшему Совершенству, но воля такого Высшего Существа обращена на Него самого, Оно самодостаточно, и между Ним и человеком нет никакой связи.

Это Б-г в образе «Мирового Разума», каким он предстает в философии от Аристотеля до Канта и Гегеля. Он якобы пребывает вне нашего мира, и между Ним и человеком нет никаких личностных отношений (хотя, по Канту и Гегелю, этот Б-г все же «вмешивается» время от времени в историю). Он также Б-г Истины, и потому источник Истины, однако для Него неважно, примет ли человек Его Истину или нет.

Б-г в таком представлении – вовсе не Тот, Кого человек находит в религии. По мнению Канта, те, кто связывает идею Б-га с религией ради желания сблизиться с совершенным Высшим Существом, действуют по собственному произволу. Б-г, существование Которого доказывают философы, отнюдь не личностный Б-г. Человек действительно склонен признавать превосходство Б-га, однако не испытывает страстного желания «прилепиться» к Нему (в отличие от того, чему учит религия). Человек отдает себе отчет в том, что Б-г – совершенство добра и нравственности, но не спешит следовать Его путям или подражать Его поведению с людьми, так как не получает от Б-га никакого знака, обращенного лично к нему. Такой Б-г совершенно не похож на Б-га Авраама, всемогущего и заключающего с человеком союз при условии, что тот «пойдет перед Ним и будет совершенным» (см.: Берешит, 17:1). Такой Б-г абсолютно не схож и с Б-гом сынов Израиля, готовым пребывать в их среде и требующим от них: «Святыми будьте, ибо свят Я – Г-сподь, Б-г ваш» (Ваикра, 19:2).

Б-г – «Мировой Разум» – не открывает человеку тайны. А не давая откровения, Он не может претендовать на то, что обретет реальность для человека, как справедливо замечает Карл Ясперс. Впрочем, Ясперс признает, что множество людей убеждены в существовании Б-га, хотя и не мечтают удостоиться Его откровения. Наиболее «интеллектуальным» философам – таким, как Плотин или Спиноза, – существующий, однако не вступающий с человеком ни в какое общение Б-г представляется

интеллектуальной душой, наполняющей мир, организующей миропорядок и поддерживающей его неизменность.

Как Б-г трансцендентальный, так и Б-г имманентный, разлитый в природе и отождествляющийся с ней, в равной степени отстраняются от соприкосновения с человеком. Следовательно, человек – одинок и бессилен, несмотря на интеллект, полученный им, как он знает, от «Мирового Разума». Человек не может рассчитывать ни на какую помощь от такого Б-га: взывая к Нему или даже восхваляя Его, он не получает от Него никакого ответа. Б-г Спинозы – так же как и Б-г Платона – готов позволить человеку любить Себя, однако вовсе не отвечает ему любовью. «Интеллектуальный Б-г – любовь» Спинозы абсолютно равнодушен к человеку.



Ни «Мировой Разум», ни «Б-г – природа» не могут предложить человеку того, чем одаряет его Б-г религии: объединения со своим Творцом. В рамках религии человек оказывается «компаньоном» Б-га в деле созидания, сохранения и совершенствования мира. Роль человека в мире обретает значение и ценность не благодаря тому, что он получает от Б-га главным образом, это зависит от того, выполняет ли он свои обязанности, чтобы исполнить волю Творца. Б-г налагает на человека ответственность за состояние мира, и тот справляется с ней как положено лишь в том случае, если деяния оправдывают его существование.

В представлении о Б-ге как о «Мировом Разуме» в наши дни можно увидеть пережиток деизма, распространенного в Европе в XVIII столетии. Пантеистическое представление о Б-ге как о «Природе» возрождается в пробудившемся интересе к индуизму. Однако ни то, ни другое не в состоянии заместить Б-га религии.

Современный человек признает, что не в силах жить без Б-га личностного. Понимает он и то, что в доказательствах существования Б-га нет ничего, позволяющего ему приписать Б-гу реальность, которая имеет для него личностное значение. Поэтому наш современник предпочитает обожествлять или свой разум (чему способствует волновая теория), или, подобно Шлейермахеру, свои эмоции, или воображение, подобно Фейербаху, или, наконец, материю – подобно Марксу. Но, испытав раз за разом разочарование в своих кумирах, он начинает приближаться к общему самообожествлению, хотя сам готов первым признать, насколько это абсурдно.

Наконец, современный человек уясняет, что все попытки спастись от одиночества и забыть об ограничениях, которыми опутала его жизнь в современном обществе, тщетны. Он стоит лицом к лицу с разрушительными последствиями чрезмерного рационализма, слепого иррационализма, туманной сентиментальности, звериного материализма и запятнанного кровью расизма. Он пытается приподняться над самим собой и достичь уровня «сверхчеловека» в понимании Ницше или, напротив, опуститься на ступень «недочеловека» в понимании Дарвина. Когда же в конце концов он убеждается в том, что падает в бездну отчаяния, ему остается только воззвать к Г-споду, своему Б-гу.

«Из теснин воззвал я к Г-споду – ответил, дав мне простор, Б-г» (Теилим, 118:5). Потонув в пучинах отчаяния, попав в твердокаменные теснины, человек вспоминает о возможности обратиться к Б-гу. «Прежде чем дойти до величия, нужно упасть до самого низкого состояния», – говорят хасиды. «Каждый раз, когда хотят подняться на новую, более высокую ступень, необходимо спуститься вниз. В этот момент человек находится в величайшей опасности, пока не исчезнет занавес, отделяющий мрак прошлого от света будущего, и тогда спуск обратится подъемом» – так учит рабби Нахман из Брацлава...

Прежде чем открыть, что можно воззвать ко Всевышнему и получить от Него личное «послание», человек должен преодолеть кризис – религиозный кризис. И этот кризис – та веха жизни, когда человек от страха переходит к вере.

СЕКС В ТАЛМУДИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

אָנאָרע פֿאַר אַ פֿרוי

Есть старый советский анекдот: лектор, приехав в колхоз с докладом на тему «Различные виды любви», начал так: «Существуют три вида любви: к представителю противоположного пола, к представителю своего пола, и любовь советского народа к Коммунистической партии. Вот о ней мы и поговорим – первый слайд, пожалуйста». Эта статья ничего подобного не предлагает – речь действительно пойдет о сексе и взгляде талмудической литературы на интимные отношения. Слайдов, правда, не будет – их заменит множество не менее наглядных и красноречивых цитат из Талмуда и других классических еврейских текстов.



ОБЯЗАННОСТИ МУЖА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЖЕНЕ

В некоторых религиозных традициях полное воздержание – идеал духовности. Сексуальные отношения считаются в лучшем случае допустимыми («лучше жениться, чем разжигаться»). Во-первых, они нужны для продолжения рода, поскольку иначе мы обречены на вымирание; во-вторых, человек несовершенен и слаб, поэтому не способен устоять перед соблазном. И на это делают скидку.

Однако в данном вопросе иудаизм придерживается противоположного мнения. С еврейской точки зрения святость достигается не отстранением от мира, а осмысленным поведением именно в мире того, кто желает исполнить выраженную в заповедях волю Творца, который создал род людской таким, каков он есть. Смысл человеческой жизни в соблюдении Его повелений, а первая из них: «Плодитесь и размножайтесь». Он даровал всему живому радость и удовольствие при соблюдении этой заповеди. Интимная жизнь может быть освящена, как, впрочем, и любая другая физиологическая потребность, если она удовлетворяется в предписанных Создателем рамках и подчинена Его воле. В соответствии с Алахой, регулярная близость – одна из обязанностей, которую возлагает на себя еврейский муж, вступая в брак: «Когда человек берет женщину в жены, он становится обязанным <...> кормить ее, одевать и оказывать супружескую близость»¹¹.

Каковы же «количественные характеристики» выполнения этой заповеди? Другими словами, как часто должен человек вступать в близость с супругой, чтобы

выполнить свои обязательства перед ней? Ответ на этот вопрос мы находим в талмудическом трактате «Ктубот». При обсуждении вопроса, в каких случаях муж должен развестись с женой, выплатив при этом сумму, причитающуюся ей по ктубе^[2] в виде компенсации, мудрецы, среди прочего, упоминают следующую ситуацию: «Если муж дал обет не прикасаться к жене: школа Шама говорит – на две недели; школа Гилеля говорит – на неделю» (Ктубот, 5:6). Как и в большей части случаев, Алаха в этом споре придерживается того же мнения, что и школа Гилеля. Так что если муж, в связи с данным им религиозным обетом, воздерживается от близости с женой всего на неделю, это считается достаточным основанием, чтобы требовать развода со всеми положенными выплатами.

Конечно, мудрецы понимали, что далеко не все мужчины способны вступать в близость с супругой хотя бы раз в неделю: одни – потому, что по роду своих занятий месяцами не бывают дома, другие – потому, что тяжелая работа не оставляет им на это сил. Поэтому мудрецы попытались соотнести объем «минимальной обязанности» мужчины с родом его занятий: «Как часто должен человек иметь близость с женой? Сказал рав Элиэзер: человек незанятый – каждый день; поденный работник – дважды в неделю; погонщики ослов – раз в неделю; погонщики верблюдов – раз в тридцать дней; моряки – раз в шесть месяцев» (Ктубот, 5:6).

В наши дни среди евреев трудно найти погонщиков ослов или верблюдов (возможно, ныне им отчасти можно уподобить, соответственно, коммивояжеров и водителей-дальнобойщиков^[3]). Да и работников, занятых тяжелым физическим трудом, с каждым днем становится все меньше. Так что значительная часть трудоспособных еврейских мужчин, с большой долей вероятности, подпадает под талмудическую категорию «бездельников» – естественно, со всеми вытекающими последствиями.

Надо заметить, что человек, который днем и ночью изучает Тору, обязан оказывать внимание жене, по меньшей мере, раз в неделю, в Шабат. Но иные авторитетные раввины, относящиеся к последним поколениям, склоняются к тому, что даже талмид хахам, который занимается только Торой и больше ничем, все равно должен дважды в неделю исполнять супружескую обязанность. Вместе с тем мудрецы очень советовали мужьям «не увиваться постоянно вокруг жен подобно петухам».

СМЫСЛ ВОЗДЕРЖАНИЯ

Предлагая еврею, не обремененному трудами, вступать в близкие отношения с женой каждый день, мудрецы Талмуда, разумеется, имели в виду только те дни, когда жена «чиста». Поскольку в соответствии с законами Торы во время менструации и некоторое время после нее женщина считается ритуально нечистой («нида»), близость с ней категорически запрещена. Однако мудрецы неоднократно подчеркивали, что цель данного закона – отнюдь не воздержание, напротив – улучшение сексуальных отношений между супругами: «Рабби Меир говорил: почему Тора обязала женщину отдаляться от мужа во время менструации? Чтобы она не надоела мужу, но оставалась для него столь же желанной, как в день свадьбы» (Нида, 31б). Мудрецы полагали, что, воздержавшись от близости с женой в период ее нечистоты, в остальное время муж будет желать ее гораздо сильнее. Поэтому даже после долгих лет совместной жизни супруги будут иметь столь же интенсивную сексуальную жизнь, как и сразу после свадьбы.

Согласно закону, женщины должны ходить в микве^[4] только ночью. Однако в тех случаях, когда с этим возникали какие-либо проблемы, мудрецы разрешали окунаться и в светлое время суток, дабы супруги могли возобновить интимные отношения без

отлагательств: «Женщина, по окончании периода ритуальной нечистоты, должна окунаться в микве только ночью. Рав Иди разрешил женщинам Нареша окунаться днем, из-за львов <которые выходили ночью на охоту, так что женщины боялись покидать дом>; рав Аха разрешил то же в Папони из-за разбойников; рав Йеуда – в Пумбедите из-за опасности ночной простуды; Рава – в Мехозе из-за городских ворот <которые вечером запирались>» (Нида, 67б). Эти слова Талмуда вновь стали актуальны в годы второй мировой войны, когда из-за комендантского часа еврейки не могли ходить в микве вечером. Приняв во внимание эти прецеденты, раввины разрешили женщинам окунаться днем.



БОРЬБА С «ЕВРЕЙСКИМ МОНАШЕСТВОМ»

Во времена Талмуда отдельные евреи, подобно иным христианским аскетам, отказывались от супружеских отношений, поскольку хотели полностью посвятить себя Торе. При этом некоторые из них хорошо понимали проблематичность такого подхода, противоречащего первой из заповедей Торы – «плодиться и размножаться». Однако преодолеть свое стремление к изучению Торы им все-таки не удавалось. «Бен Азай говорил: Тот, у кого нет жены, подобен проливающему кровь, и он умаляет образ Всевышнего <...> Сказали ему мудрецы: одни говорят хорошо и поступают хорошо, другие поступают нехорошо и говорят нехорошо. Ты же говоришь хорошо, а поступаешь нехорошо <то есть ты сам не женат>. Ответил им Бен Азай: Что я могу сделать, если душа моя полна одной лишь любовью к Торе?» (Йевамот, 63б).

Среди мудрецов Талмуда неженатый Бен Азай был скорее исключением, чем правилом. Тем не менее многие его коллеги тоже затруднялись совместить любовь к женщине с любовью к Торе. Поэтому многие из них уходили из дома в ешиву, где проводили годы в разлуке с женами. Правда, Мишна позволяла покидать дом только на тридцать дней (Ктубот, 5:6). Однако Гемара продлила этот срок до нескольких лет, причем даже без согласия жены (Ктубот, 62б). Так что многие мудрецы не появлялись дома годами. Рекорд, судя по всему, принадлежал легендарному рабби Акиве, который провел в ешиве двадцать четыре года. Однако и другие мудрецы вели себя сходным образом. К примеру, рабби Ханина бен Хакинай и рабби Хана бен Биса провели в ешиве по двенадцать лет (Ктубот, 62б).

Таким образом, талмудический иудаизм столкнулся с тем же соблазном аскетического благочестия, что и современное ему христианство. Однако, в отличие от последователей христианства, мудрецы Талмуда быстро преодолели соблазн. Во-первых, раввины сочли, что лучше жениться, чем разжигаться. По мнению мудрецов, воздерживаясь от разрешенного секса с женой, человек не только не достигнет святости,

но, напротив, станет легкой добычей запретных страстей: «Рабби Хия бар Аши имел обычай, простираясь ниц во время молитвы, просить Б-га уберечь его от сексуальных вожделений. Однажды его жена услышала эту молитву и удивилась: ведь он уже семь лет ко мне не прикасается, о чем же еще просить? Однажды, когда рабби Хия учился в саду, жена переделась блудницей и стала прогуливаться перед ним. Он спросил ее: кто ты? Она ответила: меня зовут Харута¹⁵¹, и я сегодня прибыла в город. Он попытался соблазнить ее. Она сказала: достань вон те гранаты с верхушки дерева и расплатись со мной ими. Он взобрался на дерево, сорвал гранаты и вернулся к ней» (Кидушин, 81б).

Во-вторых, мудрецы сомневались в том, что аскетическое благочестие угодно Всевышнему, заповедовавшему людям плодиться и размножаться. Поэтому благочестивого аскета, пренебрегавшего супружескими обязанностями, ожидала, по мнению мудрецов, не награда, но гнев Творца, как это случилось с неким рабби Рехуми. Обычно он навещал жену накануне Судного дня, но как-то раз, увлеченный учебой, остался в ешиве. Поняв, что муж не придет, его жена горько зарыдала – и в этот момент балкон, на котором учился рабби Рехуми, обвалился, рабби упал на землю и умер (Ктубот, 62б).

Поэтому, несмотря на все соблазны, ешивы не превратились в монастыри, а мудрецы и их ученики, изучающие Тору, остались семейными людьми.

ПЕРЕХОД КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО

Талмуд уделял внимание не только «количественному» аспекту интимной близости, но и ее «качественным» характеристикам. При этом мудрецов прежде всего заботило то, чтобы удовольствие от секса получали и мужчина, и женщина. Они, как могли, старались внушить еврейским мужчинам, чтобы те доставляли физическое удовольствие своим супругам: «Если женщина достигнет удовлетворения раньше мужчины, то от этого акта родится сын; если же мужчина достигнет раньше – то дочь <...> Рава говорил: тот, кто хочет иметь сыновей, пусть будет с женой дважды за ночь» (Нида, 31а).

Чтобы понять, зачем потребовались мудрецам эти не слишком научные рассуждения о тайнах зачатия, приведем еще одно высказывание: «Сказал рабби Шимон: все рады рождению сына <...> но никто не рад рождению дочери» (Нида, 31б). Не знаю, многие ли из читателей согласятся с рабби Шимоном. Однако в те времена дело обстояло именно так: почти все отцы хотели иметь сыновей, а не дочерей.

Теперь немного о грубой физиологии. Чем дольше длится соитие, тем вероятнее, что женщина получит удовлетворение. Мужчина же, напротив, испытывает его в момент семяизвержения, то есть независимо от продолжительности акта. Поэтому с эгоистической мужской точки зрения вполне естественно стремиться закончить акт как можно быстрее, особенно если мужчина устал после работы (на всякий случай напомним, что во времена Талмуда подавляющее большинство мужчин были заняты тяжелым физическим трудом, причем рабочий день длился от рассвета до заката). Поэтому мудрецы имели основания полагать, что многие, умаявшись за день в поле, не будут слишком заботиться о том, чтобы удовольствие от секса получила и жена. Стараясь внушить мужчинам мысль о необходимости доставить удовольствие жене, мудрецы говорили, что это в их собственных интересах: хочешь сыновей – стремись, чтобы твоя жена тоже получала удовольствие.



БУДЬТЕ СВЯТЫ...

Поговорим теперь о том, какой должна быть близость между супругами у евреев. Придерживается ли иудаизм неких принципов по поводу того, какая из сексуальных позиций является «общепринятой», «нормальной» или даже «обязательной»?

В свое время похожий вопрос был задан учениками палестинскому мудрецу рабби Достаю бен Янаю. Подумав, рабби ответил: «Почему во время секса мужчина лежит лицом вниз, а женщина – лицом вверх? Потому что каждый из них смотрит на то, из чего он создан: мужчина – на землю, а женщина – на мужчину»^[6].

Насколько обязывает подобная точка зрения? Несомненно, еврейская этика супружеских отношений считает ее оптимальной. Согласно учению каббалы, во время интимной близости супруги должны следовать универсальному закону Вселенной: при передаче любого вида энергии тот, кто сообщает ее, находится выше того, кто ее получает, а лица их должны быть обращены друг к другу (Краткий свод законов еврейского образа жизни, 142:6). Сходной позиции придерживался и рабби Шломо Ганцфрид, автор популярной книги по еврейскому законодательству «Кицур Шульхан арух» – все иные варианты он считал весьма проблематичными: «Осуществлять половую близость следует со всей возможной скромностью. Если она сверху, а он снизу – это способ наглых».

Что побудило законоучителя осудить альтернативные сексуальные позиции? Ответ на этот вопрос мы найдем в Вавилонском Талмуде, в трактате Недарим: «Учил рабби Йоханан бен Дахабай: четыре вещи поведали мне ангелы служения. Дети рождаются хромыми оттого, что их родители “переворачивают стол”^[7], немыми, потому что те целуют “это место”^[8], глухими, поскольку те разговаривают во время полового акта, слепыми, если те смотрят на “это место”» (Недарим, 20б). То есть, по мнению рабби Йоханана, это может привести к необратимым последствиям – рождению детей с тяжелыми физическими недугами.

Однако некоторые коллеги рабби Йоханана отнеслись к его словам скептически. По их мнению, факты категорически не совпадают с утверждением рабби Йоханана: «“Глухими, поскольку они разговаривают во время полового акта”? Но ведь это противоречит следующему: спросили у Имы Шалом^[9], почему ее дети так красивы. Ответила она: потому что мой муж занимается со мной любовью не в начале и не в конце ночи, но только в полночь <...> И когда я спросила его, почему он так поступает, он ответил: для того, чтобы во время акта я не думал о других женщинах» (Недарим, 20б). Следовательно, по мнению мудрецов, диалог между Имой Шалом и ее мужем произошел

во время близости между ними. Однако ее дети не родились немymi и отличались редкой красотой. Так что, по крайней мере, одно из утверждений рабби Йоханана бен Дахабая было подвергнуто сомнению. Впрочем, мудрецы Талмуда разрешили это противоречие, предположив, что рабби Йоханан «запретил» во время секса не все разговоры, но только некоторые. Впоследствии именно этот подход был зафиксирован в качестве нормы автором «Кицур Шульхан аруха»: «Следует разговаривать с женой во время половой близости <...> только о том, что необходимо для ее осуществления» (Кицур Шульхан арух, 150:1).

Другие мудрецы пошли еще дальше и полностью отвергли утверждение рабби Йоханана бен Дахабая: «Сказал рабби Йоханан^[10]: “Все, сказанное выше, – мнение рабби Йоханана бен Дахабая. Однако мудрецы сказали, что закон – не по его мнению! Но как муж желает заниматься любовью с женой, так он и может поступать. На что это похоже? На мясо, полученное со скотобойни: хочет – ест его соленным, печеным, вареным или жареным. Так же и рыба из садка”» (Недарим, 20б). По мнению рабби Йоханана, рождение детей-уродов не связано с интимным поведением родителей.



Комментаторы заметили: рабби Йоханан, иллюстрируя свое решение, прибегает не к одному, а к двум сравнениям – с рыбой и мясом. И объясняли это тем, что приготовление рыбы связано с меньшим числом ограничений: рыба не нуждается в особой форме забоя, ее можно есть с молоком и т. д. Таким образом, приведя это второе сравнение, он хотел еще раз указать на ту степень свободы, которой, по его мнению, человек вправе пользоваться в постели^[11].

Талмуд приводит следующий юридический казус: «Женщина предстала перед Рабби^[12] и сказала: “Рабби, я накрыла своему мужу стол, а он перевернул его”. Сказал ей Рабби: “Дочь моя, Тора разрешила ему – что я могу сделать для тебя”. Другая женщина предстала перед Рабби и сказала: “Рабби, я накрыла своему мужу стол, а он перевернул его”. Сказал ей Рабби: “Это ничем не отличается от рыбы <которую можно готовить и есть как угодно>”» (Недарим, 20б).

Слова рабби Йеуды: «Дочь моя, Тора разрешила ему – что я могу сделать для тебя?» – как будто указывают на то, что женщина стала жертвой насилия, и речь идет о принуждении женщины заниматься сексом в неприятной для нее позе. Однако подобное прочтение вызывает серьезное возражение: по еврейскому закону, мужу запрещено принуждать жену к близости (Эрувин, 100б), и реакция рабби Йеуды на подобное

поведение была бы не столь лояльной. Поэтому логично предположить, что речь идет о легитимности притязаний мужа, об опасениях жены, искренне озабоченной тем, что любые отклонения от нормы «некошерны». А рабби Йеуде, соответственно, приходилось разъяснять, что границы дозволенного в интимной жизни достаточно широки. Впрочем, тут следует отметить, что запрет «напрасного семьяизвержения» никто не отменял, и он, по общему мнению, выходит за рамки разрешенного Торой.

В заключение заметим. Долгое время тема сексуальных отношений была табу в христианском мире. В Европе ее начали открыто обсуждать лишь в прошлом веке. Так что в данном вопросе мудрецы Талмуда опередили «просвещенный Запад» более чем на полтора тысячелетия.

^[1] Мишне Тора, Законы брака, 12:1, 2. Талмуд выводит эти обязанности из следующих слов Торы: «Если кто продаст дочь свою в рабыни... если он обручит ее сыну своему, пусть поступит с нею по праву дочерей; если же другую возьмет за него, то она не должна лишаться пищи, одежды и супружеского сожития» (Шмот, 21:7–10). По мнению мудрецов, из этих слов Торы мы узнаем, в чем заключаются обязанности еврейского мужа по отношению к его жене

^[2] Ктуба – брачный контракт; в нем, помимо прочего, указана сумма, которую должна получить жена, если развод происходит по инициативе мужа.

^[3] Погонщики верблюдов были своего рода «дальнобойщиками», в отличие от погонщиков ослов, перевозивших грузы лишь на небольшие расстояния.

^[4] Специальный бассейн для ритуального омовения; микве заменяет также любой естественный водоем.

^[5] То есть «свободная», «доступная».

^[6] Рабби Янай намекает на библейский рассказ о сотворении человека, согласно которому мужчина был создан из «праха земного», а женщина, соответственно, – из его ребра (Берешит, 2:7, 21, 22); Нида, 31б

^[7] Эвфемизм: «ненормативная поза при половом акте».

^[8] Эвфемизм: «гениталии».

^[9] Сестра раббана Гамлиэля и жена рабби Элиэзера бен Гирканоса.

^[10] Выдающийся палестинский мудрец III века; не путать с Йохананом бен Дахабаем.

^[11] Мудрецы усомнились в том, что свои сведения Йоханан бен Дахабай почерпнул от ангелов. По мнению его коллег, столь поэтичным образом тот назвал своих учителей, которых, видимо, очень ценил и уважал. «Сказал: кто такие “ангелы служения”? Это мудрецы. Ибо если бы речь действительно шла об ангелах, которые знают о формировании плода больше людей, то как бы мог рабби Йоханан сказать, что закон не соответствует мнению рабби Йоханана бен Дахабая?» (Недарим 20б).

^[12] Р. Йеуда а-Наси, палестинский мудрец II века, руководитель Сангедрина, редактор Мишны.

ЕВРЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Аәі Оәі сәіі

С разных позиций, с разных точек зрения мы подходим к тому, что касается образования и воспитания, ко всему спектру вопросов, связанных с этими процессами. Исторически сложившаяся нынешняя ситуация в этой области обусловлена некоторыми специфическими особенностями еврейской традиции, менталитета и историко-социальных условий.



«Талмуд-Тора». Ковель. 1910-е годы.

Не углубляясь сейчас в теорию, скажу только о том, что иудаизм базируется на трех основных понятиях.

Первое понятие – «эмуна». Этот термин переводится чаще всего как «вера», но, в зависимости от контекста, иногда означает теологию и мировоззрение.

Второе понятие – «маасе», то есть «дела, поступки». Как правило, они делятся в соответствии с нормами «так нужно поступать» и «так нельзя».

Третье понятие – «лимуд» – означает «обучение» или «учебу».

Хочу отметить: уникальная особенность еврейской религии состоит в том, что она требует, чтобы каждый верующий учился. Это не абстрактный идеал, а прямая религиозная обязанность, требование, обращенное к каждому еврею. Именно поэтому в нашем народе не могла сформироваться обособленная группа клерикалов, монополизирующих знание.

Все евреи обязаны учиться и имеют право учиться. На практике не всегда и не везде это положение реализуется во всей своей полноте. Но применительно к подавляющему большинству еврейского населения это предписание Закона реализовалось на практике всегда, во все времена. Проиллюстрирую одним примером.

В Талмуде описана дискуссия, связанная с законодательством: что делать с данными, полученными от свидетеля, который не может подписать, завизировать свои показания? Едва заканчивается обсуждение этой проблемы, начинается следующая дискуссия: а как вообще случилось такое, что еврейский ребенок не способен расписаться? На этот вопрос следует весьма симптоматичный ответ: этот ребенок воспитывался в нееврейском окружении, среди неевреев.

Отмечу: приведенное обсуждение – не теоретическое построение, не умозрительный юридический казус. Вопрос возник как реакция на несоответствие повседневно наблюдаемой реальности теоретическим построениям. Напомню, что эта дискуссия, состоявшаяся примерно 1800 лет назад, наглядно иллюстрирует следствия применения принципа обязательной для всех учебы.

В иных обстоятельствах я обратился бы к эпохе Танаха и доказал на основе анализа текста и археологических свидетельств, что реализация этого принципа началась уже тогда, во времена Священного Писания.

Это создало особую ситуацию, я бы сказал, особый народ. Один из античных географов, описывая ту часть мира, где побывал, с восторженным удивлением отмечал: на юге Сирии живет народ, сплошь состоящий из философов. Это дополнительное, хотя и косвенное свидетельство того, каким представляется человеку со стороны народ, объединивший учебу с повседневной религиозной практикой.

Я порекомендовал бы в связи с особой актуальностью этого здесь, в СНГ, перевести фрагмент из труда Рамбама «Мишне Тора», посвященный законам изучения Торы. Рамбам пишет много интересного, но я процитирую только одну фразу: «Каждый человек, будь то богатый человек или бедняк, глубокий старец или юноша, болен ли он или здоров, обязан изучать Тору постоянно». С одной стороны, это высказывание преследует цель, имеет в виду идеал. Это как бы теоретический, теологический идеал. Но с другой стороны, эта декларация реально воплотилась в жизни евреев во всем мире.

Однако нужно отметить, что речь идет о специфической форме образования. В этом образовании всегда есть отправная точка, начало, но оно не имеет завершения. Приведу высказывание, подтверждающее это положение: «У всего в этом мире есть окончание. У земли есть границы, у небес есть границы, только у Торы нет границ». Это означает, что в учебе нет определенной точки, уровня, достигнув которого я могу сказать: достаточно! Это утверждение справедливо и по отношению ко времени; нет момента в жизни человека, когда он вправе заявить, что теперь может прекратить учебу.

Перехожу к иному вопросу. Он касается изначальной неформальности еврейского образования, обусловленной самим требованием всеобщей и постоянной учебы. Есть ли определенный порядок в традиционном неформальном образовании? Полагаю, ответ на этот вопрос должен быть положительным. Такой порядок существует, и в первую очередь он связан с возрастной градацией учащихся. А это, соответственно, подразумевает и определенную содержательную последовательность.

Классические ступени в образовании таковы: с пяти лет начинают изучать Тору, с десяти – Мишну, с пятнадцати – Талмуд. Но, хотя эта последовательность связана с возрастными группами, она имеет и самостоятельное значение. Внутри этого порядка, этой последовательности тоже есть определенная градация, но, очевидно, она не реализована и не реализуется ни в Америке, ни в России. Речь идет вот о чем: уже после

того, как человек изучил сами тексты, все то, что буквально изложено в источниках, он должен прийти к внутреннему смыслу текстов, а впоследствии и к тайному учению.

Сейчас мы часто наблюдаем противоположную тенденцию. Многие начинают знакомство с иудаизмом с поиска и изучения «тайных смыслов», с того, что они ошибочно называют каббалой. После этого мало кто заглядывает в доступные источники: Тору, Пророков, и только единицы завершают все это изучением алфавита – «алефбет», началом грамотности, хотя, быть может, я слишком оптимистичен.

Учеба в традиционном еврейском обществе подразумевала переход с уровня на уровень, ступенчатость, последовательность и вместе с тем предполагала (я процитирую талмудический трактат «Кидушин») следующее распределение: «Человек должен поделить все время своей жизни на три части. Одну посвятить изучению Пятикнижия, другую посвятить Мишне, а третью часть – Талмуду». И кстати, там же задан вопрос: «Если человек знает, сколько ему суждено прожить, он действительно может поделить все на три части, но что делать, если человек не знает сколько ему осталось?» Ответ таков: он должен поделить на три части каждый свой день.



Сейчас я хотел бы затронуть еще один аспект проблемы, связанный с представлением о том, что образованием сегодня называют получение профилированных знаний. Человек определенное время учится в каком-то образовательном учебном заведении и получает ученую степень. Современное знание крайне специализированно, я бы сказал – профессионально. Например, в Израиле большая часть университетов работает по принципу немецких, германских университетов, а там профессионализация очень четкая и строгая. Один мой хороший знакомый, фармаколог, член-корреспондент Академии наук, сказал мне однажды, что ему никогда не получить звания «действительного профессора» в Еврейском университете в Иерусалиме, поскольку, помимо своих занятий фармакологией, он еще и председатель Астрономического общества в Израиле. И вот этого ему уже никто не простит.

Что же такое еврейское образование, если исходить из широко распространенных ныне представлений о «правильном» образовании? Ответ на подобный вопрос тесно связан с тем, каким смыслом я наполняю само понятие «еврей». Определив понятие «еврей» как сугубо этническую категорию, я буду считать евреями лишь тех, кто относится к этому этносу. При таком условии смысл понятия еврейское образование сведется к тому, что по содержанию своему оно включает только специфические еврейские знания.

Возможен и иной подход: я могу заниматься изучением темы или предмета, в которых нет ничего специфически еврейского, но построить это изучение таким образом, что оно станет вполне еврейским. Это связано с исходными предпосылками, на которых основан процесс обучения, с мировоззрением, отражающимся в осмыслении темы.

Полагаю, в другом месте было бы полезно и интересно рассмотреть вопрос о том, что такое еврейское искусство. Может быть, то, чьи творцы – евреи по происхождению? Или же то, чье содержание связано со специфически еврейскими темами? Знаете, однажды я попросил художников нарисовать еврейское дерево. Результаты были очень интересны и неожиданны...

ИСПОЛНЕНИЕ МИЦВОТ

Ааааі пЕоооо

Продолжаем публикацию глав из книги профессора Гарвардского и Бар-Иланского университетов Джеймса Кугела «Как быть евреем» в авторизованном переводе с английского Юрия Табака. Московский банкир Давид Джинджихашвили беседует об иудаизме с молодым поэтом аспирантом Юрием Леваковым.



Д. Д. Прекрасно, Юра, но должен тебе сказать: все это не имеет значения, пока ты не начинаешь становиться евреем.

Ю. Л. Не беспокойтесь, я буду к этому стремиться. Мне хотелось бы обрести «еврейский взгляд на мир», как вы говорите. Хотя сейчас мне кажется, что раньше я представлял его себе несколько иным.

Д. Д. Теперь, ты, наверное, понимаешь, сколько всего еще нужно пройти, прежде чем что-то увидишь?

Ю. Л. Не совсем. Наоборот, как будто бы сейчас мне все стало довольно ясно. Я уже, кажется, знаю, почему учение занимает столь важное место в иудаизме (и почему современные евреи постоянно чему-то учатся, самым разным вещам). По-моему, я даже почувствовал вкус к еврейским штудиям. Во всяком случае, мне известно теперь, что такое Алаха и Агада.

Д. Д. Но ты говоришь об этом без особого энтузиазма...

Ю. Л. Нет-нет, я всем доволен – по крайней мере, я бы хотел продолжать учиться, я уже говорил... Вот только одно мне еще не совсем ясно: так ли уж это необходимо для дела? Ведь все, что вы говорите про учение и «служение Б-гу», может реализоваться лишь впоследствии. Я понимаю, сколь нам необходимо учиться – ведь это заповедала Тора, евреи таким образом исполняют заповедь – и неважно, думают они о «служении Б-гу» или нет. Понимаете, что я имею в виду? Изучение Торы, да и многих других вещей, может стать самостоятельным занятием, когда ты погружаешься в него и перестаешь видеть всю картину целиком. Или же я опять ушел, как вы выражаетесь, в «джоггинг»?

Д. Д. Нет, все это очень верно, и мы уже об этом толковали; такой риск существует и при любом ином образе жизни. Вопрос, заданный тобой, – центральный для

евреев. Это состояние души, которое по-еврейски называется «кавана». Обычно слово «кавана» переводится как «намерение», хотя более точный его смысл – «направленность, настроенность», когда сердце участвует в поступке. Я говорил, что мишкан создает в сердце открытое пространство, постоянную возможность. И все же порой сердце не участвует в исполнении мицвы. Мицва становится механической, без участия сердца. Это может произойти и с одной мицвой и со многими. Самый крайний случай, когда человек соблюдает Шабат, изучает Тору, произносит молитвы, не нарушает Алаху, – и все равно для него это не более чем рутина. Вряд ли такое возможно на протяжении длительного времени, поскольку здесь все же необходимо сердечное стремление. Ведь мишкан – пока еще только возможность. Есть, например, мицва слушать звуки шофара на Рош а-Шана. И вот наши мудрецы задались вопросом: что происходит, когда человек идет мимо синагоги в тот момент, когда затрубил шофар? Он услышал звук шофара – есть ли это исполнение мицвы?

Ю. Л. И каков ответ?

Д. Д. Ответ: все зависит от его сердца. «Им кивен либо, яца; вэ им лав, ло яца», «Если его сердце направлено к мицве, то он исполнил ее; в противном случае – нет». Может так случиться, что два человека совершают одинаковый поступок – в данном случае слушают звуки одного и того же шофара – и все равно их поступок будет иметь совершенно разное значение. Не хочу входить во все детали, связанные с мицвот церихот кавана, то есть с вопросом о том, какую роль играет сознательное стремление исполнить еврейский Закон, – на этот счет есть разные точки зрения. Но на вопрос, который ты задал, есть очень определенный ответ – сердце и только сердце играет решающую роль.

Ю. Л. Тогда я вернусь к тому, с чего начал. Вы говорили о «еврейском взгляде на мир». Но ведь теперь, по вашим же словам, многие евреи – даже среди тех, кто строго соблюдает Алаху, – наверное, видят мир совершенно иначе.

Д. Д. Ну уж не тебе и не мне лезть к ним в душу. Внешнее впечатление обманчиво – люди могут вести себя надменно, казаться весьма беспардонными или же исполнять мицвот исключительно ради собственной гордыни и самоудовлетворения. И опять же, не мое дело гадать, что у них на сердце, когда они произносят Амиду, да и в любой другой момент. Но даже если их сердца пусты, какое для тебя это имеет значение?

Ю. Л. Может быть, и никакого. Однако из того, что вы сказали, следует, что мицвот – это вообще вещь побочная. Если все зависит от сердца, пусть оно живет своей жизнью!

Д. Д. Но сердце и мицва сотрудничают, действуют совместно. В примере, который я тебе привел, есть два элемента: звук шофара, и сердце, жаждущее услышать его и исполнить мицву. Если нет сердца, то шофар издает лишь один из звуков, которые потонут в уличном шуме, а мицва останется неисполненной. Но если нет шофара, то все, что ты носишь в сердце, будет судорожно и напрасно вслушиваться в уличный шум. Может быть, мишкан – это только пространство, возможность, но это уже очень много.

Ю. Л. Но разве роль мишкана заключается только в том, что он существует? Он ведь должен еще и формировать мышление человека.

Д. Д. Ну конечно, жизнь в соответствии с Алахой так и предполагает. Но есть и кое-что другое, что сформулировать довольно сложно.

Ю. Л. И что это?

Д. Д. Определенное отношение, которое рождается в сердце, соответствующее настроенному, – мы с тобой об этом говорили. Такое отношение есть что-то отдельное, но от этого не менее важное. Как его описать? Думаю, это нечто среднее между реалистичностью и скромностью. Это не оптимизм и не пессимизм, а скорее, то и другое одновременно. Очень хороший тому пример – слова нашего предка Яакова, когда он возвращался после многолетнего пребывания у дяди Лавана в Араме. Там он попал в крайне трудную ситуацию. У них с Лаваном произошла ссора, и дорога назад, в Арам, была Яакову отрезана. В то же самое время Яакова вышли встречать его брат Эсав и компания вооруженных людей: Яаков опасался, что они причинят вред ему и его семье, возможно, даже убьют их всех. Что было делать? И когда он обратился к Б-гу – Тому Самому Б-гу, Который велел ему оставить Арам и, так сказать, нес ответственность за создавшееся положение, – каковы же были его слова? «Катонти миколь а-хасадим у-миколь а-эмет ашер асита им авдеха» («Недостоин я всех милостей и всех благодеяний, которые Ты сотворил рабу Твоему»). Понимаешь, что я имею в виду? Циник решил бы, будто Яаков подготавливает Б-га, чтобы обратиться к Нему с новой просьбой – спасти его от опасности. Но я так не думаю. Мне кажется, его слова были абсолютно искренними, и они весьма любопытно характеризуют другой аспект «еврейского взгляда на мир», который я пытаюсь описать.



Ю. Л. Понятно.

Д. Д. Когда мы открываем сердца для исполнения мицвот, мы словно обретаем иное видение вещей. В случае Яакова, совершенно ясно, что он, несмотря на всю сложность момента, оказался способен задуматься о своей жизни и о том, что ему было дано. Но полагаю, тут произошло нечто более определенное. Обратившийся к Б-гу Яаков – уже совсем не тот дерзкий молодой человек (а его дерзость очевидна, если мы вспомним первую его встречу с Б-гом в Бейт-Эль). И контраст между той встречей и этой так велик, что бросается в глаза!

Ю. Л. В каком плане?

Д. Д. Теперь Яаков более уверен в себе – вернее, не то чтобы уверен: он ведь несомненно испуган сложившейся ситуацией. Но он предан Б-гу по-иному, не так, как раньше. Он уже не приносит обетов, не заключает сделок – последний козырь он уже давно выложил. Так, думаю, и с нашей Алахой: если уж ты предан ей, тебе остается следовать по этому пути. И, следуя по нему, ты не можешь не испытывать чувства огромности Б-га в нашей жизни.

Ю. Л. Огромности?

Д. Д. Да, именно так: Яаков в тот момент буквально съежился, непосредственно представ перед Б-гом. И он не случайно произнес именно эти слова: «катонти миколь а-хасадим» буквально означает: «я становлюсь ничтожным от всех милостей», а не то, что «недостойн я всех милостей». Это тоже, как мне думается, важная составляющая еврейского взгляда на мир.

НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ...

Д. Д. Юра, рад тебя видеть! Как продвигается изучение иудаизма?

Ю. Л. Хожу на курсы. И мой иврит явно улучшается.

Д. Д. Прекрасно. О чем сегодня будем говорить?

Ю. Л. Собственно, у меня нет каких-то конкретных вопросов. В основном мне все ясно. Хотя кое в чем я еще не разобрался: например, зачем носить кипу? Я знаю, этого требуют в синагогах, но ведь ее иногда носят и на улице.

Д. Д. Сначала ты должен понять, откуда идет эта традиция. В древности считалось, а кое-где считается и по сей день, что человек, который ходит с непокрытой головой, тем самым демонстрирует самоуверенность, гордыню. Например, в Торе сказано, что когда израильтяне уходили из Египта, то они «воздевали руки» в знак победы. Онкелос перевел эти слова на арамейский так: «они вышли с непокрытой головой» – именно таким образом он решил передать чувства израильтян.

Ю. Л. Понятно...

Д. Д. В конце концов голову стали покрывать в знак скромности. В Талмуде, в одном месте, написано, что человек не должен принимать гордую позу и проходить более четырех локтей с непокрытой головой. Отсюда возникла традиция что-то надевать на голову, выходя из дома, хотя о самой форме головного убора ничего конкретного не говорилось. В Тбилиси мы носили обыкновенные шляпы, так я и сегодня хожу. А эти маленькие шапочки, кипы, появились в Европе сравнительно недавно, когда евреи стали покрывать голову и дома. И, по-моему, это правильно. Хотя речь идет уже не о скромности, кипа постоянно напоминает нам самим и всем окружающим о нашей принадлежности к еврейству и о нашей верности Б-гу. Кроме того, мы сохраняем традиции наших предков. Конечно, долгое время российские евреи не решались носить кипу на улице, да и сейчас мало кто ее носит на улице постоянно. И вообще-то, все, что от нас требуется, – это покрыть голову, и здесь сойдет любой головной убор. Однако мне попадаются иногда молодые люди, для которых ношение кипы – абсолютно естественная вещь.

Ю. Л. А в синагоге нужно их носить?

Д. Д. Да, голова должна быть чем-то покрыта.

Ю. Л. А как быть с женщинами?

Д. Д. Женщинам в иудаизме тоже предписано вести себя скромно, и им тоже нужно надевать что-то на голову. Традиционно замужние женщины и даже девушки, достигшие определенного возраста, прятали свои волосы под головной убор, как это принято и у других народов Ближнего Востока.

Ю. Л. А вы не думаете, что эта традиция изменится для женщин или мужчин?

Д. Д. Возможно... хотя, как я тебе уже говорил, общая тенденция видится мне иной. Хочешь, поделюсь с тобой своей философией на этот счет: я определяю (хоть и не совсем точно) эти мицвот как «физические». И их ценность мне видится именно в том, что они «физические», касаются ли они материального, осязаемого объекта или связаны со сравнительно простым нерелективным действием. Знаешь, кое-какие из мицвот, которые мы с тобой обсуждали (например, не говорить плохо о людях), имеют много нюансов; их исполнение требует сосредоточенности и умственных усилий. Покаяние (тшува) и другие подобные темы тоже очень непросты. Их не следует упрощать; напротив, эти «обязанности сердца» (как называют такие мицвот) составляют главную часть нашей Алахи. Наверное, по этой причине, когда кто-то покрывает голову или надевает малый талит...



Ю. Л. А это что такое?

Д. Д. Не знаешь, что такое талит катан? Это небольшое четырехугольное покрывало, с прорезью для головы и с четырьмя кистями по углам. Его носят под верхней одеждой. Таким образом, мы соблюдаем заповедь о цицит (которая относится только к такой, прямоугольной, одежде) и в то же время можем надевать поверх обычную одежду.

Ю. Л. Понятно.

Д. Д. Это еще одна мицва, на самом деле не требующая каких-то усилий, и все же мы исполняем ее в течение всего дня – некое физическое действие, которое совершает каждый из нас. И ты уже наверняка знаешь про тфилин: их наматывают на руку и на лоб на время утренней молитвы. Это тоже некое физическое действие, то, что делалось и делается, некий физический знак. Но даже когда тфилин снимают, ощущение от них остается какое-то время с нами. И так со всяким физическим предметом – и не только с теми, с которыми ты физически соприкасаешься: есть, например, мицвот о мезузе, укрепляемой нами на дверном косяке. Один раз мы приколачиваем ее, и после этого всякий раз, когда проходим мимо и видим ее, этот физический символ обращает наши мысли к Б-гу. Ты поймешь, что я имею в виду: все эти вещи реально воплощают в себе всю философию нашей Алахи. Это способ придавать сердцу конкретную физическую форму выражения.

Ю. Л. А какие еще есть «физические» мицвот?

Д. Д. Ну, я уже говорил тебе, что пользуюсь неформальным определением, его границы нелегко обозначить. Но и в его рамках продолжают действовать многие мицвот, связанные с соблюдением наших праздников. На Суккот мы поднимаем в синагоге лулав и этрог, сидим в сукке – это все тоже вещи чисто физические, но особое желание

побуждает их исполнять, совершить зримый поступок, проистекающий из самих слов Торы.

Ю. Л. А что это за законы о кошерной пище?

Д. Д. Полагаю, все они из того же разряда – физических осязаемых знаков. Но законы о кошере отличаются тем, что связаны с другой особенностью нашей Алахи, а именно с тем, что называется «кдуш», «святость». Хочешь поговорить о диетических предписаниях?

Ю. Л. Почему бы и нет? Всякому хочется...

* * *

Д. Д. О чем это ты?

Ю. Л. Я старался спрашивать у своих коллег-евреев по университету наиболее важные вещи. Но странным образом разговор бесконечно идет о кошерной пище – что можно есть, что нельзя, что кто-то о чем-то слышал...

Д. Д. Согласен, этого нельзя не заметить. Но давай начнем сначала. На иврите слово звучит «кашер» (или «кошер», как его произносят большинство европейцев) и означает «подходящий, пригодный». На самом деле существует сравнительно немного ограничений на то, что разрешено в пищу. Так, можно есть все растущие в земле корнеплоды, овощи, фрукты, зерновые – строгий вегетарианец вряд ли будет недоволен нашими законами кашрута. Относительно мяса, конечно, есть определенные ограничения. Начнем с того, что в Торе перечислены животные, отдельные виды рыб и морепродуктов, а также различные виды птиц и насекомых, которые запрещены в пищу. Из мяса мы сегодня едим говядину и баранину, а также большую часть домашних птиц (цыплят, индейку, утку и т. д.). Но помимо того – что, по сути, является самым серьезным ограничением – все разрешенные в пищу животные не должны забиваться в массовом порядке, как это делается на больших скотобойнях; их забивает индивидуально шохет, специально обученный еврейский резник. Потом забитые животные продаются в кошерных магазинах: в Москве их уже несколько, обычно при синагогах.



Ю. Л. И мясо можно покупать, если оно имеет лейбл «кошерное»?

Д. Д. Могут возникнуть некоторые сложности. В большей части стран ведь нет законов, карающих недобросовестных торговцев за то, что они называют «кошерными» вовсе не кошерные продукты. Поэтому приходится опираться на «бренды» – и это не название фирмы изготовителя, а имя раввина или организации, подтверждающей

соблюдение еврейских законов при изготовлении продукта. Каждая мясная лавка (или кошерный ресторан) находится под присмотром раввина или машгиаха, следящего за соблюдением законов (на вывеске такой лавки можно увидеть табличку: «Под наблюдением рабби Х» или: «Контроль осуществляется такой-то организацией»). И на упаковках самих продуктов бывают указаны имя раввина или название соответствующей организации – такая практика характерна для продуктов массового производства. На Западе существуют различные организации, сертифицирующие продукты на кошерность, чей отличительный знак (например, кружок с буквой U посередине) нанесен на упаковку. В России некоторые продукты уже отмечены знаком кошерности; в Израиле же и западных странах отметки о кошерности есть на сотнях самых разных товаров, продающихся в универсамах – и не только на мясных продуктах, но и на корнфлексах, печенье, посудомоющих средствах.

Ю. Л. А на этих зачем?

Д. Д. Я говорил о мясе – мы можем употреблять в пищу только определенные виды животных, особым образом забитых и приготовленных. Но и многие другие продукты, которые люди покупают в магазинах, содержат ингредиенты животного происхождения: например, животный жир иногда употребляется при изготовлении теста. Животные продукты используют для изготовления сыров, желатина, маргарина, иногда они составляют основу некоторых консервантов – и порой даже самое малое количество их способно сделать весь продукт непригодным. Поэтому те же сертифицирующие организации инспектируют фабрики, молочные фермы, пищевые производства и подтверждают, что производство спагетти или обработка тунца соответствуют требованиям кошерности.

Ю. Л. Получается так: все, что ты покупаешь, заведомо непригодно, пока не доказано обратное, то есть если не поставлен знак кошерности.

Д. Д. Не совсем так. Мы уже говорили, со свежими овощами и фруктами нет проблем, как и с некоторыми другими продуктами. Обрати внимание: в разных странах практикующие евреи хорошо знают местные особенности и соответствующую продукцию. То, что нуждается в сертификации в одной стране, может обходиться без нее в другой. Тебе лучше всего поинтересоваться, на что обращают внимание другие евреи, твои знакомые. Но, кроме того, существуют и списки разрешенных продуктов, которые помогут тебе сориентироваться. Ну и, наконец, кашрут предполагает еще кое-какие требования.

Ю. Л. Например?

Д. Д. Ну, например, я не рассказал тебе о том, что существует запрет смешивать мясные и молочные продукты. В этом запрете тоже есть много нюансов. В соответствии с одним из законов Торы, наши мудрецы постановили, чтобы мы не готовили вместе мясо и молоко, или птицу и молоко – скажем, не тушили цыплят в сливочном соусе и не жарили мясо на сливочном масле. Мало того, мы не должны смешивать даже минимальное количество мясного с молочным: не должны есть одновременно мясные и молочные продукты и не есть одни после других; это можно сделать только через определенный промежуток времени. Поэтому, съев мясо, евреи обычно делают перерыв перед приемом молочной пищи – от часа до шести часов, в зависимости от местных обычаев. Нам запрещено готовить мясо в кастрюлях, используемых для приготовления молочных продуктов, и наоборот, а также использовать для мясного и молочного одни и те же

тарелки и приборы. Поэтому мы обычно держим два набора столовой посуды и приборов, кухонной утвари, чтобы использовать их отдельно, разные губки для мытья посуды.



Ю. Л. Так я и думал.

Д. Д. Только не бойся, все не так сложно: эти правила соблюдают тысячи и сотни тысяч евреев. Но ты, кажется, к ним не относишься.

Ю. Л. Нет, вы ошибаетесь. Я еще в школе перестал есть мясо. Я строгий вегетарианец. Так что моя еда кошерна по определению.

Д. Д. Ну что ж, хорошо, только все равно надо быть внимательным, когда покупаешь сыр и все такое. Да и в полуфабрикаты порой добавляют жир. Но если ты вегетарианец, то должен понимать, почему именно практика кашрута так сильно повлияла на еврейское сознание. Ведь факт есть факт: мы не просто рассуждаем о кашруте: даже евреи, которые не слишком соблюдают Алаху, нередко придерживаются диетических законов. И пусть это только мои догадки, но я отчасти знаю почему.

Ю. Л. А скажите откровенно, вам не кажется, что большинство людей механически делают то, что привыкли делать? Или же у них есть стремление превзойти других, быть первым? Сколько раз я слышал: «Другие думают, что этот продукт кошерный, а я к нему даже не притронусь!»

Д. Д. Боюсь, даже евреи подвержены желанию «быть святее папы»; иные действительно находят удовольствие в том, чтобы «еще строже» соблюдать законы на основе воображаемых предписаний, которых на самом деле не существует. Но при всем том, думаю, есть что-то очень позитивное в отношении самых обычных евреев к кашруту – хотя бы и не в контексте нашей Алахи. Фактически, кашрут отвечает самой сути иудаизма. Но чтобы понять это, нужно поговорить о кдуша, святости, и той роли, которую она играет в нашей жизни.

ДЕТСТВО В МОСКОВСКОМ ДОМЕ

Ôdeää Èai èai

В период работы над книгой «Владислав Ходасевич. Из еврейских поэтов» я собирала материалы о еврейско-русском культуртрегере Лейбе (Льве Борисовиче) Яффе и познакомилась с вдовой его сына Биньямина Хавой. Живущая в Иерусалиме Хава, в прошлом потомственная немецкая еврейка, подарила мне несколько семейных реликвий, среди которых – машинописный экземпляр написанных по-русски мемуаров покойной жены Лейба Яффе, Фриды, фрагмент из которых публикуется ниже. Дед Фриды – Вениамин Каплан, родившийся и выросший в Полтавской губернии, самостоятельно выбился в солидные предприниматели и на законном основании поселился в Москве, как я полагаю, между Сретенкой и Покровкой. Быт и уклад его дома хранил еврейские традиции и гармонично сосуществовал с православным окружением, был патриархален и оснащен техническими новшествами. Публикуемый фрагмент доносит до нас картину полнокровной жизни евреев на пороге новейшего времени: они умели достойно нести свое еврейство и не чураться русской и западной культур. Эти воспоминания являют яркую и убедительную противоположность закрепившемуся в еврейской литературе критического толка образу забитой и нищей еврейской среды, беспомощной, неопрятной и суеверной, – как, например, в произведениях Менделе Мойхер-Сфорима и ряде рассказов и повестей Шолом-Алейхема.



Свидетельство на звание личного почетного гражданина, выданное Вениамину Каплану в 1891 году.

Мое детство связано с домом бабушки, который мне казался незыблемой крепостью, вечным приветом, от начала и до конца жизни.

Дедушка был купец первой гильдии и как таковой имел право жительства. Во время изгнания евреев из Москвы при царе Александре Третьем его не трогали, он остался в своем доме, при своих делах и предприятиях.

На современном языке его назвали бы «self made man». Он приехал в Москву 14-летним мальчиком с богатыми пушниками, торговцами мехом и благодаря своей смышленности, необычайной энергии и честности выбился в люди. Будучи 20-летним юношей, он уже завел собственное дело, купил себе дом и занял большое положение, как в еврейском, так и в московском торговом мире <...>

Отец моей бабушки был сын раввина и сам «ламдан», ученый. Делами и заработками заведовала моя прабабушка, как это было принято тогда в маленьких еврейских городках черты оседлости. Муж мог беспрепятственно заниматься Торой и служить Б-гу.

Все дочери были красавицы, и слава о них шла за пределами городка. Бабушка была самая младшая из трех сестер и, как и сестры, – бесприданница. Когда ее сосватали в Москву и снарядили в дорогу, она выехала в кибитке-«балаголе», с круглым брезентовым кузовом. С ней ехали другие женщины – жены московских служащих, мужья от времени до времени выписывали их на побывку. Были также купчихи, которые ездили за товарами в столицу и другие города. Дорога продолжалась несколько недель. Останавливались на ночевку на станциях, на постоянных дворах, иногда у знакомых или родственников, если таковые имелись в том или ином местечке <...>

Дедушка был человеком широкой натуры. Он одел бесприданницу в шелка и бархат, купил ей нитку жемчуга и бриллиантовые серьги, ей сшили меховые салоны и... ротонды, сделали приданое, о котором она и не мечтала.

Невесту взяли в Большой театр на оперу, названия которой она не знала, она почувствовала себя как в раю и не верила, что все, что видят ее глаза, существует на самом деле.

И, как ни странно, брак оказался очень счастливым.

Бабушка была образцовой хозяйкой, дедушка оценил ее и полюбил. С четверга на пятницу всю ночь пекли халы, кихелах для кидуша, варили фаршированную рыбу, жарили гусей, заготавливали на субботу куриный бульон, тушеную грудинку с морковью (цимесом) и всякие закуски.

Из синагоги обыкновенно приходили на кидуш зазванные гости, пили вишневку, разные самодельные настойки, водку, вина и закусывали рубленой печенкой, маринованной селедкой, солеными огурчиками и капустой. Кугл, чолнт и шкварки гусиные бабушка почему-то не признавала.

С течением времени некоторые традиционные кушанья отпали, и их начали заменять блюдами с русского стола: маринованные грибы, пироги, кулебяки с капустой, рисом и яйцами. Впрочем, эти блюда больше подавались на завтрак в воскресенье. Завтракали в 12 и обедали в 6, как у прочих москвичей.

Рано в пятницу, в большом чистом переднике, высокая, красивая, с тремя нитками жемчуга на шее, с бирюзовыми серьгами в ушах, бабушка зажигала свечи в

больших канделябрах и произносила благословение. Парика она не носила, и в особых случаях надевала шелковый платочек, причем уши с сережками оставались открытыми.

Дом был полон детей, нянюшек, горничных, разных родственниц и приживалок, бедных невест из провинции, которых одевали, обували и выдавали замуж по той же системе, как это случилось с самой бабушкой.

В кухне была специальная кухарка, которая следила за кошерностью, и к ней помощница, стряпуха Феоктиста; ее со временем «произвели в белую кухарку», потому что еврейке Софье запретили проживание в Москве.

На дворе и в коридорах всегда толкались дворники, мальчики на посылках, кучер Василий и еще много всякой челяди.

К столу кроме своих приходили еще еврейские служащие. Большинство из них были «неприписанные», т. е. не имели законного права жительства в столице и жили благодаря дедушкиной щедрой протекции и бабушкиной благотворительности.

Бабушка выезжала из своего дома очень редко: перед праздниками за покупками в Пассаж или в Зарядье, иногда с визитом к своим родственникам или мужа, поздравить с обрезанием, с бар мицвой или со свадьбой. Еще ездили в баню или в оперу.

Внизу всегда ждала бричка или санки зимой, с бабушкой повсюду ехал кто-нибудь из дочерей или племянница, и еще брали с собой горничную, чтобы держала и берегла господские салопы и ботики.

Когда бабушка бывала в хорошем настроении, она велела позвать кого-нибудь из сыновей или приказчиков и посылала в театральную кассу заказать ложу на «Аскольдову могилу», «Пиковую даму», «Евгения Онегина» – это были ее любимые оперы. Также «Жизнь за царя» <...>

Квартира была большая, барская, занимала целый бельэтаж. На парадном ходу была широкая дубовая лестница с широкими перилами. На черном ходу каменные ступени были гладко отшлифованы многолетним шмыганьем дворни. Большая парадная зала была оклеена белыми обоями с золотом, мебель была гладкая, красного дерева, в стиле русского ампира (Александра Первого), а в синей гостиной в стиле жакоб – черная с золотом. В торжественных случаях зажигались бронзовые люстры с хрустальными подвесками, а в большом шкафу стояли разные религиозные книги: молитвенники, Тора, специально написанная, Мегила для Пурима, Талмуд.

Тора писалась больше года специально выписанным из провинции софером, который месяцы и годы жил в доме дедушки. Он давал уроки древнееврейского языка мальчикам, готовил их к бар мицве (13-летию) и обучал девиц быстрому чтению еврейских молитв.

Молитвы эти читали без перевода, так что девушки «набили руку» в быстром чтении, не понимая ни единого слова из текста.

Кроме большого шкафа была еще витрина с хрустальными полочками и зеркальной стеной. Там были аккуратно расставлены серебряные бокалы, вызолоченная коробка для этрога (плод наподобие лимона, получавшийся специально из Палестины к празднику Кущей) и ваза для лулава (пальмовый лист, еще не распутившийся,

украшенный миртами). Эти вещи употреблялись только для праздников и для кидуша в субботу. Тут же стояли бокалы – призы, полученные фабрикой на разных местных и зарубежных выставках. На каждом бокале были выгравированы место и дата, а также название дедушкиной фабрики, поэтому он особенно дорожил и гордился этими призами.

Столовая была не меньше залы, она отличалась только цветом обоев и своей обстановкой: большой буфет со стеклом и сервизами, керосиновая лампа над длинным столом, самоварный столик с медным огромным самоваром придавали комнате более будничный вид.

Эти обе комнаты в два просвета, с глубокими подоконниками, с высокими трюмо между окнами (зеркала были до самого потолка и с подзеркальниками) были торжественны, но мало уютны. Единственный уголок, где можно было приютиться, – бабушкино кресло со скамеечкой в ногах, в котором она вязала бесконечные чулки для всей семьи, и где стоял маленький шкафчик, в котором она хранила свои знаменитые пряники, коврижки, печенье.

Тут бабушка баловала меня своими «лекехлах» и еще новенькими серебряными рубличками и полтинниками, а то и четвертаками, которые, впрочем, легко закатывались под половицы и пропадали навсегда, как только я приносила их домой.

Как всё в этом доме, картины были традиционными, они не носили индивидуальных черт. В голубой гостиной, купленные, вероятно, по случаю, висели швейцарские пейзажи в золоченых рамах, в бабушкиной спальне был гобелен: Моисей в корзинке на берегу Нила и его сестра Мирьям с гуслиями в кустах. И еще большая картина: Юдифь с головой Олоферна в руках. Юдифь была очень красива, с детски невинным лицом, пухлыми губками, и трудно было поверить, что она способна кому-нибудь снять голову. Только ковер над кроватью бабушки, вышитый ее собственными руками, был пестрый и красивый, цветы на нем – неестественной величины и красок.

Но святая святых этого дома был кабинет дедушки.



На большом письменном столе разложен ассортимент разных ручек, карандашей, пресс-папье, чернильница, деловые бумаги, связки ключей, а впоследствии телефон: все это неприкосновенные фетиши.

Над письменным столом висел портрет царя-освободителя Александра Второго, которого евреи уважали за относительные свободы и поблажки, которыми они пользовались при нем и при московском губернаторе князе Долгорукове и которые были уничтожены при их последователях.

Над черным клеенчатым диваном висели портреты Моисея Монтефиоре, рабби Акивы Эйгера^[1] и других древних и новых еврейских героев и святых. Кабинет имел широкое окно, выходящее на небольшой, очень чистый двор, с дорожками, посыпанными желтым песком. Из окна видна была фабрика. <...>

При жизни бабушки традиции дома оставались неизменными. Продукты приносились из Зарядья, с еврейского рынка. Там были специальные лиферанты – кошерные мясники, рыбники, зеленчики и проч. Молочные продукты доставляли от Чичкина (самой большой фирмы молочных продуктов в Москве). Горячие калачи и плюшки покупали у Филиппова (пирожки жареные считались некошерными и были введены значительно позже). Варенье – от Абрикосова, шоколад – от Алберт (Крафт), пирожные – от Сиу, сухое печенье – от Эйнема, глазированные каштаны – от Яни из Пассажа, а тянучки, помадки, халва, мармелад, сухое киевское варенье, а также финики, винные ягоды, икра, семга, балыки, лососина, маслины черные, яффские апельсины, виноград в коробках, пересыпанный отрубями, и лучшие сорта фруктов посылались в дом в особой упаковке от Елисеева, Белова, Генералова на Тверской улице.

Эти гастрономические товары перед праздниками заказывались неделей ранее, потому что спрос был очень велик, в очередях в те времена никто не стоял, и хорошими покупателями дорожили, так что всякий товар покупался в раз и навсегда установленном магазине. Так, рыба, соленья и маринованные грибы, например, а также сухие продукты (мука, крупа) покупались оптом в Охотном ряду.

Для этого сама бабушка ездила с кухаркой, и пролетку наполняли кулками и плетенками с продуктами, которые служили запасом на много месяцев.

Капуста, и огурцы, и моченые яблоки с клюквой ставились дома. Для этого присылались бабушке с фабрики бабы и девки. Они в кухне и в девичьей рубили, шинковали, солили, пели деревенские песни и городские частушки. Утром Демид, еще трезвый, топил печку-голландку, сначала в большой столовой, и, растопив ее жарко, переходил в коридоры и другие комнаты. Дрова весело шипели, бросали искры и жарко вспыхивали каждый раз, когда Демид подкладывал новую охапку. А когда он вынимал последние головешки и закрывал ярко начищенные медные отдушины, в доме разливалось то равномерное неподражаемое тепло, которого не давало впоследствии никакое центральное отопление, ни электрические или угольные печи.

Это было время голландских печей и домашнего уюта.

Завтрак представлял собой священнодействие: чай с французскими булками, горячие плюшки и ватрушки – это было все, что ели за завтраком. Мы не знали яиц и овсянки, как в Америке, не знали салатов, как на Юге. Но без плюшек не садились за стол. Дедушка сам заставлял намазывать маслом хлеб и сам поливал молоко, которое еще горячим вынималось из закрытой печи, где оно «утушивалось» до густоты, покрывалось коричневой пленкой и принимало розово-желтый цвет.

В «черной передней» был кран и слив и медная кружка с двумя ручками «для омовения рук» перед едой.

Но больше, чем установленные традиции, дедушка любил нововведения: в другой передней за деревянной ширмой впервые появилась фарфоровая миска с текучей водой. А одна из девичьих была превращена в ванную комнату. Дедушка был одним из первых в Москве, в доме у кого появилась текучая вода, когда еще по всей Москве водовозы развозили воду в бочках из Москвы-реки или «мытищинскую», которая славилась. Электричество он тоже провел раньше других. Но хотя завел ванну на удивление всем знакомым, семья продолжала ездить в Центральные и Сандуновские бани, а ванна долгое время была достопримечательностью дома без особого употребления.

Впрочем, все эти новшества появились значительно позже: когда же я была ребенком, все мылись в тазах, керосиновые лампы отбрасывали жуткие тени вдоль длинных коридоров и бесчисленных проходных комнат, а в больших комнатах по углам собирались тени, где, может быть, прятались «нечистые». По-еврейски их называли «динит гуте». Они носили одежду из шкафов, если хозяева, вместо того, чтобы подарить бедным, жадничали и копили лишние платья; они забирались даже в большие кованые сундуки, где хранились еще прабабушкины шелковые шали и платья, скатерти из парчи и бархата, вышитые паройхес, кружева и белье. Впрочем, о чертях и домовых мы знали только от прислуги, и то по секрету: господ, мол, не велели пугать детей.

В обязанности Демида входило также опрашивать лампы и наливать керосин, и горе было ему, если лампа коптила, если были «языки».

В бани собирались всей семьей: в двух, трех санках, если зимой. Брали с собой нянюшку, горничную и еще кого-нибудь из приживалок, чтобы помогать одевать барыню и барышень. Ехали с большими узлами, как в экспедицию, с банными простынями и мочалками, желтым яичным мылом от Брокера, со своими же блестяще вычищенными тазами – чужими брезговали.

В Центральных банях были души и бассейны, также полки для парения, но всем этим не пользовались – это было для мещан и русских купчих. Когда приходили в баню, первым делом спрашивали: «А где моя Поленька или Дашенька?» «Я тут, барыня, не извольте беспокоиться», – отвечала молодая женщина с гладко зачесанными волосами, в розовом ситцевом платье с белым передником. Она же делала педикюр и помогала одеваться.



Банщица Афросинья или Аксинья тоже была «своя». Если случайно она была занята или ее не было, то рассказывали потом дома: «Сегодня что-то совсем неприятно было купаться, моей Аксюши не было, у нее рука легкая!» После бани мороз щипал

разгоряченные щеки, укутанные в пушистый ангорский платок, и снег скрипел под высокими ботинками от подъезда до санок.

Как портрет Гаона^[2] уживался с портретом царя в кабинете моего дедушки, так и русские праздники справлялись и уживались с праздниками еврейскими.

На Пасху собирались к седеру к столу дедушки не меньше 25 человек. Все дети и внуки, служащие и родственники и еще проезжие и заезжие гости, которые почему-либо не могли или не успели вернуться на праздники к себе домой, в провинцию. Дедушка всегда приводил из синагоги бывших кантонистов, которые тосковали по еврейству и празднику, солдат и разных неприписанных, которые были под его покровительством и даже на его иждивении. Вся еврейская прислуга, конечно, сидела на седере за столом.

В Пурим из ближайшей к нам синагоги приходил шамес (служка) – читать Мегилат Эстер, а днем приходили переодетые ряженые – пурим шпилерс – бродячие артисты, музыканты, которые изображали не только Амана, Мордехая и Ахашвероша, но и Эстер-малку и Вашти, жен персидского царя. На еврейском жаргоне они давали традиционное представление, получали выпивку и закуску и еще щедрый шалахмонес.

В этот день дедушка одаривал не только всех домашних, но посылал на тарелке, покрытой красивой салфеткой, угощение родным с прибавлением закрытого конверта с деньгами.

В праздники появлялись нищие из московского гетто в Зарядье, и, не в пример нищим в черте оседлости, они были материально в привилегированном положении. В то время когда в Вильне или Гродно, например, полкопейки тоже была монета, в Москве бедным давали не меньше пятак, и часто подачки доходили до рубля и больше.

Зарядье – еврейское гетто – с течением времени было раскассировано: там делались облавы более строгие, чем в русской части города, и в 24 часа неприписанных евреев выселяли из Москвы. Два города – Шклов и Бердичев – посылали сюда особенно много своих представителей, потому эти два города были символами «жидовства» для всех антисемитов. Все еврейские анекдоты начинались словами: «У нас в Шклове...»

Но нашим любимым праздником была Ханука. На Хануку дедушка благословлял маленькие восковые свечки, которые он приклеивал к кафелям печки. Почему в этом доме, в котором было столько богатства, ящики с серебром, не было какой-нибудь традиционной меноры, как я это видела бесконечное количество раз в черте оседлости, где в каждом доме был восьмисвечник или менора с двумя львами, с голубями, с шамесом в виде кувшинчика для елея, и все это украшено такими же высеребренными виноградными гроздьями, – я не знаю. Может быть, потому, что в еврейских городах менору обычно ставили на окна, и таким образом освещали весь город, как бы устраивали иллюминацию, – весь городок приобретал праздничный вид. В Москве же евреи жили в своего рода подполье, как мараны, и не смели показывать соседям, что у них праздник.

Так что маленькие восковые свечечки были нашей галутной иллюминацией. Мы играли в дрейдл (волчок), в карты в «дурака», ели оладьи, – а после смерти бабушки это были блины русские, как на масленице. Появилась и икра.

Дедушка был южанин, хасид, и Симхат Тора был тот праздник, когда он бывал в особенно хорошем настроении. К нему собирались служащие, родственники, они

танцевали вокруг стола, пели змирот, варили пунш, жженку, но женщины во всем этом не принимали участия.

Если тетки приходили вместе с мужьями, их принимали в синей гостиной, угощали сладкими наливками и бабушкиными литовскими сладостями: орехи с изюмом, варенье из репы в меду, эйнгелахц, тейгелах – тесто на чистых яйцах с орехами, тоже варенное в меду, маковые монелах, марципаны и померанцы – самые большие деликатесы, потому что они делались из миндаля и апельсиновой корки, которые считались заморскими фруктами. На все эти изделия бабушка была большая мастерица.

Русские праздники чувствовались в доме не меньше еврейских. Воскресный обед в 12 часов, грибной суп, кулебяка, кисель с молоком, блины русские на масленицу с икрой, сметаной и растопленным русским маслом, которое привозили в бочонках из Сибири. Пасха и куличи на Пасху, крашеные яйца были почти так же необходимы, как маца на нашей Пасхе и хоменташа на Пурим. Эти угощения приготавливались для русских посетителей, для рабочих, прислуги, няnek и тех христиан, которые приходили с поздравлениями. В зале ставилась большая раскрашенная елка, которая нам, детям, доставляла не меньшее удовольствие, чем тем, для кого она предназначалась. Под елкой на столе были разложены подарки для слуг. Мы были только зрителями.



На Рождество и Новый год у ворот останавливалась карета «батюшки» – попа из ближайшей церкви – с диаконами и служками. Поздравляли «с праздничком», получали порядочную мзду и уезжали. Когда я потом у старших добивалась смысла этих посещений, мне объяснили в такой форме: «Как же, ведь если бы этот дом был не в еврейских руках, хозяева были бы прихожанами этой церкви, и церковь имела бы доход. Таким образом мы, евреи, благодарим за право владеть домом в Москве».

За тяжелой церковной каретой появлялись легковые дрожки, или лихач на дутых резиновых шинах, или сани с приставом, околоточным и другими представителями власти. Тут уж ясно, что их нужно угостить фаршированной рыбой, до которой все они были большие охотники, водочкой, икоркой, а на прощание всовывалась в руку бумажка: кому трешница, кому пятерка, а кому и «красненькая» (десять рублей).

Поэтому в околотке дедушка пользовался не только уважением, но и большими привилегиями. Пристав смотрел сквозь пальцы на неприписанных, давал разрешение на венчание (а если с музыкой, то за особую взятку), а в экстренных случаях посылал квартального: «Вы передайте барину, того... что, может быть, ночью нагрянут...» И за это квартальный получал отдельно на водку.

Вот на таком-то основании жила и я, маленькая девочка, первая внучка, 12 лет в Москве. <...>

יְדִיעוּתָא דְּרַבֵּי אֵלִיאָה אֲבִיבָרָא דְּסַבְרָא דְּרַבֵּי אֵלִיאָה אֲבִיבָרָא

^[1] Акива Эйгер (1761–1837) – выдающийся ученый-талмудист, раввин в Познани.

^[2] Рабби Элияу (1720–1797) – выдающийся талмудист и каббалист, прозванный за свою ученость и религиозный авторитет Виленским гаоном.

О БРОДСКОМ

Александрийский многочлен

Àðéààéé Èíàà

Окончание. Начало в № 1, 4, 2008



Иосифу Бродскому вручают Нобелевскую премию по литературе. Стокгольм. 1987 год.

3.

Местечковая склонность к философствованию и обобщению, какую признавал за собой Бродский, общеизвестна. Однако за десятки столетий до того, как появились в Восточной Европе местечки, еврейская мистика времен второго Храма, связанная, как полагает выдающийся историк Гершом Герхард Шолем, с эллинско-восточными таинствами, приоткрывала завесу тайн бытия. У александрийских иудео-эллинов мистицизм, сочетаясь с греческой ученостью, давал удивительные побегι мудрости, в которой наблюдения, доступные всякому человеку, возбуждали соблазн постичь смысл всего сущего, отрешаясь от деталей. Отрешение от реального мира подчинено было той самой «еврейской местечковой тенденции к обобщению», грех которой числил за собою Иосиф Бродский.

Поэт, «певец дребедени, лишних мыслей, ломаных линий», в Риме, Вечном городе, чувствует древность свою во всем, даже в картавом своем «р»:

Áëÿ ááçáîî í íã ò íðã è í ðàçáí úò áðááéáé

í è:áñ í áò áéèæá ÷áì áèá ðàçáèèéí.

Áà è ííè áéñî áíîî «ð» ááðáÿ

óçí áðò ñáÿ ò íæá..

Стихотворец, за спиной у которого выстроились века и предки, хоть и безымянные в картотеке архивариуса, но вполне реальные в исторической и генетической череде, постоянно томим желанием обозреть свое прошлое, оборачивающееся в окулярах направленного на него бинокля поэта прошлым всего человечества. Этот эффект дальновидения хорошо был известен ученым-александрийцам, среди них Каллимаху из Кирены, ученому и поэту, составившему знаменитые «Таблицы прославившихся во всех областях образованности и их произведений».

«Письмо в бутылке», написанное в России, где шестидесятники уже застолбили место в отечественной истории, никак не помечено календарным временем. Сегодня оно вполне, для пользы школяров, может быть включено в программу на аттестат зрелости, поскольку содержит имена ученых мужей, прославившихся в физике, естествознании, философии, литературе, искусстве, а также на других поприщах. К ним присовокуплены также имена из мифологии, Священного Писания, истории христианской церкви.

Вот эти имена в том порядке, в каком поэт, в ожидании гибельного кораблекрушения, расположил их в «Письме в бутылке»: Левиафан, капитан Улисс, Цельсий, двуликий Янус, Ньютон, Шекспир, адмирал Апраксин, Морзе, Попов, Маркони, Линдберг, Эдисон, Фарадей, Архимед, св. Франциск, Цейсе, Фрейд, Шарло (Чаплин), Толстой, Эйнштейн, Ньютон, Бойль-Марриот, Кеплер, Мендель, Дарвин, Ева, Ньютон, Кант, Фейербах, Рабле, Флинн (актер).

Человеку не дано увидеть наперед действительную картину перехода из этого мира в мир иной. Г-сподь в данном случае не предусматривает исключения и для поэта:

Ñáé:áñ î ú èñ:áçí áì , í èááò:èé áðíá

È áí ò, í ò í ðááéÿÿññí í áááé í á áí í,

òí ò áéíññí áú ò ááðáí î í á çí á ò ú í áí í,

í îñéí èúéó ÿ í á ááðí óññí áí î í é:

éúúá óéàçááéú ò ú, ááé ò í ð î í é?

«Куда указуешь ты, вектор мой?» – вопрос о потустороннем мире, как мог бы, используя свою терминологию, сформулировать его средневековый каббалист или, пятнадцатью веками ранее, александрийский иудео-эллин, начитавшийся пифагорейской и Платоновой мудрости.

Однако как нельзя разрубить магнит, чтобы отделить один полюс от другого, так нельзя рассечь предустановленную связь миров – этого и того:

Ááéèèèèé Вí áñ ò áí á èèòí -

é æèçí è íáíí è é m̄ áðò è íáíí -

í è ð í ðááðá à ááò íí÷: ò è á è í è üüí.

Мир-кольцо – это реальность, но реальность человека как метафизической единицы, а человек во плоти, у которого мягкие ткани дряхлеют быстрее и для глаза заметнее, чем кости, пользуется иными символами бытия и небытия:

Æèçí ü áñòü ò íááð í à áíí íñ

ò í ðñ, í áí èñ, éáà

È áñ áðáò è è í ð è í áñí

é áðáí áí è áñòü ññáíáà

.....

Ñ ò í é ááðí í é è áðáí è è,

÷ ò í áñí á è Ááñé í á,

ññáý ò í á ò áí, ááá ññ è è,

í í ááá í í ÷ ü çáñ ò ááò.

В «Эклоге 4-й (зимней)» поэт, которому минуло сорок лет, говорит остуженным, как по зимней погоде, голосом:

Æèçí ü í íý çà ò ý í ó è áñí Õí è í á í í ð í á è

í à ð í è í á,

áðáí ý í à áðáí ý...

Замкнутая геометрическая фигура, исполненная эзотерического смысла, с интимной нотой, услышанной еще в школьные годы, –

Òðááñ è üñ è è áí è ü ò á í á í í ù è è áý ò áí ð áí à:

áñá ó è ü çà ò ý í ó è á í è í ò í á ý í á ò è í á,

í ù è ü Á ð á ç á á ð á ò í m̄ á ð ò è í á ñ ò í

è áááò áñá áí è ü ò ò ð ð í è ü ÷ áí áðáí ý...

В восьмидесятых годах русский Нью-Йорк периодически полнился слухами о тяжелых, роковых хворях Бродского, несколько раз с леденящим душу уточнением: «Говорят, при смерти». В середине декабря восемьдесят пятого в Вашингтоне, в Кеннановском институте, придя на работу, я услышал страшную новость: умер Бродский.

Звонили из Нью-Йорка. Некоторое время спустя пришло опровержение: «Бродскому сделали операцию на сердце. Прогноз благоприятный».

А незадолго до того Марион Магид, помощник редактора журнала «Commentary», сообщила мне под большим секретом: «Бродский имеет шанс получить в этом году Нобелевскую премию». Марион в свое время готовила в номер мой очерк о Бабеле, его «Конармию» числила в шедеврах, у нас сложились добрые отношения, она знала несколько русских слов и любила поговорить о России, откуда приехали в Америку ее бабушка-дедушка.

По поводу информации о «нобеле» для Бродского Марион, не ожидая вопросов, объяснила, что источник самый надежный, Сьюзан Зонтаг, ее приятельница, которая сейчас, на втором пике, вся в любви с Иосифом. Он посвящает ей стихи, они вместе ездят в Европу. Сьюзан на семь лет старше, но она из тех женщин, которые всегда пылают, так что лета не помеха. Авангардистка в литературе и критике, она авангардистка и в амурах. Как говорят у вас в России, засмеялась Марион, женщина-танк. Бродского она считает гением. Убедив себя, она убеждает теперь и других.



С. Зонтаг.

Два года спустя Бродский действительно стал нобелевским лауреатом. Журналу «Огонек» на вопрос, была ли неожиданностью для него премия, Бродский ответил: «О ней говорили в связи с моим именем несколько лет. Хотя для меня она все равно неожиданность».

Вспомним: Томас Венцлова, друг Иосифа, передавал его слова по поводу премии: «...я не чувствую себя нобелевским лауреатом. Чувствую себя просто исчадием ада – как всегда, как всю жизнь».

Как бы ни толковать слова поэта, смысловой фокус здесь не в самом инфернальном адресе, а во временном его параметре – «как всегда, как всю жизнь».

Главный венец, каким человечество увенчивает сегодня наиболее достойных из своей среды, уже возложен на главу избранника. Отрадное, но при том и нелегкое, чувство бремени, которое тяготит тело и душу, понуждает лауреата освободиться ото всех покровов и представить себя в полной наготе. Толпа во все времена жаждала умиления своими кумирами в такой же мере, как и обличения их: «Смотрите, я просто исчадие ада – как всегда, как всю жизнь».

Ад – такая же органичная часть вселенной, как и все другие ее сферы, включая чистилище и рай. Демоны, исчадия ада, какие бы чувства они ни вызывали, не самозванцы

в астральном мире – по чину своему уступают только Метатрону, первому из ангелов, которого, случается, принимают за Самого Творца. В Книге Иова, любимой книге Иосифа в Ветхом Завете, Сатана – один из «сынов Б-жих». Члена верховного судилища при Г-споднем престоле, его видели то на ролях искусителя, то прокурора во всех случаях, когда дело касалось человеческих пороков. Нечестивец, проклиная Сатану, будто бы введшего его во грех, в действительности проклинал свою собственную душу.

Хотя и рекомендуясь в иных случаях, под влиянием минутного настроения, атеистом, Бродский на самом деле никогда не был безбожником. Чуждый ритуала, он был глубоко религиозен не в обрядовом, а в духовном и, не побоимся сказать, в физиологическом смысле. Именно оно, физиологическое восприятие, приводило его к предметному, слишком вещественному толкованию библейского стиха о сотворении мира. Это было толкование иудео-эллинистическое, для которого мир, недоступный визуальному наблюдению, приобретал, как в мифологических сказаниях, вещественную образность и наблюдаемость реального мира.

«Ежели мы будем следовать Книге с большой буквы, то вспомним, что там сказано “Дух Б-жий носился над водою”. Если Он носился над водою, то, значит, отражался в ней. Он, конечно же, есть Время... Или Гений времени, или Дух его. И поскольку Он отражается в воде, рано или поздно H₂O им и становится... Если можно себе представить время, то, скорее всего, оно выглядит, как вода. Отсюда идея появления Афродиты-Венеры из волн: она рождается из времени, то есть из воды» (С. Волков. «Разговоры с Иосифом Бродским»).

Раввин, которому довелось прочитать эти теологические дискурсы Бродского, сказал: «Что вы хотите услышать от меня? Человек упражняется. Каждый имеет право упражняться. Будь здесь кто-нибудь другой, наверное, к месту была бы другая мерка. Но он же поэт, воображение носит его на своих крыльях то туда, то сюда. Дух Б-жий, который отражается в воде, как будто какая-нибудь примадонна в зеркале или какой-нибудь Нарцисс в речке, это не может прийти в голову ни иудею, ни христианину. Другое дело какой-нибудь паганус или иудео-эллинист две тысячи лет назад где-нибудь в Александрии или в Риме. Тогда было в моде».

По этической шкале Талмуда, отступник, «эпикорос» – от имени древнегреческого философа Эпикура, – предавшийся эллинским прелестям и евангельскому слову о Младенце и Богородице, поэт Бродский сам о себе говорил: «Я считаю, что взял из иудаизма – впрочем, не столько считаю, сколько это просто существует во мне каким-то естественным образом – представление о Всемогущем, как существе совершенно своевольном. Б-г – своевольное существо в том смысле, что с ним нельзя вступать ни в какие практические отношения, ни в какие сделки – например, я сделаю то и за это получу это, совершу какое-то количество добрых дел и за это попаду в Царство Небесное. Это то, что мне в христианстве в высшей степени кажется несоответствующим, по меньшей мере, достаточно сомнительным» (интервью в Стокгольме 8 декабря 1987 года).

Нет надобности объяснять, что наречь Б-га «своевольным существом» мог только эпикорос, богохульник. Что же касается отношений с Г-сподом, то входить в сделку с Ним, конечно, нельзя, но договорные начала в отношениях с иудеями Он не только не отвергал, но, напротив, Сам определил как основополагающие. Радуга в облаке была печатью, которой Он скрепил Свой договор с праведным Ноем, пред коим обязался более не устраивать потопа для опустошения земли. Обетование, данное праведному Аврааму, Г-сподь «обновил» сыну его, Ицхаку: «Я буду с тобою и благословлю тебя – ибо

тебе и потомству твоему отдам Я все эти земли и осуществлю клятву, которой Я поклялся Аврааму, отцу твоему» (Берешит, 26:3).



Связывая Себя клятвой, которой Он клялся патриархам, Г-сподь вводил в Свои взаимоотношения с людьми понятия права, ибо наделенному свободной волей человеку самому надлежало решать, как вести себя в пространстве – пространстве и времени, – где осуществлялась его свободная воля, соотносимая с Высшей Волей.

Каббалисты лурианской школы, острее и отчетливее других ощущавшие это антропоморфическое начало в Учении, ввели для толкования его множество мистических фигур, стремясь, по словам Гершома Герхарда Шолема, «истолковать человеческую жизнь и поведение как символы более глубокой внутренней жизни», в согласии со своей концепцией «человека как микрокосмоса и живого Б-га как макроантропоса».

Все в этом мире желает оставаться тем, что оно есть, однако в самом существовании индивидуальных вещей, пребывающих в силовом поле, заключена неизбежность перемен. С этим связан феномен метемпсихоза, переселения душ. Переселение душ в другие сферы природы – в животных, растения, камни – столь же ординарное явление в мироздании, сколь и переселение души из одного человеческого создания в другое. Однако каббалисты-лурианцы усматривали в этом изгнании душ «в темницу чуждых форм существования» особо ужасный вид изгнания. Тем не менее вследствие существующего от века сродства душ, которые образуют динамическое целое, возможен не только переход из высоких сфер в более низкие, но и возвращение из этих низких в более высокие сферы.

За полторы тысячи лет до каббалистов Средневековья поэты-александрийцы в преданиях и мифах, сложенных на островах Восточного Средиземноморья и в Передней Азии (где Палестина и Междуречье, ослепленные до ненависти своим родством и своей чуждостью, перерезали общие кровеносные сосуды и нервы), черпали идеи и материал для лепки моделей мироздания, в котором все сущие формы пребывали в процессе вечных взаимопроникновений и взаимопревращений.

Для этих поэтов, в сочинениях которых ученый и философ часто теснили слугителей Муз, эллинские и римские боги давно превратились если не в домочадцев, то в лары и пенаты – в домовом углу и за домашней трапезой им отводилось место, какого едва ли достало бы простому смертному.

Футурологическое сочинение Ликофрона, поэма «Александра», написанное в ключе мифологического ребуса, требовавшего от читателя досконального знания мифов, как и «Небесные явления» Арата, доступные лишь читателю с астрономической подготовкой, демонстрировали ученость, сочетавшую в себе, по эстетическому и

этическому канонам александрийцев, интеллектуальное достоинство и практическое благо.

Каллимах, придворный поэт Птолемея, ученость которого признана была эталоном, вложил в уста Аполлона свое назидание литераторам: «Певец, жертвенное животное для нас надо растить пожирнее, а Музу потоньше. Я повелеваю тебе не ходить по путям, протоптанным телегами, не гнать колесницы по обычным чужим следам и по широкой дороге, а выбирать более новые, хотя и узкие пути».

Как и поэтический шедевр Бродского «Бабочка», поэма «Муха» отвечает самым строгим нормам александрийской поэтики, требовавшей от произведения стихотворца сочетания достоинств, присущих изящной словесности и ученому сочинению. И «Бабочка», и «Муха» могут служить в энтомологии не только иллюстрацией, но и ученым комментарием.

Поэма «Муха», однако, включает в себе еще одно качество, которое возвышает ее не только над «Бабочкой», но и над большинством других стихотворных сочинений Бродского. Посылки, гипотезы и многосложные модели метафизика, историка, экзегета, космолога, разбросанные в энциклопедическом изобилии на сотнях страниц, в «Мухе» нашли концентрированный отзвук, насыщенный поразительно многоцветной гаммой, какая свойственна только предельно точному лексическому и музыкальному ряду.

Календарный месяц поэтом не указан, возможно, это октябрь, а возможно, наступила довольно скучная пора, «стоял ноябрь уж у двора». С деревьев попадали листья, похолодало, муха едва ползет «по глади замызанной плиты». По известной человеческой манере обращаться со словом ко всякому живому существу поэт говорит мухе:

Ὀὐὶ ἀὐὶ οὐ ἀῆα

Ἰ ἀὐὶ ἀῆα οὐὶ. Ἐ ἰ ἐ: ἀῖ ἰ ἀ ἦ οὐ ἰ ἐ ο

ἀῆ οὐ οὐ ἀῖ. Ἰ ἰ, ἐ ἀ ἐ ἦ ο ἰ δ ἐ ἐ

ἦ ἀ οὐ ἀῖ ἐ ἰ ο ἰ ἰ ἦ ἦ ο: ἰ ἀ ἐ, : ἀ ἰ ο ἐ ἰ

ῖ ἰ ἀῖ ἦ, ἰ ο ἦ

Устояв перед соблазном убить муху, поэт предаётся раздумьям о месте малого насекомого на земле, о смысле его жизни. Но что значит «малого»? Есть ли в очах Творца «малое» и «большое»?

Агада рассказывает: царь Давид однажды, увидев шершня и паука, спросил: «Что за прок в этих тварях Твоих, Г-споди?» Ответил Творец: «Давид! Ты издеваешься над творениями Моими? Придет время – и ты нуждаться будешь в них». Так и случилось. Пришлось Давиду скрываться в пещере от преследований Шауля. Послал Г-сподь паука, и тот заткал вход в пещеру паутиной. Преследователи, увидев нетронутую паутину, решили, что в пещеру никто не входил, и Давид был спасен. В другой раз Давид был спасен шершнем, который ужалил в ногу исполина, едва не придавившего царя.

Муха, оставленная поэтом в живых, вызвала у него рой воспоминаний и параллелей, где в фокусе оказались двое – он и муха:

Àõ, õíéíòóóà, ííòàðÿàøè þðéíþòü
òú àíãÿäèòü, èàè ðò àðúé þíéáðñ
èàè ÷ àðí úé èàãð àíéóí áí ò àèüí úé
ÿííõè äàèüí æ.
Í á òú èè çà ííéíí:ü ò àì ò í è äàéí
í ää èþèüéíþ ì íæ äüäèà,
ãíèì àÿ á íéíííé ðàì á
íðíæáèòíðàì è?

Человек и насекомое, теперь они соединены общей нитью, и поэта полностью покинуло желание убить муху, ведь убить ее – это в какой-то мере убить и себя.

Отсель, с питерского блокадного года, уподобление – то прямо, то опосредствованно – идет крещендо. Поэт не таится, не лукавит с мухой, напротив, открывается ей, как подруге: «Мой дом в упадке». Фаянсовая посуда давно не мыта, лежит в раковине пирамидой, там же остатки каких-то сладостей...

Но цокотухе-то что проку во всех этих сервизах, которые и человеку, чей дом, а стало быть, и дух в упадке, ни к чему?

Òääá í á äí ò íã. Òääá í á äí
ì àèüèèíðíáé èõ äðääääáí è;
ñ í æ ñàÿçíààòüüÿ - ñääá äíðíæá
Ì í á äíðí:áí, ò í æ á

В цокотухиных крыльях, лапках чудится поэту вуаль прабабки – век номер девятнадцать. Шестирукая буква – буква Ж, похожая рисунком на муху, – возвращает память к ученической тетради, некогда столь привлекательной для цокотухи. Теперь, увы, запустение, холодно, птицы отбыли, немного жутко...

È áíì áíé äüà ò í
áääèèüí èè ò èèàò, èèõíì í à ò í:áí,
è àçðúá í ðíñðí:áí
.....
È ò í éüéí ääí á í àñ ò áí àðí - çàðàçí
ðàçí íñ:èéíá Í è èðíáü, ò ðàçí

ḍāāī ī mī mī āī ū ī ḍāæ à ū æ è āī

Ī āñ ò ī è ū ē ī āāīā..

Жужжалка цокотухина, по поздним осенним дням, совсем испортилась, тельце
страшится смерти, как и плоть человека. Но время еще готово растрчивать себя на обоих
– то ли совершенно не брезгливо, то ли по той причине, что

не чувствует, какая липа

ему подсовывается в виде вялых

больших и малых

пархатостей.

Для времени обе пархатости, большая и малая, – резонерствующий поэт и
издыхающая муха – величины равнозначные. Поэт, поскольку из рода человеков, мог бы
оскорбиться, взбунтоваться, однако мудрость и годы велят ему объясниться с мухой, а не
заявлять свои обиды и претензии по отношению ко времени:

Не думай,

с тоской угрюмой,

что мне оно – большой союзник.

Глянь, милая: я твой – союзник,

подельник, закадычный кореш;

срок не ускоришь.

Одиночество, доведенное до предела, повергает человека в оцепенение. Мухе
известно это состояние, и поэт торопится поведать ей о себе:

È ī è ē ī ī ó ī ā ò āāēā

āī ī āñ ñ ò ī āī é. Ī ī ī é ī ā ē āā ē ī

ī ō āī āī āī é ā – ñ è ḍ ā: ū ò āī é ā è ḍ āī

Муха не ответит ему словом, у мух свой язык, но живое, как и поэт, существо,
она снимет с него непереносимое бремя одиночества. И хотя, опять же по свойственной
человеку манере жаловаться на тяготы своего бытия, поэт продолжает твердить о своей
сонности, о безразличии, владеющем им, увлеченный внезапным порывом, он заклинает
муху:

Ī ā ō ī è ḍ ā ē! mī ḍ ī ò è ā ē ū ē ē ū, ī ī è ç ā ē!

И чуть позднее, уже другими словами, он повторит свое заклинание:

Í á oí èðàé, í íéóáá
í á ííèèèéí òóáí,
í íéáí áíò ááðááóóíí. Áó, áí íçáá!



Рисунок И. Бродского.

Из семейного архива Р. и Э. Катилос, Вильнюс.

Смерть, какого бы живого существа она ни коснулась, в глазах человека всегда смерть – феномен перехода от бытия к небытию. Даже в тех случаях, когда картина смерти не сопряжена для наблюдателя с эмоциональной нагрузкой, мозг его, фиксируя роковое событие, сопровождает его метафизическим вопросом: в чем смысл бытия? Человек, не упражнявший своего интеллекта на философских подмостках, спрашивает: в чем смысл жизни?

В зороастризме злобная Друкш-Нашус, из легиона Аримана, нападая на ослабленного человека, принимает образ мухи, изводящей свою жертву. Иранцы, говорит Генрих Грец, верили, что Друкш-Нашус, богиня смерти, «в образе мухи бросается на труп и производит в нем разложение и гниение». Естественно, муха в этой роли, наделенная свойствами губительной вирулентности, понуждала человека сторониться всякого с нею контакта.

Иудейская традиция складывалась в топографической близости с зороастризмом. В библиотеке иудео-эллина находила свое место Авеста, в которой идеи превращения и преображения вещей в сотворенном мире представлялись порой столь схожими с тем, что записано было в Пятикнижии и других священных текстах, что поневоле возникал вопрос: а не из одного ли источника черпали Священное Писание и Авеста?

В глазах иудея, однако, муха была таким же творением Г-спода, как агадические паук и шершень, в коих заключен был свой провиденциальный смысл. В четвертой казни египетской Г-сподь посылает тучи мух, чтобы наполнили они дом фараона и дома египтян. Казнь свершилась, однако никому не пришло на ум в смертоносных мухах усмотреть преображенную богиню смерти, как бы ни называлась она, Друкш-Нашус или иным каким-нибудь именем.

Муха, земные дни которой уже на исходе, для поэта Бродского, иудео-эллина, не источник заразы, не вредоносное существо, а Б-жья тварь, чья жизнь отмечена достойными деяниями:

Í añããã, ñò àèí áúòü Í í èðàéí áé ì áðã
éíããà òú éíí÷èòüŷ, ŷ óàèò ííòáðè
íòì á:óì úíëáí íí - ÷òí ááãàò ýòíì
òãèõ ñóñ'áõíì
éíããà-òí áíííéíáííúõ ì áðòáíõ í'àòáèü
Ñì áðòü, çí àáòü, áíëè áñòü ñàè
ãàòáèü
íò÷àòééãã ñòáàèò òí÷éé
÷àí áíãèíí÷éá

В баснях живая тварь отвечает автору. Здесь ответов нет: разговор поэта с мухой – доверительный разговор поэта с самим собой. Умирать в одиночку ему не хочется: лучше, когда рядом свидетель. Для чего свидетель, читателю остается гадать. Первая разгадка – в народной мудрости: на миру и смерть красна.

А зачем и кому это нужно, чтобы смерть была красна? Поэт Рильке, когда умирал, хотел, чтобы рядом никого не было. Никого.

Нет, этот вариант не для него – не для Иосифа Бродского: ему нужен свидетель. Час грядет. Но сегодня именно он, поэт, и есть свидетель: мухин свидетель. Репетируя преодоление страха смерти, он готов – ради мухи! – пожертвовать собой:

Ñò ðãõ ñòü ò ááéèõá
çàèèèì ííòáé ì áæáó èè÷íé
ááñíì ì ìùííñòíŷ òáè è èèóíáé
ñàéóí áíé. Áúðáæáŷñíí ñòí,
ŷ, öíéíòóõà
ííæáðòáíáòü ñííáé ñããáñíí.
Í í áðíáá ýòíò æáñò íáí ðáñíí:
ñããàò ò áíŷ óáñòáðéà, Øéáà

Ὁ αἰὶ ἰ ἀδθεαῖ.

Сострадание к ближнему – это и сострадание к себе. К себе прежде всего. У мухи, с ее тезкой «неполною, по кличке Муза», есть кое-что, чего не унести с собою. Один из компонентов этого – комнатные обои, на которых сосредоточился поэт «орган тренья о вещи в комнате, по кличке зренья». Хотя и безмерно далекий, с точки зрения физиологии и оптики, от фасеточных глаз мухи, он для поэта такой же инструмент оптической и эмоциональной памяти, которая располагает его к скорби по поводу того, что недалек момент, когда придется расстаться с обоями навсегда:

Ὁ αἰ, ἡ ἡ αἰ ε εὐ

ὄϛ ὀ ἰ ἀπθεαῖ ἰ ἰ ε ε οὐ ἀϛ οὐ ἰ ἰ ἀπθεαῖ

÷ ὀ ἰ ἰ ἰ ὀ ἀθε ε ε οὐ ἡ ἀθε ε ε ἰ ἰ ὀ θε ε ε ὀ

ὀ αἰ, ἰ ἰ ἰ ε δ α ὐ, ἡ ἡ ὀ ἀθε ο ἰ ἰ ε ε ὀ αἰ,

ε ε αἰ ε ε ε ο ἰ ἰ

ε ἰ ἰ ἀ ὀ ἰ θε ἰ ἡ ὀ ε, ἡ ε ε ε ἰ ε ἰ ε ἰ ε ἡ ε -

α α ἡ ἡ ἡ ἡ αἰ ἰ ἰ ε, ἀ ἀ θε αἰ ε ε ἰ ε ἰ ε

ἰ ἰ ὀ ÷ α ὐ ἰ ἡ ε, ε ἰ - ἰ ἰ ἡ ε ἰ ἰ ἰ ἰ

ὀ ὀ: - ἰ ἰ ἰ ἰ ἰ ἰ ἰ ἰ ἰ.

Эмпирей – образ запредельного светоносного мира, заимствованный иудео-христианами из греческой мифологии. Однако еще ранее, до иудео-христиан, апологеты иудейской мистики в некоторых ситуациях считали уместным использование греческих формул, что прокладывало дорогу космогоническим образам и моделям, восходившим к эллинско-восточному сонму духов и магических заклинаний.

Серафимы в иудейской англелогии были, однако, если не ровесниками, то младшими современниками херувимов, первый из которых поминается во времена Адама и Хавы, изгнанных из Эдемского сада, а последующие в дни Моше, когда несли они службу стражей при ковчеге Завета.

Один из ближайших к Б-гу чинов иерархии – серафимы несколько, вопреки поэтовой аттестации, не были хилыми. Напротив, это были шестикрылые удалцы, славившие Г-спода, как явлено было в видении пророку Йешаяу: «И поколебались верхи врат от гласа восклицающих...» (Йешаяу, 6:4).

Следуя минорному своему настрою, поэт изъясил из картины, нарисованной воображением, всякий светлый луч, всякую звонкую ноту, как будто в самом деле готовился стать свидетелем если не конца мира, то близости его. Настроения этого рода и в былые времена, начиная с юношеских лет, не раз овладевали им. Однако и в миноре, если не поддаваться ему, можно найти батарею энергии, способную зарядить мысль, а с нею дух и душу.

Однажды, рассказывал поэт, «это было где-то в году 62-м. Я написал стихи “Все чуждо в доме новому жильцу”. На самом-то деле это, конечно, не про жильца, это метафора такая была. Потому что я вдруг понял, что стал не то чтобы новым человеком, но что в то же тело вселилась другая душа. И мне стало вдруг понятно, что я – это другое я» (С. Волков. «Разговоры с Иосифом Бродским»).

Сохраняя неизменным свой внешний, физический облик, человеческое тело в мгновение становится вместилищем другой души, той, которая и самому ему дотоле была неведома. Но переселение души вовсе не исключительное свойство человека.

Переселение душ – общее для всех творений Г-сподних свойство. Тела их – это лишь видимая глазу оболочка, в которой временно, пока оболочка не превратится в прах, обретается душа: «...души обладают тканью, материей, судьбой в пейзаже», и в сумме «души любое превосходят племя».

Поначалу едва воспротивившись желанию убить муху, теперь, когда душа поэта соединилась общей нитью с душой мухи, он, предвидя неизбежность расставания, гадает, придется ли свидеться опять: узнает ли он ее в крылатом войске мушином, увидит ли ее по весне?

Гадание и есть гадание – полная определенность не дана ни оракулу, ни волхву, ни поэту. По несовершенству человеческого глаза, нечто, пронесшееся в пространстве, может быть принято за сорвавшуюся звезду.

Однако Иосиф уже не тот человек, каким был до эпической встречи с мухой. Подобно пращуру своему царю Давиду, постигшему место паука в мироздании через собственную судьбу, исполненную провиденциального смысла, в картине мира, в круговороте вещей, где смерть и жизнь чередуются, поэт, преодолевая нестерпимый страх смерти, постигает в превращениях мухи извечное свойство души – бессмертие:

.....Β ò ááŷ ōàèæó

ááŷ íé, ÷ŷþ æèæó

òíŷ ÷à, íŷáòí àþ: çáçáà ñŷ ðáèèáŷŷ

È, í ðáŷáŷéááŷ áŷéŷŷò ŷ

ðéŷþ áŷáá í áòí ó Í áŷ áéŷ

Í á Çŷèèèà

òŷ áŷáàò æáðòáŷé, íŷ òáŷéé áóŷŷþ,

èáòŷùáþ ñŷ áŷ áŷò ŷŷ ÷æŷþ

èè ÷éŷ éŷé, ÷òŷá ŷáèò ŷŷ í ááŷçó

í áòáŷ íððŷçá

Метаморфоза, понятно, открывается не навозу: философией и биологией навоз не занимается. Метаморфоза открывается человеку. Поэту.

Среди шедевров Бродского едва ли найдется другой, в котором поэт сочетал бы в себе с такой полнотой стихотворца, натуралиста, философа.

«Муха» – памятник, который поэт воздвиг себе в слове.

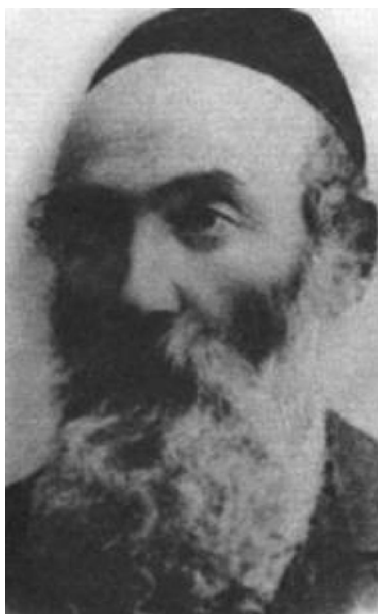
Если говорить о памятниках из вечного материала, то такая пластика – в природе мрамора, в веках хранящего отпечаток живых созданий, запечатленных по воле Великого Мраморщика, для которого миг и тысячелетие – равновеликие единицы Времени.

ВОЙСКО ДАВИДОВО»: ЛЮБАВИЧСКАЯ ЕШИВА «ТОМХЕЙ ТМИМИМ» НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

עֵינֵי עֲלֵמֵי

Окончание. Начало в № 5, 2008

Особая система отношений между учениками и их наставниками в любавичской ешиве привела к своеобразному процессу «психологизации» обучения, то есть использования особых психологических техник для оказания влияния на формирование личности ученика. Наиболее известным и значимым примером этого стал ритуал фарбринген – собрание хасидов.



Михаэль Блинер.

Машпиа любавичской ешивы.

Само понятие фарбрингена существовало в Хабаде давно: им обозначался распространенный хасидский обычай собираться вместе у кого-нибудь дома или в бейт мидраше, в основном в субботу или праздничные дни, и обмениваться рассказами о жизни цадигов, о чудесах, которые они совершали, и об их учениях. Эта дружеская беседа, как правило, сопровождалась выпивкой и пением хасидских нигуним^[1].

Лидеры движения Хабад высоко ценили значение этих неформальных собраний и считали их неотъемлемой частью хасидского этоса. Рабби Шнеур-Залман, основатель движения, часто цитировал по этому поводу высказывание своего учителя, великого проповедника рабби Дов-Бера из Межерича: «То, что может сделать собрание хасидов, не под силу архангелу Михаэлю».

Так или иначе, фарбрэнген как коллективное переживание особого состояния близости, основывавшегося на общих культурных кодах, вне всякого сомнения, способствовало консолидации движения и укреплению особой его идентичности. Вместе с тем этот обычай носил спонтанный и неорганизованный характер и бытовал также и в других ответвлениях хасидизма. В ешиве «Томхей тмимим» он претерпевает серьезные изменения и превращается в один из наиболее доминантных ритуалов института.

Сегодня сложно проследить за этапами формализации и адаптации обычая фарбрэнгена в ешиве: все доступные нам свидетельства относятся уже к устоявшейся традиции. Несмотря на спонтанный и эмоциональный характер фарбрэнгена, он повсеместно описывается как тщательно срежиссированный ритуал, где в роли ведущего чаще всего выступал машпиа, который вел с учениками беседы о служении Б-гу в соответствии с учением лидеров Хабада, о путях раскаяния и очищения, призывал не отходить в своей повседневной жизни, учебе и служении от высоких идеалов хасидизма, обличал их слабости и прегрешения, а также призывал к исправлению. Свои призывы машпиа иллюстрировал яркими примерами из жизни цадиков, заимствованными из богатой хабадской агиографии. Речь машпиа – и тогда, когда он обращался непосредственно к сердцам своих слушателей, и тогда, когда рассказывал чудесные истории о великих лидерах хасидизма, – сопровождалась необыкновенным душевным подъемом учеников, который зачастую выражался в эмоциональных всплесках: восклицаниях или плаче. Конкретная тематика фарбрэнгена и его форма зависела от выбора машпиа. Некоторые ведущие делали особый акцент на дидактической стороне ритуала и широко использовали поучительные хасидские истории, другие предпочитали обличительный подход и создавали атмосферу сокрушенного духа, ведущую к нравственному очищению. Иногда использовались оба эти подхода^[2].

Таким образом, в ходе фарбрэнгена на ученика оказывалось сильное психологическое давление, и в то же время создавалась особая атмосфера, позволявшая ему освободиться от внутреннего напряжения посредством эмоционального взрыва. Эта ярко выраженная катарсисная практика – провоцирование эмоционального срыва с целью снятия внутренних напряжений – уподоблялась учащимся в ешиве «духовной бане, возвышающей душу и очищающей ее от скверны и грубости, чтобы она могла подняться на святой уровень служения Всевышнему молитвой, изучением Торы и исполнением заповедей»^[3]. Однако это еще не все. Техника фарбрэнгена усиливала ощущение братства и духовного единства между тмимим. В ходе «душевной бани» они превращались в новое органичное сообщество (то, что антропологи называют коммунитас), на которое не распространяются обыденные социальные нормы и отношения. Для создания и поддержания подобного ощущения свободы необходимо было выйти за рамки обыденности, что достигалось различными способами: ученики рассаживались кругом, пили спиртные напитки, пели и танцевали, иногда даже совершали поступки, не совместимые с обычными нормами поведения (забирались на столы, кричали по-петушиному и т. д.). Происходившая таким образом карнавализация религиозного переживания должна была служить духовному освобождению^[4]. Обряд фарбрэнгена выходил за рамки всех привычных педагогических конвенций в еврейском обществе, поэтому его влияние на учеников было особенно сильным и он запечатлевался в их памяти на долгие годы. Один из выпускников ешивы писал: «Ученики, удостоившиеся побывать в Любавичах, никогда не забудут того впечатления, которое производил на них фарбрэнген, и той атмосферы святости, которая охватывала их. Бывало, когда фарбрэнген проводился поздно вечером и затягивался до самого утра, мы не замечали, что прошла целая ночь, как будто бы находились в мире, над которым время было не властно»^[5].

Следует отметить, что создание неформальных моделей образования, ориентированных на мощную психологическую встряску, происходило в этот период и в некоторых других секторах еврейского традиционного общества в России. Так, в отдельных литовских ешивах была введена катарсическая практика этического движения Мусар, направленная на укрепление нравственного облика учащихся. Некоторые ученые объясняют это реакцией ортодоксального общества на деградацию традиционного образа жизни. Более того, американский исследователь Д. Фишман утверждает, что модель особых отношений между учениками в ешивах движения Мусар заимствована у революционных групп, пестовавших своеобразный этос боевого братства^[6]. Это наблюдение, вне всякого сомнения, справедливо и в отношении ешивы «Томхей тмимим». Однако вполне возможно, что причина подобия между революционными и национальными движениями и между определенными ортодоксальными группами (такими, как движение Мусар и Хабад) связана с их особым местом в еврейском обществе. Являясь по сути своей движениями обновления (неважно, социального, национального или религиозного), которые обладали высокоразвитым сознанием своего высшего предназначения, эти группы противопоставили себя старому коррумпированному миру, и с этим в первую очередь было связано их стремление к внутренней консолидации, созданию особых, интимных, организационных рамок, в которых сможет реализоваться совершенно новый тип отношений между людьми.

Наиболее значимые фарбрэнгены, в которых принимали участие ребе Шалом-Дов-Бер и Йосеф-Ицхак, проводились по особому чину. Они проходили всегда в главном зале ешивы при участии всех учащихся, преподавателей и гостей. В отличие от обычных фарбрэнгенов, предполагавших личный, в достаточной степени интимный контакт между учениками и их наставниками, встреча с цади́ком носила более упорядоченный и ритуальный характер. Беседу с учениками вел сам цади́к, и речь его иногда дополнялась наставниками, стремящимися заострить внимание учеников на том или ином пассаже в речи цади́ка и тем самым усилить ее влияние^[7].

Институализация обряда фарбрэнген и участие в нем глав движения превратили его в главную церемонию ешивы и двора и основное средство достижения тех целей, которые основатели ешивы поставили перед своим детищем: способствовать духовному обновлению молодого поколения, оказывать влияние на формирование его внутреннего мира и растить из него новую духовную элиту, которая сможет отстоять традиционный облик хасидского общества.

6. Авторитет и харизма: ешива и двор цади́ка

Другой яркой особенностью ешивы «Томхей тмимим» была ее родовая связь с двором любавичского цади́ка, оказавшая немалое влияние на ее облик и функционирование. Рабби Шалом-Дов-Бер не только выступил инициатором создания ешивы – он продолжал быть глубоко вовлеченным в ее деятельность во все последующие годы. Новый институт оказался в полном подчинении двора и, в свою очередь, стал неотъемлемой частью его ландшафта.

Двор цади́ка как центр религиозной жизни хасидов занимал важное место в общей системе функционирования ешивы. Старшие ученики посещали проповеди цади́ка и изучали их – самостоятельно или под руководством машпи́им. Ученики всех отделений ешивы съезжались в Любавичи в Дни трепета между Новолетием и Судным днем и принимали участие в ритуалах двора наряду с многочисленными паломниками. В рамках церемонии «йехидут» («единение», личная аудиенция у цади́ка) учащиеся ешивы могли

войти в непосредственный контакт с лидером движения, и это помимо того участия в их жизни, которое рабби Шалом-Дов-Бер принимал в течение всего учебного года.

Так проникала в ешиву харизматическая атмосфера двора и придавала дополнительное иррациональное измерение процессу обучения.

С другой стороны, ешива оказывала значительное влияние на облик самого двора. Присутствие учащейся молодежи было заметно во всех сферах его деятельности: на проповедях цадика, на молитве, на коллективной трапезе и в очереди на «йехидут». В 1902 году, с ведома рабби Шалома-Дов-Бера, был учрежден хор учащихся ешивы, который сопровождал все праздничные церемонии в ешиве и при дворе. По субботам, после дневной молитвы и до позднего вечера, хор пел в бейт мидраше цадика (так называемом «малом зале»)^[8].

Потребности ешивы мало-помалу изменили сам облик двора цадика. В первые годы существования ешивы учащиеся жили в различных местах города и учились в бейт мидрашах, не входивших в систему двора. Однако в 1901 году по указанию рабби Шалома-Дов-Бера был отремонтирован «большой зал», служивший ранее «придворным» бейт мидрашем, где на протяжении многих десятилетий любавичские цадики проводили публичные проповеди перед своими хасидами. Теперь в нем стали учиться «продвинутые» студенты, составлявшие ядро ешивы. В это же время во внутренних покоях двора была построена специальная кухня для учеников. Эти меры были направлены в первую очередь на усиление контроля за учениками и их консолидацию, но способствовали также изменению внешнего облика двора и инкорпорации ешивы в сакральное пространство резиденции цадика. Внутреннее пространство двора цадика, закрытое ранее перед посетителями, стало оживленным общественным местом, ареной активной деятельности тмимим^[9].

Наиболее важные ритуалы двора – такие, как публичная проповедь цадика, личный его контакт с хасидами, различные коллективные празднества – проходили там, где жили и учились студенты ешивы, при их активном участии. Все это приводило к отождествлению ешивы в Любавичах с двором в сознании хасидов. Так, описывая свое первое паломничество в Любавичи, один из хасидов писал: «Еще издали мы поняли, что это двор цадика, потому что наших ушей достигли голоса ешиботников, изучающих Тору»^[10].

Представление о ешиве как главной сфере деятельности двора поддерживал и сам цадик. В одной из бесед он говорил об учениках своей ешивы: «Если удостоюсь я предстать перед Мессией, я скажу ему: посмотри на поросль, которую я взрастил»^[11].



Титульный лист издания сочинения

рабби Шнеура-Залмана «Танья», выпущенного в свет в 1900 году

Обществом «Томхей тмимим».

7. Ешива и движение

Создание ешивы и ее интеграция в механизм двора уже в первые годы привели к серьезным изменениям в облике и функционировании всего движения Хабад. В стенах ешивы сформировалась новая элита, ставшая авторитетным и надежным хранителем наследия Хабада. Главы движения сумели верно оценить тот огромный общественный потенциал, которым обладает элитарное религиозное сообщество, воспитываемое с юных лет в особой атмосфере самоотречения и преданности руководству. Ешива «Томхей тмимим» изначально не предназначалась для подготовки раввинов или других служителей культа. Но так как назначение на эти должности в общинах часто согласовывалось со двором, выпускники ешивы становились естественными кандидатами для занятия ключевых должностей в общинной структуре, таких, как резник, проповедник, наставник (море ораа) и раввин. Более того, в последние годы своего обучения многие студенты выполняли роль посланников двора в различных общинах и оказывали заметное влияние на местную религиозную жизнь^[12].

Все это способствовало развитию связей между двором и периферией и укреплению статуса цадика в еврейском обществе в целом.

Деятельность ешивы и ее выпускников оказала значительное влияние и на облик руководства движения Хабад. Дело в том, что в конце XIX столетия двор в Любавичах не обладал монополией на наследие основателей и первых лидеров движения: в местечках Ляды, Копысь, Речица и Бобруйск функционировали независимые хасидские дворы, возглавлявшиеся другими потомками третьего любавичского цадика – рабби Менахема-Мендла Шнеерсона (1789–1866). Эти лидеры с подозрением отнеслись к инициативе создания ешивы в Любавичах, казавшейся им, по-видимому, слишком новаторской. Поэтому рабби Шалом-Дов-Бер с самого начала подчеркивал преемственность созданного им института по отношению к традициям движения Хабад и даже пытался представить свою инициативу как выполнение наказа, полученного им непосредственно от своих святых предков^[13]. Более того, ешива «Томхей тмимим», в

которой классическая хабадская литература изучалась в тесной связи с учением рабби Шалома-Дов-Бера, стала эффективным средством борьбы за наследие отцов-основателей. Особая хабадская идентичность, формирующаяся в стенах ешивы, была по определению любовичской идентичностью. В этом контексте важное значение приобретает следующее начинание рабби Шалома-Дов-Бера: в 1900 году он подготавливает новое, исправленное издание главного канонического текста движения Хабад – сочинения рабби Шнеура-Залмана «Ганья». Доходы от продаж этого издания шли на финансирование ешивы, а на его обложке большими буквами было отмечено: «Выпущено в свет Обществом Томхей тмимим». Тем самым устанавливалась прямая связь между наиболее значимой частью общехабадского наследия и ешивой в Любавичах. Кроме того, успех ешивы и распространение информации о ней в хасидских общинах привели к тому, что даже хабадские семьи, которые не отождествляли себя с любовичским двором, посылали своих детей учиться в Любавичи. Тем более что при дворах других хабадских лидеров долгое время не было сколько-нибудь значимых учебных заведений, которые могли бы составить конкуренцию «Томхей тмимим». Любавичская ешива, таким образом, служила рабби Шалому-Дов-Беру эффективным орудием объединения и сплочения всего движения под его руководством.

Выпускники ешивы, выработавшие за годы учебы четкую коллективную идентичность, проникнутые сознанием своей общественной миссии и безусловно преданные цадику и его учению, являлись, вне всякого сомнения, мощной социальной силой. Но для того чтобы можно было опереться на нее, руководство движения должно было позаботиться о сохранении ее жизнеспособности на протяжении длительного времени. Проблема заключалась в том, что, уйдя из ешивы и обосновавшись в периферийных общинах, зачастую далеких друг от друга и от Любавичей, тмимим уже не поддерживали тесной связи друг с другом. Новые социальные обязательства и повседневные заботы подрывали основы их элитарного братства, оттесняли его на периферию общественной жизни и тем самым мешали воплощению тех высоких целей, которые ставил перед ним его основатель. На это неоднократно указывал директор ешивы рабби Йосеф-Ицхак. Он считал, что в какой-то мере ответственность за это нежелательное явление лежит на самой ешиве, которая создала для своих питомцев особый, защищенный от опасностей и соблазнов внешнего мира «микроклимат», своего рода «башню из слоновой кости», и способствовала развитию у них корпоративного изоляционистского сознания. В результате выпускники ешивы затруднялись самостоятельно действовать вне этих защитных рамок – в равнодушной, а иногда и враждебной среде, в условиях мощного социального давления^[14].

Для того чтобы противостоять этому процессу, попытаться сохранить единство и силу новой элиты и обеспечить ей вес в хасидском обществе, Йосеф-Ицхак выступает с беспрецедентной в еврейском традиционном обществе инициативой. В 1909 году он предлагает создать общество выпускников ешивы. Намерения Йосефа-Ицхака были ясны: он хотел создать волонтарное, централизованное сообщество, которое будет управляться двором цадика (в соответствии с первоначальным планом его должен был возглавить специальный комитет со штаб-квартирой в Любавичах). Это сообщество вдохнет новую жизнь в деятельность выпускников ешивы и станет значимым фактором в жизни периферийных общин. По существу, такое общество выпускников должно было стремиться к достижению тех же целей, которые Шалом-Дов-Бер поставил в свое время перед учениками ешивы, только на этот раз на более высоком социальном уровне: способствовать религиозному обновлению хасидов, распространять учение Хабад, укреплять статус двора и его связи с общинами, противостоять процессам распада традиционного общества^[15]. В этой своей деятельности новая организация должна было опираться на выпускников ешивы, уже добившихся определенного статуса в еврейском

обществе: раввинов, резников, бизнесменов и т. п. С другой стороны, объединение тмимим способствовало бы заполнению социально-культурного вакуума, возникавшего вокруг них в «большом мире», и создавало бы надежную основу для психологической и материальной взаимной поддержки, которая могла включать и вполне материальные аспекты: поиск вакантных должностей в общинах или на предприятиях, принадлежавших другим хасидам^[16].

Несмотря на все усилия рабби Йосефа-Ицхака, его инициатива не была воплощена в России, по всей видимости, из-за финансовых трудностей. Но нужда в общественной надобщинной организации, которая помогла бы реализовать огромный социальный потенциал новой элиты и направляла бы ее деятельность, была настолько велика, что предложение р. Йосефа-Ицхака несколько раз вновь оказывалось на повестке дня, пока в 1934 году, уже в Польше, не было создано наконец «Объединение учеников Тмимим» – по той самой программе, которую сформулировал р. Йосеф-Ицхак двадцатью пятью годами ранее^[17].

* * *

В 1915 году, когда немецкая армия заняла западные области Белоруссии, рабби Шалом-Дов-Бер решает оставить Любавичи и вместе со своим ближайшим окружением переезжает в Ростов. Ешива «Томхей тмимим» в Любавичах закрывается. Но как мы видели, за 17 лет своей истории она успела внести неоценимый вклад в развитие любавичского хасидизма и движения Хабад в целом. Конечно, ешива не смогла остановить деструктивные процессы в еврейском традиционном обществе. Однако она стала важнейшим фактором консолидации движения Хабад вокруг любавичского двора и способствовала его усилению перед лицом опасностей, угрожавших целостности хасидского общества. Ешива, возглавляемая и контролируемая двором, явилась мощным инструментом преобразования и обновления хабадских общин. В ее стенах сформировалась новая элита, во многом определившая облик движения в последующих поколениях. Руководителям ешивы удалось, опираясь на достижения литовских институтов традиционного образования, разработать новые педагогические методы и подходы, основывавшиеся на тонком понимании психологии учеников и четком определении новаторских целей и задач нового института.

Потенциал, заложенный в институте, не был полностью реализован на том этапе его существования из-за крайне неблагоприятных условий жизни евреев в Российской империи. Однако в более поздний период, в Польше, а потом и в США, хабадские ешивы, построенные на принципах первой ешивы «Томхей тмимим» в Любавичах, стали основой существования всего движения и залогом его жизнеспособности в постоянно меняющемся современном мире.

^[1] Этот обычай засвидетельствован и во внешних источниках: так, в отчете инспектора еврейского казенного училища в городе Дубровно Могилевской губернии, посланном в 1873 года городскому начальству, описывается обобщенный образ белорусского меламеда, «принадлежащего к секте хасидов, часто едущего в Ляды, Любавичи и Копысь на поклонение цадикам и любящего провести свободное от занятий время в безумном веселии за чаркой водки в домах хабадников, любителей и распространителей хасидского учения» (П. Марек. Очерки по истории просвещения евреев в России. М., 1909. С. 254). См. также описание фарбрэнгена в воспоминаниях С. Цетлина (Лехаим, 2008, № 2. С. 33).

^[2] См. подробное описание фарбрэнгенов, которые проводили два машпиа – Михаэль Блиндер и Шмуэль Гронем – в середине первого десятилетия XX века: Н. Сасонкин. Воспоминания. Иерусалим, 1980. С. 66–70 (на иврите).

^[3] Н. Сасонкин. С. 66.

^[4] См.: И. Джейкобсон. Память о сынах Израиля. Нью-Йорк, 1996. С. 18, 48 (на иврите); И. Гутин. Кур они. Тель-Авив, 1979. С. 161–164 (на иврите).

- [5] Н. Сасонкин. С. 66.
64. [6] D. E. Fishman. Musar and Modernity: the Case of Novaredok // Modern Judaism. № 8 (1988). P. 41–
- [7] См. записи бесед Шалома-Дов-Бера: Торат Шалом. Нью-Йорк, 2003 (на иврите и идише).
- [8] А-Тамим. 1937. № 5. С. 58; Б.-Ц. Динур. Мир, которого не стало. Иерусалим, 1958. С. 149; Керем Хабад. 1987. № 3. С. 238.
- [9] И. Джейкобсон. С. 20; Моаршаб. Письма. Т. 4. С. 149.
- [10] Н. Сасонкин. С. 33.
- [11] Торат Шалом. С. 58.
- [12] См. письмо Шалома-Дов-Бера к сыну от 1914 года (Моаршаб. Письма. Т. 2. С. 767–771, на иврите).
- [13] А. Глиценштейн. Биография рабби Шалома-Дов-Бера из Любавичей. Нью-Йорк, 1982. С. 137–138 (на иврите).
- [14] Священные послания учителя нашего рабби Йосефа-Ицхака. Нью-Йорк, 2002. Т. 1. С. 100 (на иврите).
- [15] Там же. С. 44.
- [16] Там же. С. 45.
- [17] Об Объединении тмимим в Польше см.: Керем Хабад. 1987. № 3. С. 228–232.

«И ДУШИ МОЕЙ ДВОЯКАЯ ПРИРОДА...»

Еврейские стихи Льва Зака

Âéääèì èð Ðàçàí

Самобытному художнику, сценографу, скульптору, книжному иллюстратору, мастеру витражей и мозаики Льву (Леону) Васильевичу Заку (1892–1980) по достоинству отведено почетное место «среди лучших и самых одухотворенных живописцев нашего времени»^[1].



Лев Зак или, как он себя еще величал – Россиянский, используя фамилию матери, Розалии Моисеевны, родился в селе Растяпино Нижегородской губернии. В кругу российского еврейства фамилия Россиянских была широко известна: дед Л. Зака по линии матери, М.М. Россиянский, явился в 60-х годах XIX века одним из основателей еврейской общины в Москве. От первого брака у Розалии Моисеевны было трое детей: Софья, Семен и Михаил. Боготворимый Л. Заком его единоутробный брат Сеня, о котором он оставил воспоминания^[2], со временем станет выдающимся философом. Через девять лет после скорострительной смерти первого мужа^[3], которого не стало в 1882 году, Розалия Моисеевна вышла замуж за аптекаря В.И. Зака, человека, с молодых лет участвовавшего в народовольческом движении и расплатившегося за свои революционные убеждения 10-летней ссылкой в Сибирь.

В 1902 году 10-летний Лева поступил в московскую гимназию при Лазаревском институте восточных языков, где зверствовала беспощадная «процентная норма» (стоит, например, напомнить, что за несколько лет до Зака сюда не могли поступить дети далеко

не бедных еврейских купцов: Илья Фондаминский и Марк Вишняк, выросшие со временем в известных политических деятелей, членов эсеровской партии^[4]). В стенах гимназии он познакомился с учившимся здесь же на три класса ниже Романом Якобсоном, в будущем прославленным ученым-языковедом, дружба с которым продолжалась до конца дней. Якобсон написал предисловие к книге Леона Зака «Des Perles aux aigles», в котором, в частности, говорилось:

Перечитывая строчки головокружительных «Коней и дней», где сказано о том, что «Прошлым беременно время», я уношусь памятью к концу первого десятилетия <XX> века, когда в наследии наполеоновской и пушкинской старины, иначе говоря, в московском радушном ампире Лазаревского института восточных языков я повстречал подростком-школяром, кажется, тремя классами старше меня Леву Зака, который с детства был богат снами и предчувствиями, соответствующими неисчерпаемым снам и предчувствиям тех лет. Тогда мы все лихорадочно торопились составлять и выпускать в свет ученические журналы, и Лева Зак передал мне первый (чуть ли не единственный) номер такого журнала, только что выпущенного им и его сверстниками. Из всей книжки я запомнил только непривычные, обогащенные заковской фантазией иллюстрации к «Невскому проспекту» – необыкновенной повести Гоголя, справлявшего к тому времени свой столетний юбилей.

Когда потом, в 1913 году, в лихорадочной творческой спешке в канун войны посыпались футуристические альманахи «Мезонина русской поэзии», там сразу бросились в глаза стихи Льва Зака, подписанные Хрисанф, и его же задумчиво-задорные статьи под именем Михаила Россиянского, оставившие несомненный след в поэзии Маяковского и Пастернака^[5].

Тогда же открылась для Зака главная жизненная цель: «...Начиная с десяти лет я твердо решил для себя, что стану художником», – писал он позднее^[6]. Свои первые университеты живописи он проходил в художественных студиях Ф.И. Рерберга и И.И. Машкова и уже в 15-летнем возрасте удостоился публичного признания: в 1907 году картины юного Зака были выставлены в Салоне московских художников. Позднее подготовленную им издательскую марку использовало издательство «Петербургский глашатай», в котором печатались знаменитые футуристические альманахи «Всегда», «Засахаре кры» и другие, а исполненные им кокетливые виньетки – журнал «Золотое руно» (1909, № 11–12).

В 1907 году Зак поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Во второй половине 1913 года, по его и В. Шершеневича инициативе в Москве образовалась литературная группа эго-футуристического толка «Мезонин поэзии». В нее вошли молодые литераторы К. Большаков, Р. Ивнев, Б. Лавренев, Н. Львова, С. Третьяков П. Широков и др. Годы спустя Шершеневич, уделивший Заку главку в своих мемуарах «Великолепный очевидец», вспоминал:

Небольшая, но теплая группа собралась около «Мезонина поэзии». Если руководителем этой группы был я, то вдохновителем ее был Лев Зак.

Художник, поэт, теоретик, Зак умел заражать своей искренностью и продуманностью. Он имел десятки профессий, и одна мешала другой. Он был прекрасным графиком. Почти все книги «Мезонина поэзии» имели его обложки. Каждый номер Зак заполнял своими псевдонимами. Это он был «Хрисанф», ему же принадлежит ряд других подписей^[7].

С сентября по декабрь 1913 года в «Мезонине поэзии» вышли три литературных альманаха: «Верниссаж», «Пир во время чумы» (обложку обоих оформлял Зака) и «Крематорий здравомыслия»; во всех трех – под псевдонимом Хрисанф – печатались его стихи. Одновременно были изданы три сборника стихов членов этой группы: «Пламя пышет» Р. Ивнева, «Экстравагантные флаконы» В. Шершеневича, «Сердце в перчатке» К. Большакова. Готовился к печати четвертый выпуск альманаха – «Январские сатурналии», но он, как и поэтические сборники – Зака «Пиротехнические импровизации» и «Поэзы» Н. Львовой, – напечатан не был. С тех пор, в течение почти шестидесяти лет, имя Зака-поэта в печати не появлялось, хотя стихи он писал по-прежнему непрерывно. Но только в 1970 году, в расцвете его всемирной славы как художника, стараниями известного исследователя футуризма профессора В.Ф. Маркова, в Мюнхене был издан поэтический сборник Зака-Россиянского «Утро внутри». Стихи произвели огромное впечатление и были восприняты ценителями поэзии как подлинное откровение. «И вот теперь, – писал в предисловии к сборнику В. Марков, – когда поэт уже приближается к восьмидесятилетию и когда он уже давно создал себе имя в европейской живописи (Леон Зака), появляется книга его стихов, которые он, оказывается, не переставал писать все это время – нигде их не печатая. Ну и что, возразят иные, мало ли среди русской эмиграции пожилых стихоплетов? Однако в этом случае перед нами даже не просто неплохие стихи, а значительная и в высшей степени оригинальная поэзия»^[8]. В рецензии на этот сборник Ю. Иваск писал: «Один из любимых приемов Россиянского – так называемая поэтическая этимология, он часто подбирает слова по звуковым ассоциациям, как Хлебников, Крученых. Прием этот не новый. У Зака звуки преобладают – задают тон, что подчеркивается и звуковыми повторами в названии книги: “Утро внутри”».

Эмигрировавший в 1973 году в Париж А.Д. Синявский, получив от Зака «Утро внутри» и благодаря за этот подарок, писал ему в частном письме:

Дорогой Лев Васильевич.

Сердечно благодарю Вас за книгу и добрые слова, присланные вместе с нею.

Книгу Вашу я прочитал с наслаждением. Помимо ее абсолютной самооценности, она мне дорога и мила и более лично, что ли: как возвращение к Слову и возрождение Слова – мои собственные литературные вкусы и пристрастия лежат в том же поле.

Я не ожидал, прямо скажу, встретить такую книгу здесь и в наше время. Мне казалось, что в русской поэзии здесь все затопила (в лучшем случае) акмеистическая гладкопись. Правда, я еще плохо знаю здешних авторов, но общий тон как-то угадывается.

С Вашим литературным именем я встретился еще в студенческие годы, когда украдкой рылся в книгах русских футуристов и наткнулся на «Мезонин поэзии». Но я не знал <...> ни кто Вы, ни куда Вы делись, и спросить было не у кого. Тем интереснее и радостнее была мне эта встреча.

Еще раз примите мою признательность.

А. Синявский

17.1.1974^[9]

Но вернемся вновь к ранней поре. В начале 1914 года произошло слияние «Мезонина поэзии» с группой «Гилея», куда входили братья Давид и Николай Бурлюки, А. Крученых и В. Маяковский. Встреча проходила в доме Б. Лавренева, впоследствии известного советского писателя, который так вспоминал о ней:



Надежда Браудо. 1914 год.

Как-то в 1913 году у меня состоялось собрание московских групп эго- и кубофутуристов. Созвано оно было по инициативе В. Шершеневича «для координации действий» обеих групп. Пришли оба Бурлюка, Шершеневич, Крученых, Большаков, С. Третьяков, художник и поэт Хрисанф (Зак), бывший идеологом эгофутуристов, и еще два-три человека. Разговор шел вяло и бестолково.

Давид Бурлюк утверждал, что никакой контакт и никакое объединение идейного порядка между обеими группами невозможно, что эгофутуристы, в сущности, вовсе не футуристы и узурпировали это название незаконно. Эгофутуристы занимаются формальным фокусничеством, будучи на деле реакционерами в основной творческой области, в языковой стихии, пользуясь тем же архаическим языком, которым пользовалась устаревшая и подлежащая выбросу за борт современности поэзия прошлого, в то время как кубофутуристы ставят вопрос о полном обновлении поэтического языка, о создании новой, заумной речи, которой принадлежит будущее. Как же можно объединить два исключаящих друг друга направления? Эгофутуристы уже самой приставкой «эго» подчеркивают свою узкую индивидуальную ограниченность, в то время как кубофутуристы ведут свой генезис от куба, от этого широкого, объемного трехмерного понятия.

– Вы эгоисты, а мы хлебниковцы, гилейцы, всемиряне, – говорит Давид.

На него яростно и бестолково набрасывались, спорили путано в повышенных тонах и ни до чего, конечно, договориться не могли.

В течение всей этой перепалки Маяковский молча сидел на диване и занимался кошкой, устроившейся у него на коленях. Он лишь изредка бросал короткие реплики. В разгаре спора Давид вскочил и, указывая на Маяковского, закричал:

– Вот настоящий гилеец и кубофутурист!

Продолжая поглаживать кошку, Маяковский спокойно и как-то очень убежденно сказал, оглядев всех с каким-то недоумением:

– Дело не в этом. Я не кубо и не эго, я пророк будущего человечества!

Фраза вызвала взрыв хохота. Но Маяковский вдруг встал, и глаза его вспыхнули так ярко, что все замолчали. Лицо его сразу потемнело и замкнулось. Он как будто хотел еще что-то сказать, но неожиданно махнул рукой и быстро вышел^[10].

В 1917 году Зак женился на Надежде Александровне Браудо (1894–1976), дочери еврейского общественного деятеля А.И. Браудо^[11] и сестре известного органиста, музыковеда и музыкального педагога И.А. Браудо (1896–1970), оставшегося в Советском Союзе. В браке родилось двое детей – Ирина, тоже художница, и сын Василий.

В годы Гражданской войны семья Заков переехала в Николаев, а затем, в 1920 году, бежала от кровавого российского Апокалипсиса на Запад. Жили в Константинополе, Риме и Флоренции, в 1922 году оказались в Берлине^[12], где Лев Васильевич работал сценографом Русского романтического театра Б.Г. Романова. С конца 1923 года поселились в Париже. Последние годы жизни Заки провели в парижском пригороде Ванве (Vanves). Посетил Лев Зак и Израиль: он приезжал сюда в 1976 году, после смерти горячо любимой жены, с которой прожил около 60 лет.

В эмиграции художественная карьера Зака складывалась хотя медленно и трудно, но в целом, в особенности после второй мировой войны, достаточно успешно: он стал известен и богат. Впрочем, Зак-художник – тема отдельного разговора, в данной публикации хотелось бы сосредоточить внимание на еврейской теме в его поэзии. Разумеется, Зак не еврейский живописец и не еврейский поэт. Но тем любопытней обнаружить, сколь глубоко интимно и мистически он, вообще склонный к философскому постижению мира, воспринимал тайну своего национального происхождения. Среди его до сих пор не опубликованных стихотворных текстов есть целый ряд, тематикой и образным строем восходящих к той поэтической проблематике, которую по-пушкински можно было бы определить «моя родословная» и которая отличается не просто откровенной еврейской национальной идентификацией, но больше того – настоящей тоской по родным корням и истокам. Не станем переоценивать художественные достоинства этих стихов. В каком-то смысле они перепевают многократно слышанную мелодию о дихотомии двух миров-стран: страны рождения и страны духовной принадлежности. Такие стихи можно встретить, например, у С. Фруга^[13].

Однако само по себе это, с одной стороны, вовсе не отменяет крайне значимого факта существования темы «моей еврейской родословной» в персональном поэтическом хозяйстве Зака, а с другой – расширяет в историко-литературном плане галерею поэтов русско-еврейского происхождения, которые в эпоху Серебряного века обращались к этой теме.

Стихи публикуются по подлинникам, хранящимся в Отделе редких книг и рукописей Национальной и университетской библиотеки Израиля (Иерусалим).

Из тетради 1916 года

* * *

*Í á ààè ãëùá ðàáí èí ú,
Í á ààè áááí úá èðäý -
Òàì, ãáá èí:òþ ò áááèí ú,
Í ò:èçí à æàðéäý ì ìý.*

*Áé Á-ããððáò, í á æàéäý,
Áãá òí, ÷ òí Í í äððáò áé:
Òàì ñáòáè ááí ú - í æëý ñáòéáá,
Òàì íí:ú òàì í á - í æëý òàì í áé.
Èçí áðáæáí è á ãðáúí è
È í èíáíðíæý ñèì áíé,
Òàì í æëù á ìíðáèè í ðòúí è
Áíçáææá ñèááí ðòðáí ò í ú è ðòáí è.*

*À çãáíí ó ááí - çãáíí íí:è ááéú,
À çãáíí ó ááí - çãáíí òàì í ú áí è.
Èç-ííá ñí ááí á í èááí áéú,
Òíð:à ò çãáíí ááðíòú èèè í í è.*

*В çãáíí í ðèáí úø, ý òííèòþ,
В í á ÷ æàéí á áí è òýí ó,
В ááí ìì èíáþ í á òáéòþ,
Áðááþ, çí í èíòþ, ñòðáí ó*

* * *

*В í á çí áþ ñáíáá í áðíáá,
В ááíòþ í á ýçí èá áðááá,
È áòø è í í áé ááíýèäý í ðèðíáá
Í á ðíáè ò í è:áá æèáíá¹⁴⁴.*

*Áðááè èíèäý çí í èí áý ì ðòúí ý,
À í áá í áþ ñèááðí í á í ááí!
Òàì áéýáò òí èüèí ááòáð í ú í á,
Òàì í è èáè ò òí á <ááðéáí ò: í æëù >,
Í è ðèááá*

*В óí ðý, ì í èõ í á:áéù úõ <ááðéáí ò:
í æèí èèõ> í ááí
Í á ñí í áò ááðáè í áá í í áí è í èáí è.
È í á ááí ìì í ýò, èáè ÷ æèòþ í èááí ú
Èõ á ðííèè, ì í æáò áú òú
ñ:áíðéèáí è¹⁵¹.*

Наедине с Б-гом (Еврейские мелодии)

1.

*Áúè áá:áð è òíí èéááíí í á:ú
× òí á í èáè ò ú á ò èø è, ý í ðèéáá
Í í òí èüèí ý ðí áé í ðèéá:íí -
Ñòø:è òíý ðèðí í á:éí Á-á*

Í í ýòú ì ðèðí áè ò Óáðú òáðáé,

Íáàòúé òíðááàì éí í íá
× ò í á ñ ò á à ò ù ÿ ì á ò ù ÿ Ñáí áé
Ááííó ááíòé í òé í á á

Í í ÿ: óéäé! Í í á á ðéí
Ñ ò í á íé í í á á ÿ, Á í ñ í á é í.
Òú í á í á ó á é ñé á à ì ì í é ì,
Ñ ò ð á á à ò ú ÿ á á è ð í á é í.

È í á í ò é ð ú á Á í ó á á á ð á é,
B í é á é äé, ì í é: á í ù á ò ð á í ÿ.
Ç à á á á ð ù ñ ò ì ÿ é Ò á ð ú ó á ð á é,
Ó: é è ñ ÿ ñ ò ð á á à ò ú ó ì á í ÿ¹¹⁹.

2

B á á á è ñ ÿ, é á é í á é í á á ì ò í ð í é.
Á é á í ò í ú á, é í ò í ð ú ì é ì ÿ é ð á é!
È ì ÿ ò í ò á é á á ð ò í é é é á à ò ú ò ð í é
× á ì ñ: á ñ ò é é á ì? Á á ð á í é í é í á á é ð á á
È á á í ù é í í é, í á ñ á á á ó á é í í á
È ì á ð ç ñ ò ú ç à ì ò ñ á í é ÿ - è ò á ð á é.
Í í ì á á é ó ò á ì í á ç à ì é ð á á: á ð é á á
Ð á ç á á è ñ ÿ ñ ò ó é. «Á í é á é!» Í ò é ð ú é è ñ ì á á á ð é,
È á é ì í á ò ó á ñ ò ú ì é è ò é ò í ù é í Á - á
Í í ì í á, ì ð í ð í é ó ÿ ð ñ ò í ì ì ó á á á ð á
- Ñ ì é ð é ñ ì, í á ð á á Í ð ñ ò é ì í á ÿ ó í ò ð á ç;
B í á á á á á á ì ò ñ ò é é, ì í é ð á é í á é ì á ð á
Ñ ÿ á ÿ í ò á á ð í é í ò ÷ á é í á á é á á é á ç;
Í í á í í á á ð é á í é ì á è ñ ù ú á á ç ñ ò ú.
B í á é í é, ì í á ó á á ñ ñ Í í é ó í ò ú: á ñ!

È ò é ò é á á á é ì ù ð á ç á á ð ú.

3

B í á á ñ á í é ò á ñ ð é é ì ñ ñ é á á í é é ñ á
Á í ð á é á ñ á: é á, ì í é í é í ñ ò ú é í.
È á á ð á ñ ò í ú é ð á ç á á è ñ ÿ á é ì ñ ò ó ó,
È ñ ò ð á í í á é è ò í ñ á ÿ ÿ á è í:
Í ñ ñ ì á í ú ç í é ð ð á é ñ ñ,
× á ð ò ú ñ ò ð á á á ì ù á á è é í é ñ é á ç è í.
È ð á é: «Ç à: á ì á á á é ó ú ò ú í á á á á?
Í á ò ú ñ á á ÿ, ÷ ò í á í á ð á é à ò ú í á á á é!
Ñ á á ÿ ì ð ñ ò é é é ð á á é, ç á á ð á é, é á á á
Ñ: á ñ ò é é á í á, é á á é ó á ÷ á é í á á é!
B í ñ á é á á í, í á Í í á í ò á á é á á á á,
Á á í á ñ í ð ò í é é á é é á ð á é,
È í á é ì ò í ð ñ ò é ò ú Í á ÿ, é á é á á á,
Á í á í á á ð ñ é ò ú é ì ì ó á á é í á á á á á ú!»
È, ñ ñ ñ é á ç é ì á ó á ÿ á ð ñ é é ñ ñ á á,
Á - ñ í á á ú ð ú á á é è ð á é Ñ á í é í á á á á ú.

4

Á í ò ÿ é ð á é ì é á ì ò ÿ ñ: á ñ ò é é á á á á á
Í ð ñ é á ì í ð á ç é ñ ñ ò ð á ñ ò é ÿ é á á á
× ò í á, ñ ò á é á á é ç í ú é è ó ú é á ñ é í á á é
è á á á á á
È á é á á á ò ì ñ: á ñ ò ú ÿ á ñ: á ñ ò ú á á í á á í á ò,

Èàè áàòì yòì äàð íáúéí íááí íúé,
 Èàè áàòì èì ááááá ý áúé ìááò.
 È íáð-èèñý ì ííþ Óáðíáñéáí íé.
 Ñì ì ííé ì íé-àé Íí, ìðéóíáý èí ì íá
 Í ú íá ááè ááááá ìéðíááí íé,
 Í í ìááóá ááðáðáñò áýèí á íá á
 È çáñ-èèíñí àáí è èþáíáíþ.
 È ý ñééíí èèñý, ìéà-à èàè áí ñ á
 È èíéáí ýí Á-á, ñéíáí í è èçáéíáíþ.
 Ñì áýèñý ý, ñéáçéí èáí è áéáíòý,
 È áíéáá ñéáçé í á òí óðéé áóíáé,
 Ì áí ý Íí áááéé è òáááéé: «Áéóý!»



Лев Зак. Израильские зарисовки. Акварель. 1937 год.

Из тетради 1917 года

Вечный жид

Èáó ÷ðá ñáááá è ááéá
 È ííéíéáí èý èþááé
 Ñì áí ýþòíý, èàé íáéáéá,
 Á òáí è ñáááá ì íáé.

Íáéí áí áíéé áíééáí ííé ý.
 Óíá, èòí Á-ì íáíí áíéí,
 Ááòí èííááí áý ñáí úý
 Í á í áçíáò ñáéí.

В ñòðáí ñòáíþ, áóíáéó á áíí à
 È ííí íááþ ÷áí ì íáí
 Í á-úçàòíí èþ, èíááà çèí à
 È èíóááúí ííòáðááí

Ñ ááòúí è áíáéóúí Áúá áééáí
 Á áóóá áááéííòú - èí ý áðáò.
 Í í ñéúóó ááòééá ñéíáá,
 Èáí íé á ì áí ý éáòýò.
 «Í òééýòúé Á-áí ÷áéíáé,
 Óáéþáíé è áááíí íúé íáí
 Í òðááà èéáááçé è òáé,
 Í íð-à ñéíòà è èíç!»

*B, éðááó: èññ, èç áááí úò ì áñò
Áááó è çàðùááðññí á í í: ù
× ò í áú çáóò ðà í í áú é éðááò
Éðááí í ááò è ì ì í í: ù*

*È ò í ì í á á ò ç í á ò ù, è à è ý áñ ð á è,
È á ð á: ù á è: í ð ð ð è,
× ò í è ù ð ò ò í é á ò è ý á è ð è ò á è è -
Á ñ á ð á á è ì í ç á ì í è!*

*B í á í ð í ó í á á ú ò è ý,
Í á ñ á á è á ð, è à è í ç á
× ò í á á: í ñ ò ù á í á á í ò á á è ý
Ç á á á: í ñ ò ù í á ç á ì è á*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 1.

*B á è ò ý ñ ñ á á í á ð í á á,
Á á á ð ð í á ý ç á è á ð á á á,
È á á è ì í á è á á ý è á ý ì ð è ð í á á
Í á ð í á è ò í è: á á á è á í á.*

*B á è ò ý ñ ñ á á í á ð í á á,
B á è ò ý è á ð á á á,
È á á è ì í á è á á ý è á ý ì ð è ð í á á
Í è: á á í á ð í á á á ò á è á í á.*

¹ 2

*B ò í ð ç ì í è ò í á è í í è ò í á á í
Á á á è í á ñ í á ò í á á í í á è í é á è,
È ñ è á á è à è: ó è á á ý í é á á ú ù
Ñ á á ç ð í ñ è è, á ú ò ù ì í á á ò,
ñ: á ñ ò è è á í è.*

¹ 3

*Á á í ñ ò ó: á è ñ ý á á á á ú ì í í ð.
Á ý
È á á è è ì ó: è è ñ ý, è ì ì á ý ð è è.
Á ì á ý è è ì ù á í ç á è ñ í á ú ò è ý.
É ð á í á í è á á è ñ ò ù è á ð á á í ó è -
Í ò í è ò ð á ñ ó è ì ñ á ð á á ó ì á ý.
Í á á è ý í á á Á- á á ñ ò á á í í ú á ç á è è!*

*È ý ñ è á ç á è: Ñ í ç á á ò á è ù í ò í á ý,
× ò í á á á ò ì í á á á á ú ð á á í á á á á á á á á á è í.
ð á è á í ñ á è á í ú ý, á í á ð á á á á í ý!*

*Í í á í é í á ì è ñ í ò ð á á ò ù ñ ò á è ñ ý Í í,
È á è ì ó: á ð ñ ñ ì ð è ñ á á ò á ý í á á ð è á
B è ñ í ó è á è ç á ñ ò ð á á ó í ú ì ñ ò ì í ì ñ ò ì í,*

*Èàè í àà ðèééé í òðàíííé èàèàèà
À Òàðíòàðàé, à í òðàíííé í àèà-àí,
Ñòðàààí èð ó-èèíí : àéíàèà*

^[1] Маркадэ И. Поэтическая философичность живописи Л.В. Зака // Русская мысль. 1979. № 3256. 17 мая. С. 11.

^[2] См.: Зак Л.В. Семен Людвигович Франк – мой брат // С.Л. Франк. 1877–1950. Мюнхен, 1954. С. 17–24; Воспоминания Льва Васильевича Зака о Семене Людвиговиче Франке, его брате / Публ. Н. Франк-Норман // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. V. Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1996. С. 431–442.

^[3] Людвиг Семенович Франк, врач по профессии, переселился в Москву из Западного края во время польского восстания 1863 года. В качестве военного врача участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов и за уход за ранеными под огнем неприятеля был удостоен ордена Станислава – единственного ордена, дававшегося евреям.

^[4] См.: Вишняк Марк. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 18–21.

^[5] Jakobson Roman. Souvenirs du future // Leon Zack. Des Perles aux aigles. Paris: Éditions Sant-Germain-des-Prés, 1975. P. 3. (Перевод мой. – В. X.)

^[6] Цит. по: Grenier Jean. Entretiens avec dix-sept peintres non-figuratifs. Paris: Calmann-Levy, 1963. P. 14.

^[7] Шершеневич Вадим. Великолепный очевидец: (Поэтические воспоминания 1910–1925 гг.) // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 522.

^[8] Марков Владимир. О поэзии М. Россиянского // М. Россиянский. Утро внутри. Мюнхен, 1970. С. 7. В рецензии на это сборник Ю. Иваск писал: «Может быть, здесь есть соответствие с его живописью? Сам он эту параллель подсказывает: “Положенное на холст без всякого умысла пятно диктует часто и композицию, и цветовой характер картины, а в стихах часто фонетическая находка рождает новый неожиданный образ”» (Новый журнал. 1971. № 104. С. 302).

^[9] Dept. of Rare Books and Manuscripts of the Jewish National and University Library (Jerusalem, Israel). Arc. 4° 1838/42.

^[10] Лавренев Б. 1913-й // Новый мир. 1963. № 7. С. 230–231.

^[11] См. о нем: Александр Исаевич Браудо. 1864–1924: Очерки и воспоминания. <Paris>, 1937.

^[12] См., напр., к берлинскому периоду упоминание о нем в «Мерлоге» А. Ремизова: «<...> за меня же кроме самого Шкловского, Андрей Белый, Сергей Гессен, Муратов и два Зака» (Ремизов А.М. Неизданный «Мерлог» / Публ. А. д'Амелиа // Минувшее: Исторический альманах. Т. 3. М.: Прогресс-Феникс, 1991. С. 219) – по всей видимости, имеются в виду сводные братья Л. Зак и С. Франк.

^[13] См. статью Н. Портновой «Семен Фруг – “поэт для многих”» // Лехаим. 2007. № 9. С. 44–48.

^[14] Вариант см. в примеч. № 1.

^[15] Вариант см. в примеч. № 2.

^[16] Вариант см. в примеч. № 3.

ОРФЕЙ В ПУСТЫНЕ

Об израильской музыке академических жанров

עֵשֶׂר דְּבָרִים

Первым профессиональным еврейским композитором, ступившим на землю Страны Израиля сто лет тому назад, был уроженец Латвии Авраам-Цви Идельсон (1882–1938). Будучи уже достаточно известным композитором и хазаном, он, тем не менее, лучшие годы своей творческой жизни (1907–1925) посвящает активной организаторской и фольклористской деятельности.



Идельсон прекрасно понимал, что для возведения здания новой еврейской музыки на возрожденной земле необходимы «три кита»: во-первых, собранное и изученное музыкальное наследие еврейского народа – неотъемлемая, фундаментальная часть культурного воспитания слушателей и композиторов; во-вторых, развитая «инфраструктура» – активно работающая система народного и профессионального музыкального образования, «поставляющая», с одной стороны, подготовленных слушателей, а с другой – профессиональных исполнителей и пропагандистов новой по содержанию, но традиционной по концертной форме бытования музыки; и в-третьих, создание этой самой новой еврейской музыки вначале приехавшими сюда уже состоявшимися в Европе композиторами, а в будущем – уроженцами страны, впитавшими сам воздух и соки Земли Израиля.

Поразителен объем работы, проделанной Идельсоном за эти годы в каждой из трех областей. В 1910 году он основал в Иерусалиме Институт еврейской музыки, а в 1919-м – Еврейскую музыкальную школу. Его усилия по записи на фонограф и расшифровке в виде нотного текста традиционной и литургической музыки различных,

большей частью восточных, еврейских общин, сравнимы разве что с работой основателя современной этномузыкологии Белы Бартока по исследованию венгерской, румынской, цыганской и арабской народной музыки, проводимой примерно в те же годы. Результаты этой поистине пророческой по замыслу, размаху и результатам работы Идельсон в конце 1920-х годов издает в Германии и Америке в виде многочисленных статей и книг, главная из которых – 10-томная «Сокровищница восточноеврейских мелодий» и «Еврейская музыка в ее историческом развитии»^[1]. Наконец, Идельсон активно работает как композитор: среди его произведений – множество песен и опера «Ифтах», поставленная в Иерусалиме в 1922 году.

Эстафету у «неистового» Авраама принимает не менее яркая личность – знаменитый русский музыкальный критик и композитор Йоэль Энгель (1868–1927). Срок отпущенной ему в Эрец-Исраэль жизни не превышал каких-нибудь трех лет, а работы, проделанной за это время, иному хватило бы лет на сто. С пророческой самоотверженностью он отдает себя «черной» работе и в музыкальной педагогике, и в творчестве. Недавний глава и основатель петербургской Еврейской национальной композиторской школы, автор оперы, многочисленных произведений камерных жанров и обработок идишского фольклора в Стране Израиля сочиняет только песни и только на иврите: детские куплеты, рабочие песни первопроходцев и строителей, песни для театральных спектаклей^[2]. «Адова» работа и Идельсона, и Энгеля не делалась в вакууме. За год до появления последнего в Палестине, в 1923 году, в Тель-Авиве возникла оперная труппа. Ее организатором и первым руководителем был бывший петербуржец, дирижер Мордехай Голинкин (1875–1963), а солистами, хористами и оркестрантами в подавляющем большинстве, разумеется, выпускники российских консерваторий. За четыре с небольшим года было поставлено 20 опер классического репертуара на иврите (!), в том числе на библейские сюжеты: «Маккавеи» Антона Рубинштейна, «Самсон и Далила» Сен-Санса, «Царица Савская» Гольдмарка. Впрочем, начало израильской оперы было положено еще в России. Именно там в 1911 году Голинкин начал сбор средств для этой цели, а в 1918 году в Петрограде в одном из концертов так называемой недели израильской музыки в пользу еврейского палестинского театра принял участие сам Ф.И. Шаляпин^[3].

В числе основателей израильской скрипичной школы был ученик знаменитого Леопольда Ауэра, бывший петербуржец Михаил Гопенко, директор и преподаватель скрипки в той же тель-авивской музыкальной школе «Шуламит», в которой работал и Й. Энгель. Тогда же, в конце 20-х годов, в Тель-Авив приехал из Петербурга известный пианист – профессор Давид Шор (1867–1962), а также европейские музыканты: пианисты Франк Пелег (1910–1968), Арье Закс (1908–1980), дирижер Джордж Зингер (1909–1980). С 1927 года делались попытки создания профессиональных камерных и симфонических оркестров.

Однако все эти усилия не принесли практических результатов. Опера Голинкина закрылась через пять лет неистовых бескорыстных усилий и блестящих триумфов, никаких оркестров и камерных ансамблей к концу 20-х годов не осталось, несмотря на все старания музыкантов-подвижников. Собранная Идельсоном и изданная в Берлине «Сокровищница восточноеврейских мелодий» захватывает воображение музыкантов-исследователей всего мира и только на древней Земле Израиля не находит отклика у специалистов. Почему? Да потому, что их здесь не было. Ансамбли, оркестры, а тем более работа музыковеда требует субсидий. Все инициативы, «замешанные» на «голом» энтузиазме и заграничном меценатстве, рано или поздно заканчивались крахом. Не мог же Шаляпин постоянно петь «А-тикву» в пользу оперы в Эрец-Исраэль, в то время, как ее энтузиасты – солисты и хористы – зарабатывали себе на жизнь черным

трудом. К тому же после «Большого перелома» в СССР (1929–1930-е годы) поток «русских» репатриантов, а среди них и образованных музыкантов, превратился в «ручеек», а потом почти пересох.

Впрочем, и в этот период в Эрец-Исраэль еще встречались видные музыканты из Восточной Европы, которые пытались опереться в своем творчестве на «идишский», восточноевропейский фольклор и способствовать его внедрению в современную музыкальную культуру ишува. Однако они оказались в меньшинстве, и заметного влияния на местную музыкальную жизнь не оказали. Возможность создания значимого еврейского музыкального центра в Земле Израиля силами музыкантов – выходцев из России была упущена.

С начала 30-х годов в Эрец-Исраэль хлынул новый поток репатриантов – в основном уроженцы Германии, Австрии, Венгрии, Чехословакии и других стран Европы. Эти люди отличались от уцелевших в погромах и в огне Гражданской войны босоногих российских социалистов, которые горели энтузиазмом осушения болот, строительства дорог и возрождения иврита. Являясь в большинстве своем образованными людьми среднего достатка, носителями центральноевропейской культуры, они открыли новые магазины, фабрики, издательства, в том числе и нотные. Музыкальная жизнь страны преобразилась. Новый после «русской» волны 20-х годов мощный импульс получило исполнительство, музыкальное образование, вновь стали открываться музыкальные школы, создаваться камерные ансамбли. В 1936 году создается Израильский филармонический оркестр, в состав которого вошли многие немецкие музыканты. Во главе нового коллектива стояли известный в Европе скрипач и дирижер Бронислав Губерман и Исая Добровейн, не менее знаменитый музыкант, пианист и дирижер, оба – уроженцы России. Первыми концертами оркестра дирижировал сам Артуро Тосканини. Уже в следующем, 1937 году дал свой первый концерт под управлением Михаэля Таубе иерусалимский Оркестр радио. Оба эти оркестра действуют по сей день. В 40-х годах появляются хоровые капеллы, при Еврейском университете возрождается Институт еврейской музыки. В 1947 году вновь открывается оперный театр, непрерывно просуществовавший до 1982 года и передавший эстафету в 1987 году Новой израильской опере.

Эта же европейская волна принесла с собой и профессиональных композиторов, составивших через некоторое время основу израильской академической школы: Пауль Бен-Хаим, Бен-Цион Оргад, Цви Авни, Авель Эрлих, Эден Партош и др.

Однако, прежде чем перейти к характеристике их творчества, необходимо сделать небольшое отступление и коснуться темы различных культурных основ эмигрантских волн 20-х и 30-х годов. В силу известных исторических причин «русские» репатрианты 1900–1920-х годов не только сохранили живую связь с музыкальной идишской традицией, но также активно ее пропагандировали и развивали в стране исхода – России. Духовные и творческие искания Йозефа Энгеля в Эрец-Исраэль были сосредоточены на выборе дальнейшего пути еврейской музыки: развивать ли на новом этапе многовековую идишскую традицию или, основываясь на вновь возникшей, уникальной в еврейской истории общественной атмосфере, обратиться к музыке окружения, – в первую очередь к сохранившимся до наших дней религиозным песнопениям восточных евреев – и создавать новую, но уходящую своими истоками в древность, подобно возрожденному языку, «ивритскую» музыкальную культуру.

Прибывавшие с начала 30-х годов репатрианты, уроженцы Западной и Центральной Европы, представляли собой совершенно другой культурный феномен.

Степень интеграции их в европейской (и особенно – немецкой) культуре была очень высока. Эмансипация, идеология еврейского Просвещения (Хаскала) и реформа иудаизма привели к возникновению совершенно новой еврейской идентичности, полностью вписавшейся в общеевропейский культурный и социальный контекст рубежа веков. Литературными кумирами немецких евреев были Гете и Шиллер, а музыкальными, разумеется, Вебер и Вагнер. Арнольд Шенберг считал изобретенную им додекафонную систему композиции средством обеспечить немецкой музыке первенство в течение следующего столетия. Впрочем, немцами (или австрийцами) до определенного момента мыслили себя и Вальтер Ратенау, и Фриц Хабер, и Зигмунд Фрейд...

Резко подувший в начале 1930-х годов ветер перемен заставил наиболее чутких еврейских интеллектуалов усомниться не только в стабильности своего места в европейской культуре, но вообще в возможности существования евреев в Европе. И вместо карьерной лестницы они поднялись по трапу корабля, увозившего их на край света. Можно себе представить культурный шок этих европейских интеллигентов, сошедших с борта корабля в Яффо и погрузивших свой багаж на верблюдов, которые оставались здесь самым популярным вьючным транспортом; шок утонченных индивидуалов, оказавшихся среди амха – грубого, простого (вспомним сионистский девиз, звучавший к тому моменту уже полвека – «физический труд на своей земле»), в большинстве своем вышедшего из «варварской» России народа, с которым у них не было практически никакого общего культурного прошлого. А к этому времени в Эрец-Исраэль уже находились и представители восточных еврейских общин и, разумеется, многочисленное арабское население со своими музыкальными традициями.



Пауль Бен-Хаим.

Именно в этом, довольно травматическом, контексте и формировалась новая еврейская музыкальная традиция.

Пауль Бен-Хаим (1897, Мюнхен – 1984, Тель-Авив), будущий глава израильской композиторской школы, изучал игру на фортепьяно, дирижирование и композицию в мюнхенской Академии музыки (1915–1920), там же служил ассистентом дирижера, а затем – дирижером симфонического оркестра в Аугсбурге. В 1931 году он вновь возвращается в Мюнхен. Лишь два года жизни на родине он успевает посвятить композиции и уже в 1933 году, сразу же после прихода к власти нацистов, переезжает в

Тель-Авив. Проявив себя как одаренный дирижер и подающий надежды композитор, поклонник академического направления Сибелиуса и Уолтона, равно далекий как от авангарда, так и от какого-либо опыта в работе с музыкой еврейской традиции, Бен-Хаим оказался на исторической родине перед сложнейшими профессиональным и гражданским вызовами. Теперь, в середине 1930-х годов, на повестке дня стояла «закладка фундамента» музыки академических жанров: камерной, симфонической, хоровой. Именно эти жанры были особенно близки композитору, много лет посвятившему дирижированию. Вместе с тем европейская (и ашкеназская) музыкальная традиция связывалась в еврейском обществе Земли Израиля с так называемой «галутной ментальностью», и в силу этого не только не культивировалась, но считалась чуждой духу нового, ивритского этапа еврейской истории. Есть немалая доля иронии в том, что внуки прошедших ассимиляцию немецких евреев столкнулись на своей исторической родине с дилеммой, во многом сходной с той, что стояла перед их предками. Если в доэмансипационной Европе для приобретения евреем «входного билета» в окружающее общество требовался отказ от его культурного наследия, то здесь считалось, что для вхождения в ближневосточное сообщество народов репатрианты должны были не только совершить этот отказ, но и поменять свою не так давно приобретенную европейскую культурную идентичность на местную, «ближневосточную». Ответом на эту спорную идеологическую установку явился так называемый средиземноморский стиль – первый и на сегодняшний день единственный «оригинальный» академический стиль израильской музыки. В его основе – фольклорные элементы чуть ли не всех народов Леванта и Магриба: греческие, турецкие, марокканские, албанские, итальянские, испанские. Направление – пейзажно-импрессионистское, а композиторская техника, естественно, немецкая. Своего рода немецкий импрессионизм с ориентальным флером (таковы Вторая симфония, Музыка для струнных, «Гимн из пустыни» Пауля Бен-Хаима и др.). Позже в этом направлении творили многочисленные ученики и последователи Бен-Хаима, среди них наиболее известные и влиятельные – Бен-Цион Оргад (1926, Германия – 2006, Израиль), Александр Урия Боскович (1907, Румыния – 1964, Израиль). Последний отдал дань раннему сионистскому идеализму своей оркестровой «Семитской сюитой» (1945), соединив в ней элементы арабского и еврейского фольклора.

Совершенно иной на первый взгляд подход к проблеме поиска нового музыкального стиля для возрожденной страны избрал другой уроженец Германии – Йосеф Таль (р. 1910), выпускник Берлинской академии музыки, приехавший в Эрец-Исраэль в 1934 году. Его творчество оставалось в русле европейского авангарда, с характерными для него «модерными» микротоновой и додекафонно-серийной системами композиции. Однако в одном этот подход удивительно походил на школу Бен-Хаима: в нем полностью отсутствовали какие бы то ни было «еврейские» идиомы. Странной может показаться идея – живя на Ближнем Востоке, раствориться в обезличенном европейском стиле. Но в результате – признание европейской музыкальной элитой, частые исполнения в Германии и Австрии, пусть единичные – в Израиле.

Выросшее в Израиле поколение музыкантов 1950-х годов – Ами Майяни, Цви Авни, Ноам Шериф, Мордехай Сеттер (Староминский) и присоединившийся к ним представитель старшего поколения Бен-Цион Оргад предложили совсем иное видение современной израильской музыки. Они кропотливо и вдумчиво изучали и активно применяли в своем творчестве библейские кантилляции и фольклор евреев – выходцев из стран Ближнего Востока. На этом пути их ждали свои трудности. Естественно, что для них всех, светских уроженцев Европы, получивших у Бен-Хаима (кроме Сеттера, окончившего парижскую «Эколь Нормаль де Мюзик») крепкую, профессиональную, «немецкую» композиторскую технику, и традиционные и литургические песнопения марокканских, иракских, иранских, турецких и других восточных евреев были внешним,

экзотическим явлением. Они не впитали их, что называется, «с молоком матери», не выросли на них. Поэтому работа с этим материалом не могла привести этих, без сомнения, одаренных и честных музыкантов к ожидаемым результатам (так же, к примеру, как использование Бетховеном мелодий русских песен из сборника Прача в Квартетах Разумовского не могло привести к созданию русской по духу музыки). С другой стороны, уроженцы восточных стран, бережно сохраняя свои устные музыкальные традиции (связанные, как правило, с литургией), практически не приобщились к европейской академической музыкальной традиции, поэтому не сформировалась ни соответствующая концертная аудитория, ни ее композиторский авангард.



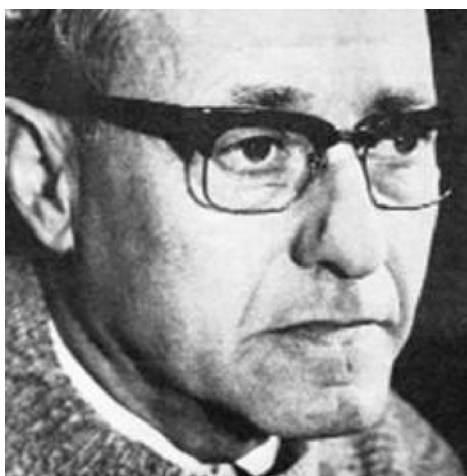
Пауль Бен-Хаим и музыканты оркестра «Коль Исраэль» на праздновании 50-летия композитора.

Смена идеологического вектора в политике в конце 1970-х годов и новая волна репатриации из СССР коренным образом изменили ситуацию в культуре в целом и в музыкальном творчестве в частности. На смену окончательно выдохшемуся «официальному» средиземноморскому стилю приходит стилевой «плюрализм». Ведущую роль в творчестве и воспитании нового поколения музыкантов вновь заняли – через полвека после Энгеля – «русские». В композиции это Марк Копитман, Йосеф Дорфман, «чилиец» Лион Шидловский (потомок российских эмигрантов), «латвиец» Лев Коган и др. Особой популярностью пользовался западноевропейский модернизм 60–70-х годов с его сериализмом, алеаторикой, сонористикой – путь Йосефа Таля, который на новом этапе продолжили многие молодые израильяне, завершавшие образование в США и Западной Европе: Хаим Пермонт, Инам Лиф, Ари Бен-Шабтай и др.

Йосеф Дорфман и Лев Коган творчески возрождают в своей музыке ашкеназскую (клезмерскую, в вокальной музыке – идишскую) традицию, и в новую эпоху оставаясь на периферии местной концертной жизни и исполняясь преимущественно за рубежом – в Германии, Америке и России.

Последняя большая «русская» алия 1990-х принесла с собой небывалый по мощности музыкальный импульс. Неизмеримо выросла аудитория, «педагогический» корпус, отряды исполнителей и композиторов. И без того пестрая к тому моменту картина композиторских направлений пополнилась традиционализмом старшего поколения, модернизмом среднего и постмодернизмом младшего. Некоторые, проявив немалую творческую и человеческую «гибкость», примкнули к господствовавшему здесь «космополитическому» направлению, другие – уроженцы национальных окраин бывшей коммунистической империи – предпочли продолжать заниматься художественным развитием фольклора народов Кавказа и Средней Азии, третьи – меньшинство – искать творческие ответы на вопрос, что такое еврейская израильская музыка и как ее писать. Как соединить Восток и Запад? Какой стиль может считаться общим, «своим» для более чем 80 еврейских этносов, населяющих эту крошечную по территории страну?

«Отец русской музыки» М.И. Глинка более ста семидесяти лет тому назад поставил перед собой задачу «соединить узлами законного брака русскую песню и европейскую фугу». Кто больше помог ему в решении этой задачи: берлинский еврей Зигфрид Ден, к которому он без устали – до самой своей смерти в Берлине в 1856 году – ездил учиться контрапункту, или петербургский – Антон Рубинштейн, убедивший царя Александра II открыть в России консерваторию, положив тем самым начало построению российской музыкальной культуры, – неважно. Задача была поставлена верно, и средства для ее решения нашлись. Один из российских уроков заключается в том, что настоящая национальная культура создается профессионалами высшего уровня на фундаменте подлинного народного творчества при активном и заинтересованном государственном участии в деле музыкального просвещения и профессионального образования. Только из такого корня и могут появиться плодоносные художественные музыкальные побеги.



Йосеф Галь.

Абрам Эфрос (1888–1954), выдающийся русско-еврейский искусствовед и художественный критик, окрыленный интереснейшими фольклорными находками предметов еврейского изобразительно-прикладного народного искусства экспедиций Анского 1912–1914 годов, дал ясный и убедительный план дальнейшего развития еврейского искусства: «Кто знает, может быть, в итоге нашей бережной и долгой работы над народным искусством окажется, что чистой эссенции еврейства в нем осталось всего только малая капля. Пусть борьба за наше художественное Возрождение становится в таком случае борьбой за эту именно каплю – за нее одну и ни за что другое (разрядка моя. – И. Х.). В таком случае она – наше все. Наш фанатизм, наше упрямство и пронизательность уйдут на то, чтобы в чужом и обширном мире ее разглядеть и вычерпать. Сколько поколений на это потребуется, не знаю – может быть, много, а может

быть, достаточно будет и одних нас, начавших, первых. Да это и все равно: так или иначе, но еврейская капля добыта будет. И тогда печатный станок будущего взмахнет рычагами: первый оттиск – наш модерн, наша левизна, молодость; второй оттиск – наше “народничество”, наша традиция, старость. Но шкала ляжет на шкалу, и краски смешаются: перед еврейством встанет его Искусство»^[4].

Проблемы, волновавшие художников в начале прошлого столетия, остаются актуальными. Если тогда, на изломе модернизма, спасение иссыхающего дерева элитарной культуры видели в прививке фольклорного дичка, то сегодня, в эпоху постпостмодернизма, не менее актуальным выглядит возвращение к своим истокам и корням, обретение в них своего национального своеобразия.

^[1] Jewish Music in Its Historical Development. New York, 1929.

^[2] И. Хейфец. Российские корни израильской песни // Лехаим. 2007. № 10.

^[3] М. Голинкин. Воспоминания. Тель-Авив, 1957. С. 9 (иврит).

^[4] Эфрос А. М. Лампа Аладдина // Еврейский мир. М., 1918.

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2008 СИВАН 5768 – 6(194)

БОГАЧИ ЛЮБЯТ СЧЕТ

Éáíí èä Dääçèõíáíéé

Вот уже пять лет подряд журнал «Финанс» публикует списки богатейших людей России.

Конечно, картина радикально изменилась: в 2004 году в списках было 154 человека, «порог отсечения» составлял 1 млрд рублей (35 млн долларов по курсу того времени).

В 2008 году в списке 500 человек, «порог отсечения» – 3,7 млрд рублей (150 млн долларов).



Кстати, велика тут «текучесть кадров» – из списка-2004 до списка-2008 дошли 114, а 40 человек (26% от первого списка) выбыли. Самый знаменитый из выпавших – разумеется, Ходорковский. Кроме него, из списка ушли еще шесть акционеров ЮКОСа. Это довольно странно. Например, один из «неудачников» – Сергей Муравленко, бывший (до прихода МБХ) руководитель ЮКОСа. Так вот, сейчас тов. Муравленко – депутат Думы от КПРФ (кстати, говорят, что неприятности МБХ отчасти были спровоцированы именно тем, что во время выборов в Думу в 2003 года Муравленко – вопреки «совету» Кремля – финансировал КПРФ). В официальной декларации об имуществе кандидата в депутаты Муравленко, помимо многого прочего, указано, что у него только на банковских вкладах свыше 100 млн долларов, а остальное имущество (на 20 млн долларов акций «Газпрома» и т. д.) явно стоит куда больше 50 млн долларов. Так что С. Муравленко явно должен был бы значиться в последнем списке «Финанса» – почему он туда не попал?

Среди других «выбывших» блистают президент Башкирии Рахимов и президент Калмыкии Илюмжинов. Согласно «Финансу»-2004, это были люди богатые – но как же они так обеднели в 2008-м? Кстати... Сын президента Рахимова – согласно тому же «Финансу» – с 2004 по 2008 год сильно обогатился, с 64 места в списке поднялся на 43-е, а главное, если в 2004 году его состояние составляло 250 млн долларов, то в 2008-м – 4250 млн. Рост в 17 раз!

Но как бы ни были неточны списки, в целом они дают все же впечатление о российской финансовой элите.

Приведу несколько цифр.

Общий капитал 500 российских «олигархов» – 716 млрд долларов. При этом ВВП России в 2007 году – 1215 млрд или около 2000 млрд (считая по паритету покупательной способности). Конечно, сравнивать капитал и сумму производства не вполне корректно, но некоторое представление о степени концентрации капитала мы получаем. Кстати, в действительности эта концентрация еще выше: ведь совокупный капитал первых 10 участников списка – 221 млрд, больше 10% ВВП, как ни считай!

Для сравнения – совокупный капитал 400 богатейших людей в США составляет 1545 млрд долларов, а ВВП США – около 14 трлн долларов. Таким образом, совокупный капитал американских «олигархов» составляет около 11% ВВП, а российских олигархов – от 59% до 36% (при разных методиках оценки ВВП).

Интересно и то, что по числу долларовых миллиардеров (101, по списку «Финанса», а на самом деле – 102, т. к. они почему-то забыли депутата ГД А. Морозова)

Россия вышла на второе место в мире, обогнав Германию, Японию, Англию – но отнюдь не догнав их по ВВП.

Теперь немного о «персональных вопросах».

Список возглавляет «финансовый гений» – Олег Дерипаска. Его капитал – около 40 млрд долларов, не только почти в два раза превышает капитал № 2 – народного любимца Романа Абрамовича, но и вплотную подходит к капиталам крупнейших магнатов мира.

Дерипаска, как говорится «жжет не по-детски» – он стоит практически вровень с такими гигантами, как Лакшми Миттал, Бернар Арно и лишь ступенью ниже Их Величеств – Карлоса Слива (ливанец из Мексики, официально самый богатый человек в мире) и Билла Гейтса.

Раньше о таком месте в мировой финансовой табели о рангах русские бизнесмены не мечтали. Здесь, кстати, надо подчеркнуть разницу между Дерипаской и предыдущим лидером списка – Абрамовичем.

Состояние Романа Аркадьевича выросло с 2004 года менее чем в два раза, а состояние Олега Владимировича – почти в 10 раз. Но цифры – следствие, а не причина.

Первый похож на сибарита, второй – на фаната-трудоголика. Абрамович – точно «дитя приватизации». Его состояние почти полностью опирается на «Сибнефть». Продав по высшей цене эту компанию государству, он, кажется «успокоился». Дерипаска же, сорокалетний белорус, ветеран алюминиевых войн 1990-х, бешено строит свою империю в самых разных направлениях – та же алюминиевая промышленность, огромное строительство, страхование, сейчас подбирается к «Норильскому никелю». Подобная «геометрическая прогрессия» – редкое явление не только в русском, но и в мировом бизнесе. Правда, как мне кажется, таким же талантливый, агрессивный бизнесменом является и М. Фридман.

Ну и, наконец, собственно «еврейский вопрос».

Среди 500 российских «олигархов» – 105 евреев, 20% (к ним я причисляю также и «полуевреев»), 93 представителя иных национальностей, 18%, 302 русских, свыше 60%.

Для сравнения, в 2004 году картина была иная: из 154 человек 47 евреев, 30%, 30 представителей других наций, 20%, 77 человек русские, 50%.

С моей точки зрения, плавное уменьшение доли евреев и других «нацменов» – процесс вполне объективный для российского бизнеса. Главное, чтобы в дело тут не включалось государственное насилие...

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2008 СИВАН 5768 – 6(194)

ОБ АНГЕЛАХ И КОШКАХ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Продолжение диалога, начатого в книге Михаила Горелика «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем».

– Вы как-то сказали, что взаимопонимание человека и ангела невозможно. Но ведь в Библии рассказывается об общении людей и ангелов, приводятся их диалоги, а диалог без понимания, хотя бы относительного, невозможен. Если это, конечно, не театр абсурда.

– Вопрос в том, что называть диалогом. Вы бросаете в автомат монетку, нажимаете кнопку – вылетает коробок спичек. Вы нечто сказали автомату, он вас понял и соответственным образом ответил. Это диалог? То же самое сплошь и рядом бывает между людьми. Коробок спичек можно купить, обратившись к продавцу, но его функция в

этом случае ничем не отличается от функции автомата. Подлинный диалог начинается только тогда, когда люди выходят за функциональные рамки.

У Сарояна в «Человеческой комедии» рассказывается о мальчике, разносящем телеграммы. Дело происходит во время войны, и во многих из них извещается о гибели людей. Мальчик – вестник смерти. Он чувствует реакцию людей, но ничего не может изменить. Он не ответственен за содержание телеграммы. Бессмысленно предъявлять ему претензии: что ты мне принес?! Он приносит то, что ему дают на почте. Он всего лишь посланник.

В переводе с иврита слово «малах» – и ангел, и посланник. В каком-то смысле ангел – тот же подросток, разносящий телеграммы. Он не инициатор общения, он только порученец, исполнитель, только функция. Посмотрите эпизоды с ангелами – вы в этом легко убедитесь.

В эпизоде борьбы Яакова с ангелом Яаков спрашивает, как имя его противника – тот говорит: зачем тебе?^[1] Отвечает вопросом на вопрос и не называет имени. Раши^[2] объясняет, чем обусловлен отказ ангела представиться: ангел считает вопрос Яакова бессмысленным – у ангелов нет постоянного имени, имя меняется в зависимости от выполняемого поручения, имя по существу есть имя функции. То, что можно было бы назвать минималистским диалогом, на самом деле обмен репликами двух существ, у которых отсутствует общий опыт, которые не понимают друг друга. Вопрос Яакова для ангела нерелевантен – подоплека вопроса Яакова закрыта для ангела.

Сарояновский мальчик, по крайней мере, мог, хотя бы отчасти, в меру своего ограниченного жизненного опыта, понять реакцию людей – у ангела нет и этого ограниченного опыта: мы живем в слишком разных мирах. Есть известная еврейская песенка на идише (ее, между прочим, написал мой дальний родственник), человек обращается к ангелу: у тебя нет жены, нет детей, тебе не надо думать о заработке – будь у тебя все это, был бы ты ангелом? В одной хасидской истории раввин предстает перед небесным судом. Раввин был праведником, но некий дотошный ангел все-таки находит и у него проступок. У раввина спрашивают: как же это тебя так угораздило? Он разводит руками: жена пристала.

– Сдаст жену, как Адам Хаву^[3].

– Да, действительно похоже, но история не о том. Раввина для исправления земной ошибки отправляют в ад (ненадолго). Но, что более интересно, ангел на время получает человеческую природу и посылается в мир людей, где его уже поджидает сварливая жена.

– То есть тоже в ад и тоже сравнительно ненадолго.

– Дабы, вернувшись из командировки, меньше усердствовал в отыскании человеческих прегрешений, мотивы и обстоятельства которых были ему непонятны до приобретения земного опыта.

– Погодите, но ведь в еврейском предании есть рассказы, где прямо говорится о сочувствии ангелов человеку: ангелы плачут, когда Авраам возлагает Ицхака на жертвенник, ангелы плачут, когда люди разводятся. Стало быть, опыт сострадания у них все-таки есть.

– Плачут. Ну так что, что плачут? Есть впечатлительные люди, которые плачут, увидев раздавленную кошку. Значит ли это, что возможен диалог с кошкой?

– **Вы задали риторический вопрос, но многие любители кошек, не задумываясь, ответили бы на него положительно.**

– Человек – существо с фантазией, может вообразить невесть что, может очеловечивать кошку, думать, что он ее понимает, что она его понимает.

– **Некоторые полагают, что одна она их только и понимает.**

– И такое бывает, но они заблуждаются: самое большое, что человеку доступно, – это понять, что кошка голодна. Наш мир так же далек от мира кошек, как от мира ангелов. Кстати, и те и другие лишены чувства юмора.

– **Откуда это известно?**

– Попробуйте как-нибудь при случае рассказать ангелу анекдот: удивлюсь, если он засмеется. И кошка тоже не засмеется. Даже не улыбнется. Человек может разговаривать с кошкой, так делают многие одинокие люди, у которых нет иных собеседников, но это иллюзия, это разговор с самим собой.

– **У вас есть кошка?**

– Нет, жена их не любит.

– **А если бы любила?**

– Может быть. В Иерусалиме их полно, они постоянно попадаются на глаза. В моем детстве было то же самое, мне нравилось играть с кошками. Старики предупреждали: не делай этого – кто играет с кошкой, у того отшибет память.

– **Ошиблись, выходит, старики.**

– Вы так думаете? Как знать: прошло ведь всего только семьдесят лет, а они не уточняли, когда это произойдет.

– **Достойная предусмотрительность. С другой стороны, память в равной мере оставляет и тех, кто никогда с кошкой не играл.**

^[1] Берешит, 32:29.

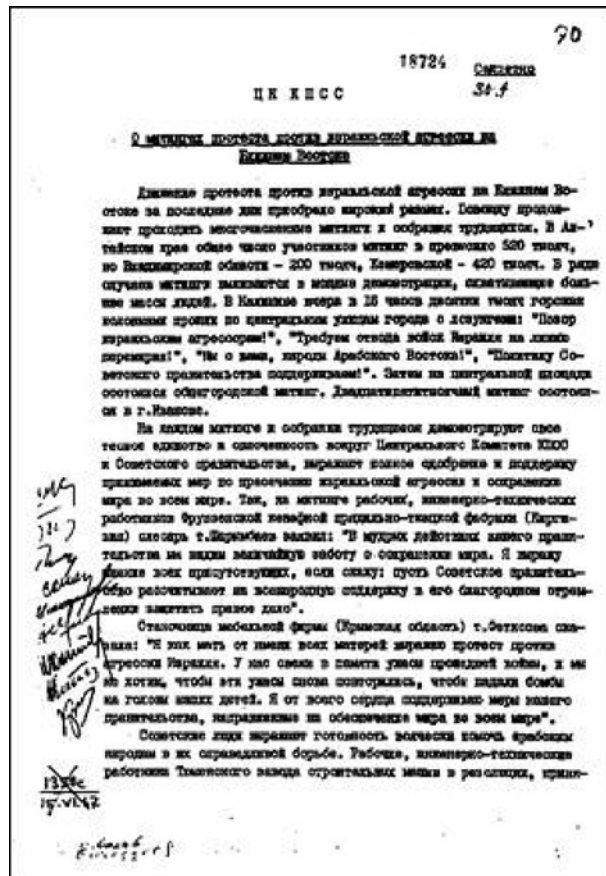
^[2] Раши (1040–1105) – автор классических комментариев к Библии и Талмуду.

^[3] «И сказал Г-сподь Б-г: <...> Ты ел плоды с дерева, с которого Я запретил тебе есть? И сказал человек: женщина, которую Ты мне дал, – она дала мне эти плоды, и я ел» (Берешит, 3:11, 12).

НАХОДЯСЬ В БОЛЬНИЦЕ, Я НЕ МОГУ СПОКОЙНО ЛЕЖАТЬ В ПОСТЕЛИ...»

СССР. 1967-й: отклики «других» евреев на Шестидневную войну

אֵשֶׁר אִי אֹד עֵתֶשׁוֹעִי



Перед вами отрывки из писем, направленных советскими евреями в редакцию газеты «Известия» в дни Шестидневной войны и сразу по ее окончании. Здесь же справка по письмам, представленная в ЦК КПСС главным редактором «Известий», а также донесение Отдела партийно-организационной работы в ЦК о митингах протеста, по всей стране против израильской агрессии. Эта подборка недавно рассекреченных документов, хранящихся в Российском архиве новейшей истории, позволяет почувствовать общественно-политическую атмосферу тех дней. Несомненно, «письма-отклики» написаны добровольно, как несомненно и то, что они не передают настроений большей части советского еврейства. Любое сообщение нижестоящих партийно-государственных и иных советских структур «наверх» в те времена должно было не столько информировать, сколько свидетельствовать о поддержке политики властей. Главный редактор Л. Толкунов фактически ничего не сообщает о содержании «второй группы» писем, которые названы «экстремистскими»: они выражали солидарность с действиями Израиля. Показательно, что среди не менее двухсот писем, присланных евреями в редакцию, не было писем из Прибалтики, Грузии, крайне мало из Москвы и Ленинграда. Толкунов констатирует, что авторы подавляющего большинства писем –

пенсионеры. Любопытно, что в письмах, содержание которых решается довести до сведения высшего начальства редактор, ощущается сопричастность судьбам еврейского народа и Израиля. Вместе с тем содержание многих писем говорит о том, что их авторы оказались жертвами массовой антиизраильской пропаганды, отсутствия минимальной информации о еврейском государстве. Наконец, из «справки» видно, что авторы писем испытывают информационный голод и просят публиковать материалы, рассказывающие о создании Государства Израиль, об истории арабо-израильского конфликта.

В секретном донесении в ЦК сообщается о желании евреев во многих регионах страны организовать сбор средств в поддержку Израиля.

Победа Израиля в Шестидневной войне сыграла огромную роль в развитии еврейского национального движения в СССР.

Ñáèðàòíî

Ýèç ' 1

ÖÊ ÊÍ ÑÑ

Í àì ðààèÿàì á ïïðÿàèá èí òíðì àòèè ñ ðààèóíï ï èíïï àì, ïïðòóí èàøèì

á «Ëçàíðèèÿ» á ïïëàáíèá í ààèè á ñàÿçè ñ ààðàíñèá Ëçðàèèÿ í à Áèèæíàì Áíðòíèá

Áèàáí ùé ðààèóíð «Ëçàíðèèè»

Ë. Õíèèóííá

ÑÍ ÐÀÁËÀ

íï ï èíïï àì -íò èèèèèàì á «Ëçàíðèèèÿ» á ñàÿçè

ñ ààðàíñèá Ëçðàèèèÿ í à Áèèæíàì Áíðòíèá á èðíá-èðèá ñ á

Анализ почты (более 400 писем) показал, что основной поток писем идет от читателей Украины (примерно 35–40%), Белоруссии (20–25%), Молдавии, Москвы и Ленинграда. Судя по содержанию и исполнению писем, можно сделать вывод, что более 80% авторов писем городские жители с неполным средним или средним образованием. Подавляющее большинство авторов – пенсионеры. Мало поступает писем из сельской местности. По национальной принадлежности более 50% авторов писем – евреи.

По характеру содержания писем почта может быть разбита на несколько групп. Большая часть (свыше 60%) патриотические отклики на позицию Советского правительства в ближневосточном конфликте, требования немедленного отвода израильских войск с захваченных ими арабских территорий. В этой категории писем содержатся упреки в адрес ООН, которая, по мнению читателей, идет на поводу у американских вдохновителей агрессии... (Выдвигаются «проекты» роспуска ООН, перевода ее штаб-квартиры в столицу одного из социалистических государств, выхода Советского Союза из этой организации, смены руководства ООН...) К этой же категории писем следует отнести письма от советских евреев, обращающихся к Израилю с

требованием прекратить агрессию против арабских стран, отвести свои войска с захваченных территорий. В этих письмах содержатся просьбы об опубликовании этих обращений от имени советских евреев (одно из писем содержит предложение начать сбор подписей среди еврейского населения СССР под обращением, требующим немедленного обуздания израильских агрессоров, другое – предложение о созыве «еврейского конгресса», на котором должна быть решена судьба Израиля).

Вторую группу писем составляют по большей части анонимные письма в поддержку экстремистских устремлений Израиля, письма, содержащие клеветнические утверждения, что в Советском Союзе имеет место антисемитизм. В анонимных письмах (общее их количество невелико) содержатся угрозы в адрес советских органов власти и отдельных сотрудников редакции, освещающих на страницах газеты события на Ближнем Востоке. Читатель из Томска, еврей по национальности, утверждает, что в его городе, как результат чрезмерного нагнетания прессой враждебного настроения к Израилю, имели место антисемитские выступления (сожжена женщина с ребенком, побиты стекла в окнах синагоги и т. д.).

Во всей июньской почте 5 писем явно антисемитского содержания (анонимных и с указанием обратного адреса). Авторы ряда писем считают, что было бы разумным контрпропагандистским шагом публичные заявления советских евреев в печати об их отношении к израильской агрессии, о положении людей еврейской национальности в Советском Союзе, усматривая в этом средство для борьбы с разнузданной западной пропагандой по поводу так называемой «проблемы евреев в СССР».

Почти сквозь все письма проходит просьба об изложении на страницах газеты истории арабско-израильского конфликта, истории создания Израиля, правовых норм, регулировавших это государственное формирование.

Некоторые читатели высказывают опасение, в связи с «поразительным поражением арабов», что «наша политика оказания всесторонней и дорогостоящей помощи арабам может дать слишком малоощутимые государственные выгоды». Иные считают, что наши военные советники в ОАР переоценили возможности арабов и дезинформировали наше правительство.

Имеется и такая категория писем, авторы которых требуют занять более жесткую позицию в отношении Израиля, допуская даже наше вооруженное вмешательство на стороне арабов... В таких письмах содержатся предложения о посылке добровольцев, проведении сбора средств среди населения в помощь арабам...

Кальцман Л.И. (Москва)^[1]:

Мое возмущение на агрессивные действия государства Израиля против арабских стран настолько велико, что, находясь в больнице, я не могу спокойно лежать в постели. Я присоединяю свой гневный протест ко всем прогрессивным людям, ко всем тем, кто выражает свою уверенность в победе арабских народов, отстаивающих свою свободу и независимость. Я уверен, что к моему протесту присоединятся не только московские евреи и евреи Советского Союза, но прогрессивные евреи всех уголков мира...

Лихтер Е.В. (Москва):

Отражая тревогу миллионов честных людей на новый очаг войны на Ближнем Востоке, я убеждена, что выражаю также чувства всех граждан-евреев Советского

Союза на агрессию Израиля против арабских народов. И мы обращаемся к простому народу Израиля с решительным призывом <...> прекратить военные действия и отвести израильские войска на прежде занимаемые позиции...

Лесник Э.Х. (врач, находится на стационарном лечении в больнице им. Боткина, проживает в Тульской области, г. Венев):

Израиль напал войной на арабские страны. Я <...> озабочен судьбой моего народа, к которому принадлежу и которого очень люблю. Возможно, мои суждения кое-кому придется не по вкусу, но ведь, порой, и горькая пилюля дает исцеляющий результат. Развязанная война горячими головами правящих кругов Израиля равносильна самоубийству. Ради кого, ради чего такая жертва?.. В пользу ли это народу Израиля? <...> Все честные люди в мире и, в первую очередь, евреи, где бы они не жили, должны поднять свой голос протеста и потребовать немедленного прекращения агрессии правителей Израиля.

Я надеюсь, что народ, давший миру великих мыслителей, деятелей науки и культуры, народ, провозгласивший идеи мира, любви и гуманизма, сумеет разобраться в сложившейся обстановке, сделать правильные выводы и сорвать замыслы тех, кто его толкает на край пропасти.

Берков Н.Т. (Киев):

Судя по сообщениям нашей печати, среди иностранных дипломатических работников, аккредитованных в нашей стране, наибольшей активностью в шпионской и подрывной деятельности против СССР всегда отличались работники посольства Израиля... Нельзя ли на страницах газеты объяснить, почему мы продолжаем поддерживать с Израилем дипломатические отношения <...>? [E](#)

Городецкий А.И. (Москва):

Меня крайне возмущает поведение израильских экстремистов, начавших военные действия против миролюбивого арабского народа. Безумцы, потерявшие человеческий разум! На что они надеются? <...> Они ставят под угрозу свою маленькую страну свой народ... Одновременно израильское правительство позорит, оскверняет могилы миллионов евреев, погибших в концлагерях, в Освенциме, в Бабьем-Яру, Варшавском гетто, в душегубках... Руководители государства Израиля, одумайтесь, пока не поздно! <...> Зачем вы позорите еврейский народ, тянете в пучину ненависти и истребления.



Наземные службы проверяют механизмы боевого вертолета перед боем.

Давыдов Д.Н. (Одесская обл., с. Петродолинское):

Сам я горский еврей, но проклинаю действия Израиля, – они пошли на удочку империалистов и затеяли войну против ОАР, Сирии и других стран. Я как инвалид Отечественной войны, протестую и кляню позором Израильское государство. Нужно будет нашему родному народу, партии, – я готов идти на защиту ОАР за справедливое дело.

Каплан П.С. (Севастополь):

<...>Мне и моим братьям особенно неприятно, что израильское правительство ведет себя развязно и у нас в СССР, пытаясь среди верующего населения евреев вести <...> пропаганду <...> Я, как офицер запаса, хотя уже преклонного возраста (58 лет), если нужно будет, готов выполнить свой интернациональный долг – сражаться против ненавистного врага.

Херсонский И. (Ташкент):

Еще свежи в памяти народов чудовищные зверства немецко-фашистских извергов, уничтоживших пять миллионов евреев. Казалось бы, кто-кто, но уж мы, евреи, должны особенно хорошо понимать и цену человеческой жизни <...> подавляющее число еврейского народа, миролюбивого чуждого кровавым насилиям многострадального народа, хорошо понимает цену человеческой жизни <...> кучка авантюристов растоптала сложившиеся веками миролюбивые традиции еврейского народа... Но вы, израильские руководители, вы враги и убийцы не только арабских народов, вы враги и убийцы людей своего же народа <...> вы огромный вред наносите всем евреям на земле, льете воду на мельницу антисемитов, которые рады обвинить поголовно всех евреев за позорные действия кучки отщепенцев, вроде вас <...> Мы, евреи, шлем вам, презренные израильские руководители, свое проклятие <...>

Как и всякий честный еврей, я горячо люблю наш миролюбивый, талантливый народ. Но вас, кучку оголтелых кровавых агрессоров, нельзя отождествлять с еврейским народом...

Линштейн Л.М. (Москва):

Дорогая редакция <...> Пусть они, жители Израиля, вспомнят то время, когда немецкие фашисты <...> напали на нашу Родину. Фашисты тоже имели временный успех... Потом они кричали «Гитлер – капут!» и поднимали руки. К вам я обращаюсь, к труженикам, если вы, дорогие рабочие и крестьяне, не примете у себя нужные меры, не прекратите войну против арабских государств, помните, с вами получится то, что <...> при римском господстве, когда из людей сделали виселицы от Иерусалима до Рима. Вспомните историю. Теперь не станут делать из вас виселицы, а просто могут стереть с лица земли... Поэтому прошу вас от имени всех честных евреев, проживающих в Советском Союзе, заставьте своих капиталистов прекратить безобразия на вашей и арабской земле...

Абрамов П.Л. (Баку):

Советская власть дала евреям возможность равноправно идти рядом с другими народами и национальностями. Всему миру известно, что евреи во второй мировой войне потеряли пять-шесть миллионов людей, не просто потеряли, а были замучены и умерщвлены в душегубках <...> по инициативе ряда государств, а также Советского Союза, было создано еврейское государство «Израиль», и первый его признал СССР. Прошло каких-нибудь 20 лет, как еврейские богачи и сионисты начали провоцировать войну на Ближнем Востоке... А если вы беспокоитесь за всех евреев мира, то ошибаетесь: ваш так называемый по-библейски «рай» еврейскому рабочему классу не нужен... Я – гражданин СССР – заявляю Леви Эшколу¹³ и Залман Шазифу от имени всех (татов) горских евреев, населяющих Азербайджанскую ССР, и от имени всех сефардов Кавказа <...> бросьте провокацию войны, на Ближнем Востоке евреи хотят жить в мире с арабами <...> Библия гласит, якобы, евреи должны обязательно, по велению Б-га, собираться в одну кучу. И сионисты, как представители библии и Б-га, хотят выполнять их волю. Учтите раз и навсегда, что ваш сионистский «рай» нам, евреям Советского Союза, не нужен...

Вейсман Т.П. (Ленинград):

<...>Сгореть можно от стыда за вас, сионистские души!.. Однако, достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, как мало надо <...> чтобы стереть с лица земли и страну и народ Израиля... <...> Сионисты Израиля явились для империалистов США драгоценнейшей находкой <...> Не беда, что в самом Израиле мало пушечного мяса. Его достаточно на планете. <...> Для этого нужно в широком масштабе провести агитацию и <...> потянутся люди, чтобы «защитить» Израиль. <...> А если агитация не поможет, то можно и погромы организовывать. Это лучше всякой агитации заставит еврейских парней отправиться «защитять» Израиль. А если неприятель разгромит Израиль. Что тогда?.. Трудовой народ Израиля! <...> Трудящиеся евреи планеты! <...> Только в общей борьбе с пролетариями ваших стран <...> вы обретете мир и спокойствие многострадальному еврейскому народу!..



7 июня 1967 года в 10 часов утра первые десантники молятся у Стены Плача во главе с генералом Гореном.

Ñæðàíí

ÖÊ ÊÏ ÑÑ

Î ï èòèíãõ ï ðíòáíðà ï ðíòèá Ëçðæèüñéé áðáññèè í à Áèèæí àí Áíñòíèá

Движение протеста против израильской агрессии на Ближнем Востоке за последние дни приобрело широкий размах <...> В Алтайском крае общее число участников митингов превысило 520 тыс., во Владимирской области – 200 тыс., Кемеровской – 420 тыс. <...> Митинги выливаются в мощные демонстрации, охватывающие большие массы людей. В Калининне десятки тысяч горожан колоннами прошли по центральным улицам города с лозунгами: «Позор израильским агрессорам!», «Требуем отвода войск Израиля на линию перемирия!», «Политику Советского правительства поддерживаем!» Затем на центральной площади состоялся общегородской митинг. Двадцатипяти тысячный митинг состоялся в г. Иванове. На каждом митинге и собрании трудящиеся демонстрируют свое тесное единство и сплоченность вокруг Центрального Комитета КПСС и Советского правительства, выражают полное одобрение и поддержку принимаемых мер по пресечению израильской агрессии <...> готовность всячески помочь арабским народам в их справедливой борьбе. Рабочие, инженерно-технические работники Тюменского завода строительных машин в

резолуции, принятой на митинге, записали: «Берем на себя обязательство выполнить заказ Сирии по изготовлению продукции до 1 августа, а заказ Иордании – до 1 июля, что намного раньше срока» <...> В Приморском крае, Кемеровской, Харьковской, Ивановской, Владимирской областях и ряде других мест многие изъявляют желание, если потребуется, пойти добровольцами с оружием в руках защищать свободу арабских народов. <...> В этом они видят свой патриотический долг <...> Обстановка на местах деловая, спокойная. Каких-либо случаев паники, очередей за товарами первой необходимости не наблюдается. Партийные комитеты продолжают информировать о настроениях еврейской части населения. Как они сообщают, большинство лиц еврейской национальности придерживается правильных взглядов на происходящие события и вместе со всеми поддерживают политику и действия Советского правительства <...> Вместе с тем из партийных комитетов Белоруссии и Эстонии, Узбекистана, Казахстана поступили сообщения, что среди некоторой части еврейского населения проявляются сионистские настроения. Отдельные лица в личных беседах и даже публично одобрительно отзываются о действиях израильских агрессоров, выражают готовность сделать пожертвования в их пользу, огорчаются потерями израильских войск. В Нарвский горком КП Эстонии, например, 10 июня с. г. пришел рабочий Прибалтийской ГРЭС, еврей немецкого происхождения Иоффе с целью заявить, что считает действия Израиля справедливыми, т. к. Израиль строит социализм, и мы, мол, зря его не поддерживаем. Каких-либо нежелательных проявлений по отношению к лицам еврейской национальности со стороны населения на местах не наблюдается <...> Партийные комитеты <...> развертывают пропагандистскую работу <...> для показа сущности реакционной политики международного империализма на Ближнем Востоке <...>

Зам. зав. Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС Н. Вороновский

(РГАНИ. Ф. 5. Оп. 3. Лл. 1–13.)

^[1] Все письма приведены с соблюдением орфографии и пунктуации их авторов. – Ред.

^[2] СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем 10 июня 1967 года.

^[3] Леви Эшкол – в 1963–1969 годах премьер-министр Израиля.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ГЕРОЯ: ГЕНРИХ ШТЕЙНБЕРГ О ПОДВИГЕ И ПОСТУПКЕ

Аḥḥāḥō ḥāḥāḥō Nāḥō ēḥī ḥā Ḥōī ēī ḥā

Впервые я увидела его на вечере памяти Бродского в одном из московских клубов – и поразилась сходству с Бродским. «Прекрасная эпоха» оборачивалась ко мне лицом, заостренным решимостью и печалью. Смотрела, иронически прищурясь. И приближалась, сохраняя присущую ей сдержанность в жестах... Прошло несколько лет, уверивших меня в точности этого первого впечатления. Настолько, что сегодня почти недоумеваю: как же возможно предоставить слово – образу?



В долине гейзеров. 1979 год.

– Генрих Штейнберг. Говорящее имя, готовый прецедент для писателя. Родители назвали вас в честь Гейне – и запрограммировали особые отношения с поэзией. А как обнаружило себя призвание к «каменным горам»: геологии, вулканам?

– В моем детстве была замечательная книжка, еще дореволюционная: «Столетие открытий. XVI–XVII век». Ее герои – Васко да Гама, Магеллан, Писарро, Беринг – уходили из городов, ища неподсказанных ответов. И позже, в атмосфере конца 40-х – начала 50-х (а частью этой атмосферы была «еврейская проблема», заведомая невозможность поступить во многие вузы), я понял: нужно выбирать работу, дающую возможность ухода. От городов, начальства – всей этой предельно регламентированной жизни... Но корень был в огромном, не проходящем с годами любопытстве.

– Можно ли сказать, что научный эксперимент связан с экспериментом над самим собой? И прав ли Битов, писавший в повести «Путешествие к другу

детства», что ваша жизнь – непрерывный эксперимент, «подвиг», ставящий вопрос о человеческих возможностях?

– Вулканология не совсем обычная наука в том отношении, что требует от исследователя хорошей спортивной формы. Она не создается в лаборатории. Наблюдая извержение, «входишь» в эксперимент, который ставит сама природа... Подобный эксперимент творится и над человеком. Просто мы не измеряем, как трансформируется наше состояние. Когда я на протяжении нескольких лет ежегодно бежал 100 и 3000 метров на время, сверяя результаты, то заметил, что в интервале от 20 до 45 лет явно меняется только один параметр: скорость.

– Чем в те годы жила ваша семья? Расскажите о своих родителях.

– Отец, Семен Исаакович, был довольно известным архитектором, руководил мастерской и входил в правление ленинградского Союза архитекторов. В 1937 году, почувствовав неладное, уехал на несколько месяцев на один из своих объектов в Сталино (нынешний Донецк). И чудом избежал ареста. С началом войны ушел на фронт добровольцем, а после ранения строил временные площадки для самолетов в блокадном Ленинграде. В 1946-м, когда создавался «Аэрофлот», отца вызвал Шикторов, начальник Ленинградского НКВД, знавший его с войны. Предложил сменить неудобную фамилию и, соответственно, документы. Отец отказался. Второй раз дамоклов меч навис над ним в конце 1952 года: тогда впервые произошло столкновение самолетов в зоне ленинградского аэропорта, а его строительством с 1946 года руководил отец. Виноваты были диспетчеры, но ответственность взял на себя начальник аэропорта Гриценко, заслуженный летчик. А несколько месяцев спустя появился фельетон об отце – один из тех, последствия которых известны. В те дни он перетряхивал любимую свою библиотеку и сжигал том за томом (одно время удавалось привозить из Риги, где тоже строился аэропорт, немало редких книг). Я помогал ему. Ясно помню двенадцатитомную «Историю еврейского народа» профессора Дубнова рижского издания начала 30-х годов – она плохо горела... Это была первая декада января 1953 года. Во второй в газетах замелькали статьи о врачах-убийцах. Но когда умер Сталин, всем сразу стало не до того...

– А ваша мама?

– Она была чертежницей, но после войны каждое лето работала в пионерлагере «Архитектор». Один из таких сезонов описан Битовым. А вот когда мы подросли, мама стала шить шляпки – и была известным в Ленинграде мастером. Так что в нашем доме легко можно было встретить звезд-балерин из Мариинки.

– Еще одна яркая фигура брат Александр. Он ведь тоже известный ученый – и тоже академик?

– В отличие от меня брат всегда был тихим, примерным мальчиком, с медалью закончил ту самую школу, из которой меня выгнали (меня, впрочем, изо всех школ выгоняли). Он замечательный специалист по физике горения и взрыва, а в 60-х с моей подачи занялся гейзерами. Вот уже лет десять, как он работает в США.

– Как началось общение с будущими поэтами? Я знаю, что с некоторыми из них вы познакомились еще в детстве.

– Первые дружбы завязались летом 1945 года в пионерлагере Союза архитекторов. Там были Рейн, Битов, Игорь Долиняк, Артур Чилингаров. С соседней дачи

приходил Сережа Юрский... Мальчишеское уважение основывается на нехитрых личностных параметрах: крепость, выносливость, воля. И мой рейтинг был высоким: я хорошо играл в футбол. В юности был вратарем сборной Ленинграда, а затем меня взяли в дублирующий состав «Зенита». Ушел из большого футбола в двадцать один год, когда пришлось сделать выбор между спортом и учебой в институте... В воспоминаниях Жени Рейна есть любопытное признание: оказывается, первое представление о поэзии он почерпнул из библиотеки моего отца, обнаружив там Заболоцкого и Багрицкого. С Багрицкого начал и я, на одном дыхании прочтя «Думу про Опанаса».

– Как появился образ «улицы Пушкинской», который часто фигурирует в рассказах ваших друзей?

– Наша квартира в доме № 9 по улице Пушкинской была по тем временам уникальной. Три большие комнаты чуть ли не на Невском... Под окнами в скверике Пушкин работы Опекушина. Вот все у нас и собирались. Посиделки в общественных местах были нежелательны. Казалось бы, «оттепель», 1956 год, XX съезд. Но 1956 год – это венгерские события («Там красная кровь – на черный асфальт, / там русское “Стой!” – как немецкое “Хальт!”»), строки Лиды Гладкой)... Откат пошел сразу же: помню, как из Технологического был исключен Рейн – за нешаблонную статью в институтской газете. Кажется, об импрессионистах – и уже этого оказалось достаточно.

– Кто в то время учился вместе с вами в Горном?

– Володя Британишский, Саша Городницкий, Леня Агеев, Олег Тарутин. Говорю о писателях, которые были приняты в СП в начале 60-х. Еще Эдик Кутырев, Глеб Горбовский, Саша Кушнер, Лена Кумпан – это все литобъединение при Горном институте, которое вел замечательный поэт и человек Глеб Семенов. Собственно говоря, в Ленинграде было три серьезных объединения. Еще университетское, в массе своей там были люди более ортодоксальные. Оттуда вышел Илья Фоняков. Но там же были и юный Лева Лившиц (Лосев), Леня Виноградов («Мы фанатики, мы фонетики, / не боимся мы кибернетики...») – слово-то еще было запрещено), Володя Уфлянд, Миша Еремин. И было крепкое литобъединение у Давида Дара в ДК «Трудовые резервы» – из его учеников заметных было двое: Глеб Горбовский и Витя Соснора. И конечно, трое из Технологического, вне объединений, они и держались втроем: Рейн, Найман и Бобышев. На Пушкинской бывали практически все «горняки», чаще всех Горбовский, который одно время жил по соседству, в доме № 2. И конечно, Рейн с друзьями.

– «Где слушали, хватив портвейна, / Рычанье алчущего Рейна / Свободной кисти мастера, / И Глеба пьяного куплеты / Самозабвенные поэты / Кричали хором до утра...» Это из стихотворения Городницкого, посвященного братьям Штейнбергам. А Бродский?

– Иосиф появился гораздо позже – сказались пять лет разницы. Он возник году в 1958–1959-м, в свои восемнадцать-девятнадцать, и с ним я познакомился как с приятелем Рейна. Так к нему и относился, ведь те, кого я перечислил, – Кушнер, Городницкий, Британишский, Горбовский, Агеев, Тарутин – уже многое успели сделать. А у Иосифа в конце 50-х если дюжина стихотворений набиралась, то хорошо. Он еще только начинал. «Еврейское кладбище», «Пилигримы»... Для меня он как поэт открылся году в 1961-м. А тогда было его скандальное выступление в ДК имени Горького. На Дне поэзии он вышел на сцену и ничтоже сумняшеся прочитал «Еврейское кладбище». И Глеб Семенов, который вел вечер и видел людей из горкома, искавших повод, чтобы всю эту

лавочку поэтическую вообще прикрыть, – так вот, Семенов после первого же стихотворения деликатно его от сцены отстранил. А скандал, конечно, разгорелся.

– «**Единственный пожизненный друг**» – так называет вас Рейн. Легко ли быть другом поэтов? Знать гения в буднях? Мне памятен ваш рассказ про общение со Зверевым...

– Близко я с Толей общался, условно говоря, одну неделю – он у меня жил. Мой друг Миша Кулаков, замечательный художник, обосновавшийся теперь в Италии, однажды позвонил в восемь утра и попросил: «Генрих, заведи к себе Зверева! Он ехал ко мне, но я в поезде познакомился с чудной девушкой...» Почему вспоминаю эти подробности – девушка, которая с кулаковского горизонта сразу исчезла, была художница Таня Сергеева, моя будущая жена. Привел я Зверева домой – и начал он у меня жить... Мы ходили по компаниям или просто общались, но, как бы то ни было, я Толю аккуратно привозил домой, укладывал. Он был любитель выпить. А утром, придя в себя, выходил к моей маме (я обычно уже убежал по делам – ведь это была лишь командировка, один из приездов с Камчатки), раскладывал последние рисунки, небольшие, графика на альбомных листах: «Анна Аркадьевна! За три рубля любой возьмите!» Она, конечно, деньги давала и ни одной картинке не брала... В тот приезд Кулаков, Зверев и Игорь Димент нарисовали три моих портрета... Иногда Толя бывал невыносим со своим режимом работа-водка, и мы с Кулаковым его нежно отсылали. Он был сдержанным человеком. Но всегда и везде оставался собой. Бывал резким. Не снисходил до того, чтобы приспособливаться. Уже в Москве – наверное, зимой 1971/1972 года – поехали мы в гости к американцам. Зверев, Кулаков и я. Отношения с Америкой в то время были скверные. Помню, как смотрела на нас охрана. Как один из сотрудников посольства дал мне доклад комиссии Уоррена по убийству Кеннеди... Толя и там вел себя как везде. Никакой поправки на аудиторию он не делал.



С А. Городницким и Е. Рейном. 2005 год.

– Вот снова возник мотив пренебрежения контекстом. Первый раз в связи с молодым Бродским... Может быть, гений – тот, кто не делает поправки на ситуацию? Или, перефразируя одного из персонажей Андрея Тарковского, «каждый человек совсем не то, чем он является, в то время как гений – то, что он есть»?

– Да, совершенно верно.

– Как вы думаете, за что вас любили друзья-поэты? Интересовались ли они вашей научной работой?

– Думаю, как для меня (через их творчество), так и для них это была встреча со свободой. Я был далек от ситуации, в которой они вынуждены были находиться, и возникал пришельцем из какого-то вольного мира – Камчатка в этом отношении давала очень большую свободу. Там было не до политики партии и правительства. Там была жизнь... Город Петропавловск, полдюжины райцентров, связь скверная... А про работу они что-то знали, хотя бы из газет. Но в тонкости особенно не входили. За исключением, пожалуй, Иосифа. Он вообще был очень любознательным. И к тому же с ним мы всегда общались один на один, тут-то и начинался настоящий разговор. С ним – и еще с Андреем Битовым – советовался, когда мне «порекомендовали» вступить в партию (а требование это возникло после включения в группу космонавтов-исследователей). Иосиф сказал: «Эту проблему почти 400 лет назад решил твой тезка Генрих IV. И если Париж стоит мессы, то Луна, космос тоже чего-то стоят... И ты будешь первым евреем, которого поцелует Подгорный».

– Кого вам удалось взять в свои экспедиции?

– Глеб Горбовский два или три сезона у меня проработал в идеальных для поэта условиях. Много писал. И стихи про вулканы у него есть. Миша Мейлах приезжал – мы хотели под его именем провезти Иосифа, но не получилось. Была еще громкая поездка Горбовского с Битовым. Та самая, после которой Андрей «Путешествие к другу детства» написал... В 1963 году они прилетели в творческую командировку. Я квартиру получил в Петропавловске, в хрущевке, – что и стали мы в один из дней отмечать. А ближе к вечеру у них телевизионный эфир на местном канале (тогда записи не было – прямой эфир, следовательно). И Глеб был навеселе, но Андрей его в положенное время повез. Вечером поднимаюсь к соседям, включаем телевизор: Глеб сидит, голову рукой поддерживает, а она то и дело соскальзывает. Дальше – больше. Битов прочитал рассказик небольшой, подходит очередь Горбовского... Он слегка сплевывает через губу (потом говорил – табачную крошку), обещает стихи читать любимые. И начинает с мрачной выразительностью: «Прощай, немытая Россия...» Дочитать не удалось, эфир отключили. Выслали их в двадцать четыре часа обоих (Камчатка ведь была погранзоной). Но в Москве шум поднимать не стали. Все-таки Лермонтов поэт разрешенный... По понятным причинам Битов в повести, которая писалась в 1964–1965 годах, этот инцидент не упоминает.



Извержение вулкана Толбачик. 1975–1976 годы.

– А как же Кушнер, его вдохновенное «Камчатка, новый наш Кавказ...», вам посвященное? Он разве на Камчатке не бывал?

– Нет, Саши там не было. Он впечатлился какими-то моими рассказами и написал. Рейн, конечно, приезжал – не прямо у меня работал, но с моей подачи в другой партии. В 1957 году, когда его из института исключили и нужно было армии избежать. Причем, будучи рядовым членом экспедиции, он на место назначения не летел, а плыл из Владивостока. Отсюда в позднейшем стихотворении, мне посвященном, «пиво, которое пили в Японском море». Вместе мы там не плавали, он плыл один, но увидел за нас обоих...

– **Металл рений, с которым вы работаете, назван в честь великой реки Рейн. Что это как не очередной символ взаимодействия науки и творчества?**

– Да, он действительно назван в честь Рейна, потому что был открыт в 1926 году немцами, супругами Ноддак. Это один из самых «молодых» элементов периодической таблицы, если считать до урана (о трансурановых элементах, открытых в лабораторных условиях, мы сейчас не говорим). Месторождение, открытое нами на острове Итуруп, зарегистрировано в 2002 году, а нашли мы рений десятью годами раньше.

– **Каковы перспективы его добычи? Что мешает разработке месторождения?**

– Рений – очень редкий металл. Он используется для авиационных и ракетных двигателей, а также для производства высокооктанового топлива. С 2009 года в Европе будет введен новый экологический стандарт для автомобильных газов, и рений потребуются для фильтров. А вот новейшие данные: в апреле прошлого года американские ученые опубликовали в авторитетном журнале «Science» сообщение о создании сверхтвердого материала. С применением нанотехнологий, на основе все того же рения... Цена на рений растет фантастически. Когда я привез образцы минералов рения на

конгресс в Германию, нам сначала не поверили – считалось, что рений вообще не может образовывать соединений (кларк у него 10–8; скажем проще: золота в мире добывается в год до двух тысяч тонн, платины – примерно полторы тысячи, рения – всего сорок тонн). И соединение-то азбучно простое: ReS₂. Такие простые минералы даже не в XIX, а в XVIII веке по большей части были открыты! А тут вулкан, как гигантский горно-обогатительный комбинат, выдает такое чудо. На обложке номера «Nature» со статьей об итурупской находке так и написано: «Mysterious mineralization». И дымящийся вулкан... Обычно рений получают как побочный элемент, по десяткам грамма на тонну. Здесь же содержание от грамма до восьми, но не в руде, а в газе, который идет своим ходом – остается подставить трубу... Наши предприниматели после истории с «ЮКОСом» рассуждают так: «Чем выгоднее и прибыльнее предприятие – тем больше шансов, что государство приберет его к рукам». И их можно понять. А что в итоге? Есть уникальное месторождение, есть запатентованные технологии, цены на мировом рынке за два года выросли в пять раз. И спрос высочайший, и прибыли очевидные – зарубежные инвесторы рвутся. А отечественные «думают»...

– Еще один ваш проект – остров искусственных гейзеров в пойме Москвы-реки. Это осуществимо?

– Сейчас проект проходит утверждение. Идея такова: создать на острове в Нагатинской пойме парк с искусственными гейзерами и термальными источниками. Место отдыха и познавательный аттракцион. Моими соавторами выступают брат Александр Штейнберг, академик РАН Александр Мержанов и замечательный архитектор Александр Великанов.

– Читателям будет интересно узнать о вашем давнем замысле: экспедиции на гору Синай.

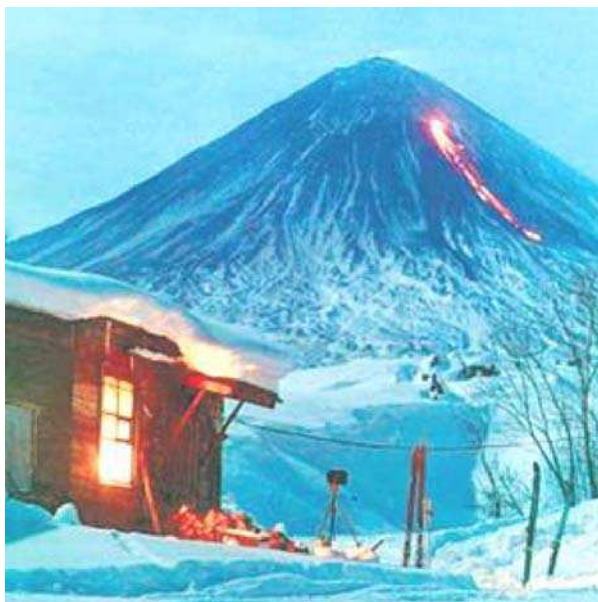
– Эта идея родилась из простого знания Торы. И в Исходе (Шмот), и во Второзаконии (Дварим) обращение Б-га к Своему народу с вершины горы Синай сопровождается явлениями, характерными для извержения: «Гора же Синай вся дымилась оттого, что Г-сподь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась; и звук трубный становился все сильнее и сильнее».

– Что издает трубный звук?

– Газы, истекающие с высокой скоростью.

– Это единственное извержение, описанное в Торе?

– Не могу утверждать, но, скорее всего, вулканы имеют отношение к гибели Содома и Гоморры. Мы знаем другие извержения этого периода: вулкан Стромболи в Италии непрерывно извергается с XV века до новой эры. В XVI веке до новой эры произошло мощное извержение вулкана Санторин, с которым связывают гибель минойской цивилизации. Поэтому важно узнать, совпадают ли свидетельства Торы с научными описаниями (сейчас можно очень точно датировать извержения радиоуглеродным методом). Сколько лет вулкану на Синае? Какова сейсмическая активность окрестных территорий? И еще: возможно, извергался не Синай, а ближайший к нему вулкан этой группы. Все это необходимо выяснить – и, похоже, такая экспедиция, которая и стоит-то недорого (все уложилось бы в 150 тысяч долларов), обречена на успех. Надеюсь, для ее осуществления нам удастся найти спонсоров...



Извержение Ключевского вулкана. 1986 год.

– **Вы не боитесь проверять откровение? Или это еще один из «подвигов Генриха»?**

– Лишь один из научных проектов. Тот самый случай большого любопытства... Вообще говоря, подвиг чаще всего результат чьей-то ошибки, головотяпства или бездеятельности. В нормальной жизни не должно быть места подвигам. Это риск и даже, возможно, гибель.

– **Тогда вернемся к вашему образу в повести Битова. Он написан приязненно и вместе с тем весьма иронично. Рассуждая в категориях подвига и поступка, Битов – похоже, не вполне осознанно – по существу приходит к дилемме «героизм и подвижничество» (Сергей Булгаков), известной еще по сборнику «Вехи». Вам есть что возразить другу-писателю?**

– Возражать нечего, можно порассуждать. Подвиг – это решительный поступок в экстремальных условиях. Героизм предполагает подвиг, хотя в советское время возникло выражение «трудовой героизм» – ежедневный, день ото дня, труд на износ. Этой формулой, видимо, предполагалось заменить то, что Булгаков называл подвижничеством... Интеллигенция моего поколения была атеистически безграмотна – и на фоне постоянного страха, который ее сопровождал, героизмом становилась элементарная независимость. И здесь я тоже благодарен вулканам. Спускаться в кратер страшно. Но лишь до принятия решения (а принимается оно исходя из соотношения возможного результата и очевидного риска). Когда же решение есть и ты ему следуешь, для страха не остается места.

– **Это близко словам Бродского о разрыве с навязанной государством системой ценностей. Мысль примерно следующая: когда только начинаешь уходить с орбиты, страшно; но когда отрыв осуществлен, страх уходит. Может быть, гений и герой не так уж непроницаемы друг для друга?**

– Об этом говорит и сам Битов. В финале повести есть пассаж на тему «не слишком ли параллельно провел я эти две линии? На самом деле не такие уж сильные люди герои и не так обыденны те, кто их окружает».

– Однажды вы поддержали меня словами: «У каждого в жизни бывает свой тридцать седьмой год». Можете рассказать о вашем?

– Мой тридцать седьмой год пришелся на мое тридцатисемилетие, 1972 год. Как это обыкновенно и случалось, «по сигналу» из института я попал в поле зрения УВД. Раскрутилось уголовное дело, связанное с закупкой бензина для ходовых испытаний лунохода в 1969 году. Тогда, чтобы работы не были сорваны, пришлось купить «левый» бензин. Одновременно со следствием началось партийное дело, в котором фигурировало знакомство с Бродским, Некрасовым, Ростроповичем. Я видел служебное письмо, где об этом говорилось. В итоге – исключение из партии, увольнение и четыре года работы в котельной. В том же 1972 году ушла жена. Это было черное время. Но я даже научился извлекать пользу из вынужденной свободы. Например, можно было получать зарубежную корреспонденцию на домашний адрес и публиковать работы за рубежом – то, что не позволено Штейнбергу-ученому, не запрещено электрику Штейнбергу. Мой образ тех лет отразился в стихотворении Евгения Рейна «Никодим», опубликованном в «Метрополе».

– «Теперь он счастлив. Так покоен он. / Он присмотрелся к жизни и увидел, / Что светский раут, как и стадион, / Как и наука, – суеты обитель, / Набитая удельной пустотой, / Он перестал вздыматься над толпой...» Замечательные стихи. Вы думали об отъезде?

– Еще не успел получить письмо с предложением от американских коллег, а меня уже вызвали в КГБ и предупредили, что так просто не отпустят. В этой ситуации отъезд виделся наихудшим из вариантов. Было понятно, какие последствия ожидают моих близких – в первую очередь брата, который тоже занимался наукой.

– То есть во все времена есть нечто более необходимое, чем героизм?

– Конечно, и проступает именно это нечто. Когда умер Иосиф, я прилетел на похороны, а вот на сорок дней уже не смог. Что-то отвлекло: дела, работа с МЧС. И сейчас думаю: почему же я там не был... Что такого важного могло происходить? И ничего не могу вспомнить.

Мысль об этом разговоре возникла у меня летом 2005 года, во время приезда в Москву авторитетного, теперь – увы! – зарубежного, культуролога. В небольшом зале, полном желающих осмыслить свое существование, он задал провокационный вопрос: «С кем бы вы хотели встретиться в реальности? С гением или с героем?» Результат голосования поразил меня: весь зал желал встретиться с гением. «Это радует, – заметил выступавший, очевидно имея в виду изменение некоторых параметров сознания соотечественников. – Герой – фигура социальная и воплощает собой некие обязательства перед социумом. В то время как гений – непредсказуемая формула истинной свободы». И тогда я задумалась о том, что мы – поверх разного рода допущений – знаем о гениальности? Что дает поверхностный всеобщий интерес воплощенной единичности, ежедневно касающейся небытия? Кто из нас принял бы ее во всей полноте, задержал здесь? С другой стороны, часто ли мы встречаем героев? Людей, протягивающих руку? И вспомнила Генриха.

«НАШЕ ВСЕ» – ЗЕЭВ-И-ВЛАДИМИР

На четыре вопроса отвечают: Стефано Гарзонио, Феликс Дектор, Леонид Кацис, Михаил Эдельштейн

Аנינו אנו אולי אהבנו י אי אהא

На сайте радиостанции «Эхо Москвы» вывешен список героев программы «Наше все», ведущий – Евгений Киселев. Передача призвана знакомить радиослушателя с историей страны на протяжении минувшего века. Способ выбора героя передачи показался мне простым, демократичным и в то же время оригинальным: не спеша двигайся себе по алфавиту от «А» до «Я», подсчитывая голоса в «ухабистом» Интернете и чистом эфире. Итог подсчета бывает закономерным, а бывает и нет.

Закономерна, например, в какой-то степени устойчивая позиция лидера на букву «З» Михаила Зоценко. Не менее закономерно, наверное, что строчку вторую удерживает Рихард Зорге. Правда, странно, что на третьем с большим отрывом Вера Засулич. Понятно, какие места занимают Михаил Булгаков с Владимиром Высоцким...

Но вот случилось непредвиденное, искренне удивившее ведущего передачи: «Для меня, во всяком случае, – говорит Киселев, – стало большой неожиданностью, что во время голосования в Интернете, проходившего в прямом эфире, большинство участников выбрали именно его. Это Владимир Жаботинский». Редактировать цитаты, «радийные» в том числе, – последнее дело. То, что со слов ведущего неясно, где же все-таки выбрали «наше все», – не суть, куда как важнее – Владимира выбрали или Зеэва?

Помнится, в годы учебы в Литинституте был у нас на курсе студент, наивно полагавший, что Ортега-и-Гассет – это такие испанские Ильф и Петров культурологического извода. Анекдот почти повторился, когда Леонид Кацис, участвовавший в той памятной киселевской передаче, рассказал мне, что ему предлагали два гранта вместо одного – на Владимира Жаботинского и на... Зеэва Жаботинского. Но, может, права была щедрая организация, жаждая видеть в России собрание сочинений одного из ярчайших людей XX века?

ALTALENA ПОРАЖАЛ ПРАВИЛЬНОСТЬЮ ИТАЛЬЯНСКОГО

Стефано Гарзонио, профессор Пизанского университета, президент Ассоциации итальянских славистов



– На израильском сайте Михаил Вайскопф в видеосюжете, посвященном Жаботинскому, говорил, что вы поражены итальянским языком этого писателя и считаете, будто в деле освоения Жаботинским итальянского языка не обошлось без мистики. Что конкретно поразило вас как русиста в «итальянском» Жаботинском?

– Я уже несколько лет занимаюсь изучением использования итальянского языка в русскоязычных литературных текстах и должен сказать, что статьи Жаботинского, напечатанные (под псевдонимами Altalena и Эгаль) в «Одесском листке» и «Одесских новостях» в период с 1898 по 1901 год, когда будущий теоретик сионизма жил и учился в Италии, поражают точностью передачи итальянских слов, названий и реалий. Особенно интересно включение в газетные тексты многочисленных римских и неаполитанских диалектизмов, не говоря уже о двух его сборниках рассказов – «Чужие. Очерки одного “счастливого” гетто» и «В студенческой богеме», в которых встречаются многочисленные интересные примеры его языковой компетентности. Приведу один красноречивый пример внимания Жаботинского к передаче итальянских слов. В репортаже «С дороги» он пишет о венецианских гондольерах: «Кроме того, ни один из них и не думал петь, хотя во всех – по крайней мере русских – стихотворениях, посвященных Венеции, “гондола” обязательно рифмуется с “баркаролой”. К слову сказать, рифмуют совершенно некстати, потому что по-итальянски говорится не гондола, а гондола, что даже одесситам не показалось бы рифмой к слову “баркарола”». Отмечу, что данное внимание к просодическим особенностям итальянской лексики мы находим через несколько лет у Пастернака в связи с тем же словом в стихотворении «Венеция»: «И гондолы рубили привязь, / Точа о пристань тесаки». Пастернак объяснял по поводу этого стихотворения: «В отступление от обычая восстанавливаю итальянское ударение». Ко всему сказанному следует еще добавить, что Жаботинский печатался по-итальянски в римской газете «Patria» и в органе итальянских социалистов «L'Avanti». Не исключено, что его статьи редактировались, но, безусловно, ему удалось сразу включиться в общие итальянские политические дебаты. С другой стороны, не надо забывать, что итальянский язык был распространен в Одессе и что, будучи в Италии, Жаботинский слушал курсы в Римском университете, одновременно общаясь с такими крупными деятелями итальянской культуры и политики, как Ферри, Лабиола, Джованьоли, Ломброзо... Контакты Жаботинского в Италии включают римский университетский мир, итальянское социалистическое движение, еврейскую общину в Италии и, наконец, русскую общину в Риме (прежде всего, художников). Кроме того, Жаботинский печатал статьи о русской литературе на итальянском языке (например, о Чехове и Горьком). Это свидетельствует о

его стремлении представить себя как деятеля русской литературной жизни. Поражают также многообразие контактов Жаботинского и его умение утверждать себя в разных сферах.

– Как сегодня относятся к Жаботинскому в Италии?

– Весь интерес пока что сосредоточен исключительно на его политической деятельности и, скорее всего, направлен на годы послероссийские. Относительно недавно переиздавались его политические труды под руководством Леона Карпи и переписка с Исааком Щакием. Одновременно стали появляться значительные монографии о Жаботинском как деятеле правого сионизма. Труды Винченцо Пинто дали новый импульс к изучению личности Жаботинского. В его недавней монографии можно отметить также искренний интерес к литературному творчеству Жаботинского. Теперь, насколько мне известно, при Миланском университете готовится новая монография о Жаботинском на основе тщательного анализа архивных материалов.

– Подлинная биография Жаботинского, похоже, будет составляться еще долго. Скажите, как много загадок таит в себе итальянский период Владимира Жаботинского?

– Особенная черта жизни и творчества Жаботинского – определенная доля загадочности. Некоторые элементы, скажем, таинственности характеризуют его поездку в Италию, уже не говоря о широком диапазоне сиюминутных контактов, легкости, с которой он печатался, выступал, проникал в разные политические и культурные сферы. Здесь я бы хотел упомянуть интересный случай с переводом якобы итальянской драмы «Кровь» («Il Sangue»). Имеется в виду изданная в 1901 году Жаботинским драма «Министр Гамм (Кровь)», перевод-перделка социальной драмы Ломбардо «Il Sangue». Об этой социальной драме в духе театра Горького и о ее авторе сам Жаботинский рассказывал на страницах «Одесских новостей»: «В первую зиму 1900 года в Риме как-то вечером постучались в мою дверь. Я отозвался: avanti – и вошел Р. Ломбардо, автор драмы “Кровь”, русскую перделку которой благосклонный читатель, может быть, заметил в фельетонах “Одесских новостей” под заглавием “Министр Гамм”. Вошел Ломбардо в сопровождении невысокого, несколько полного молодого человека в очках. Это оказался Артуро Лабриола, который, не включенный покойным королем в амнистию за май 1898 года, возвращался тайком в Неаполь, чтобы там объявиться властям для пересмотра процесса». Пока о Ломбардо и его драме ничего не удалось найти, и вообще история создания драмы «Министр Гамм» остается загадочной. К драме «Кровь» относится еще одна литературная тайна, – если вспомнить, в повести Пастернака «Апеллесова черта» именно «Il Sangue» названа поэма, которую пишет герой повести.

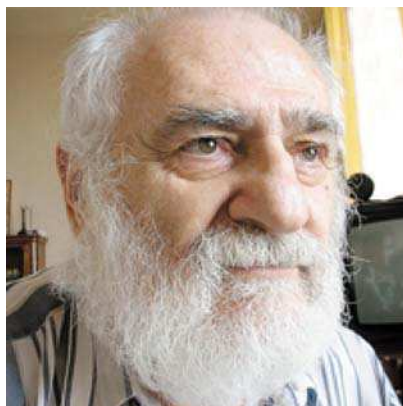
– Жаботинский интересовался Муссолини больше как политик или как писатель? Что подкупало в образе Муссолини, почему к нему тянулись некоторые писатели и художники?

– Проблемы изучения интереса Жаботинского к Муссолини до сих пор мало изучены. Несомненно, они тесно связаны с историей взаимоотношений фашизма и еврейства. С участием евреев в фашистском движении (разумеется, до антиеврейских законов 1938 года) и, наконец, с интересом сионистов-ревизионистов к Муссолини и его движению (тут важную роль играли Леон Карпи, Исаак Щакий и Хаим Варди). Правда, уже в 1932 году стало ясно, что Муссолини не был готов поддерживать ревизионистский сионизм, и, несмотря на дальнейшие контакты и на попытки самого Жаботинского (напомню, что в 1936 году в Тель-Авиве вышла биография Муссолини на иврите), когда

фило немецкий политик Галеазо Чиано стал министром иностранных дел, все надежды еврейского движения в Италии рухнули. Что касается образа Муссолини в среде деятелей литературы и культуры (напомню хотя бы об отношениях Муссолини с Д'Аннунцио), то тут, конечно, перед нами встает сложный и многогранный вопрос. Кроме того, напомню, Муссолини ведь выступал и как писатель, и его творения переводились также на русский язык. Возможно, в какой-то степени Муссолини был примером политика и литератора для Жаботинского. Наверное, это обстоятельство тоже подогрело интерес Жаботинского к Муссолини. Как и сам Жаботинский, Муссолини был сначала социалистом и только потом встал на путь национализма. Вообще можно отметить многие биографические и творческие аналогии, которые очевидно могли воздействовать на восприятие Жаботинским образа Муссолини как политического деятеля и отца нации.

«ТРУДНЫЙ», НО НЕ «ТЯЖЕЛЫЙ»

Феликс Дектор, председатель клуба «Ковчег», составитель и главный редактор Собрания сочинений Владимира (Зезва) Жаботинского



– Почему именно Жаботинского вы решили издавать, почему сейчас и почему в Минске? Кто вас поддерживает в этом масштабном проекте? Сколько человек принимают участие?

– Давным-давно, полвека тому назад, приятель подсунул мне «Фельетоны» и «Слово о полку» – с тех пор я стал «хасидом» Жаботинского. Так получилось, что в 1988 году напечатал в иерусалимском альманахе еврейской культуры «Народ и Земля» не известный тогдашнему читателю роман «Пятеро», в 1992-м – впервые представил его российской публике на страницах альманаха «Ковчег». В 2004-м издал сборник публицистики и мемуаров Жаботинского «О железной стене» – одну из первых книг серии «Сто лет сионизма», которую мы выпускаем совместно с минским издателем и книготорговцем Александром Фридманом. Тогда же обнаружил, что русские издания Жаботинского, как правило, повторяют друг друга. Поэтому решил собрать воедино все, что есть, и, добавив какое-то количество переводов с иврита и других языков, на которых писал Владимир Евгеньевич, издать его пятитомник. Мой минский коллега одобрил идею, и, заручившись поддержкой фонда Михаила Черного, мы приступили к выпуску Собрания сочинений Жаботинского, для краткости – ССЖ. В первый том вошли романы «Самсон назорей» и «Пятеро», а также сборник «Рассказы». Мне помогала израильская команда: предисловие написала Анна Исакова, над комментариями трудились Владимир Хазан и Ирина Бердан. Приступив ко второму тому, я обнаружил уйму статей, рассказов, очерков, эссе Жаботинского, погребенных в газетах столетней давности и не известных сегодня никому, кроме библиографов, да и то лишь по названиям. И я пришел к выводу, что мы должны издать все, написанное Жаботинским на русском языке. Правда, объем издания

удвоится... Но «если не сейчас, то когда?» К счастью, Дмитрий Радышевский, директор фонда Михаила Черного и большой почитатель Жаботинского, согласился с предложением добавить еще четыре тома. Повезло мне и с научным консультантом, которым стал крупнейший специалист в области русско-еврейских литературных связей Леонид Кацис. Он помог мне протоптать дорожку в РГБ, где я потом сидел и выискивал тексты для сканирования. Профессор Кацис написал вступление к ранней публицистике Жаботинского и вовлек в наше дело новых исследователей, в частности известного слависта Стефано Гарзонио: он пишет об итальянском периоде творчества Жаботинского. Сравнительно недавно к нам примкнул Александр Френкель, директор Еврейского общинного центра Петербурга и главный редактор журнала «Народ Книги в мире книг». Ему удалось добраться до таких материалов, которые мы не нашли ни в московских книгохранилищах, ни в тель-авивском Институте Жаботинского. Тонкий стилист, отличный знаток редакторского дела, он стал сегодня одним из ценнейших моих советчиков. Хочу также отметить вклад Григория Ротенберга, который безвозмездно перевел на русский иностранные слова и выражения, зачастую приводимые Жаботинским лишь на языке оригинала.

– Есть писатели легкие – я сейчас не о качестве произведений и их идейности – что называется, «свои», а есть, напротив: что бы коллектив ни делал, как бы ни старался, с рельсов сходит буквально все. Насколько «легкий» для вас, издателя Феликса Дектора, писатель Жаботинский?

– Он писатель отнюдь не легкий, я бы даже сказал «трудный» писатель, но не «тяжелый», потому что это великое счастье – работать с писателем такого дарования.

– Сколько томов займет публицистика Жаботинского?

– Публицистическим работам будет отдано большинство томов Жаботинского. Сколько именно? Пока что не могу сказать, так как концепция издания претерпела еще одно, надеюсь, последнее изменение. Первый том был уже на прилавках книжных магазинов, когда я осознал, что, хотя в общей сложности Жаботинский на других языках представлен гораздо шире, чем на русском, подавляющее большинство произведений написано по-русски. Жаботинский издан на двадцати языках. Но это в основном переводы. Его главным рабочим инструментом был именно наш «великий и могучий». Поэтому мы решили перевести на русский и включить в собрание те сравнительно немногочисленные работы, которые были написаны Жаботинским на других языках. Короче говоря, издать не ССЖ, а ПССЖ, то есть Полное собрание сочинений Жаботинского. Так что будет не девять томов, а, скажем, двенадцать-тринадцать. Этим объясняется и задержка второго тома. Мы уже не могли махнуть рукой на материалы, о которых знали, но не могли их получить. Теперь же собрано все, что известно библиографам, и даже более того. Так, из двухсот материалов второго тома более тридцати не указаны даже в самой полной библиографии произведений Жаботинского, вышедшей в 2007 году. Сообщаем нашим читателям, что том уже в типографии и выйдет в свет под номером 2–I. В нем впервые собраны все известные нам произведения Жаботинского, опубликованные в 1897–1901 годах, за исключением пьес и стихов, которые составят отдельный том, а также нескольких рассказов, впоследствии переработанных Жаботинским и вошедших в парижский сборник (они напечатаны у нас в первом томе). Следующий том (2–II) полностью занят 1902 годом.

– Какое участие в вашем проекте принимает Институт Жаботинского?

– Мы изначально рассматривали Институт Жаботинского в Израиле как партнера. Поначалу Институт отнесся к нашей затее прохладно, хотя и не возражал против того, что мы ставим его имя на титуле. Положение изменилось после того, как мы положили на стол первый том, и после того, как мы пришли к идее ПССЖ. Нам предоставили копии имеющихся в Институте газетных материалов, а мы передаем Институту те материалы, которых нет у него. Институт выделил средства на составление примечаний, и это большое дело: наши финансовые возможности невелики. Институт Жаботинского вынашивает идею выпустить ПССЖ на иврите. Это национальный проект, стоимость которого выражается в семизначных цифрах. Видимо, поэтому он до сих пор не осуществлен. И последнее: до конца этого года выйдут еще два тома, а все издание предполагается завершить к стотридцатилетию со дня рождения и семидесятилетию со дня смерти ВЖ, – как мы говорим, к «200-летию», которое наступит в 2010 году.

ПЛЮС ОДЕССА ЖАБОТИНСКОГО

Леонид Кацис, филолог, литературовед



– Кажется, влюбленность в Италию Жаботинского была несколько иной, нежели влюбленность в Италию, скажем, Гоголя, Баратынского, Блока или Бродского... Италия для него стала интеллектуальным взрывом, страной познания, узнавания и совершенствования своего «я». Почему Италия?

– У газеты «Одесские новости» не было в Италии своего корреспондента, вот и направили Жаботинского. Казалось бы, этим можно ограничиться. Молодой человек приезжает в роскошную страну, начиненную великой культурой, начинает новую жизнь, влюбляется в самый воздух Италии – все это одна сторона. Другая связана с тем, что не существует пока внятного представления об одесском культурном мировоззрении тех лет и о его влиянии на молодого Жаботинского. Мы больше склонны верить рассказам Исаака Бабеля и/или Валентина Катаева, в то время как на самом деле категории культурной составляющей Одессы были иными. Как пример приведу на память слова Леонида Пастернака, писавшего в мемуарах, что Одесса для него – сочетание Италии, Рембрандта и еврейства. Эти слова сами по себе говорят о том, что те культурные категории, в которых, по всей вероятности, работал Жаботинский, никогда внимательно нами не изучались и не прописывались. Несмотря на то что Одесса стоит на Черном море, культура ее вполне средиземноморская. Возможно, это незаметно потому, что мы все время находимся в российском культурном контексте, уделяя внимание трем главным русским городам, а не трем морям – Черному, Мраморному и Средиземному... Особенность Одессы – это особенность приморской европейской культуры, которая для евреев принципиальна: это культура евреев портовых городов Европы. По сути своей эта открытая еврейская культура противоположна культуре евреев из внутренних губерний.

Вероятно, первый вариант изначально и включался в культурный контекст Жаботинского. Не мог не включаться. Отсюда и ранние итальянские тексты, и переводы на иврит вплоть до неизбежного в итало-еврейском контексте Данте. Поэтому для меня ответ на твой вопрос будет звучать приблизительно так: это одна из проблем, которая должна быть решена в процессе работы над Собранием сочинений Жаботинского. Быть может, на него лучше бы ответили наши итальянские коллеги, чем мы. Тем более что когда мне с ними приходилось беседовать о Жаботинском, удивление и интерес оказывались одного градуса.

– Идеи Жаботинского-политика, казавшиеся в начале XX века неприемлемыми в силу своей жесткости, радикальности сегодня реализуются как политическая необходимость, как реальная политика. А было время, чуть ли не в фашизме обвиняли...

– Что касается времени пребывания Жаботинского в Италии – полтора-два года в начале творческой жизни, оно позднее вылилось в попытку сформулировать, что же такое – роль евреев в Европе, и, как следствие, в попытку организации встречи с Муссолини... У Жаботинского были замечательные письма, написанные на итальянском языке итальянским друзьям и посланные для передачи Муссолини, с которым Жаботинский мечтал встретиться. Говоря сейчас о Муссолини, я имею в виду раннего Муссолини. (И не надо путать гитлеровский нацизм с итальянским фашизмом.) Так вот Жаботинский писал, что именно евреи портовых городов Европы, люди Средиземноморья, говорившие на лингво-франко, которым и был итальянский язык, могут создать противовес арабскому влиянию в Средиземноморье. И если на минуту отвлечься от Жаботинского, то сегодняшняя программа создания средиземноморского союза, о которой говорят в Евросоюзе и которая естественно включит в себя арабский берег Средиземного моря, поставит перед Европой тот же вопрос, который предвидел автор письма к Муссолини еще в 1920-х годах. Жаботинский думал об этом, мечтая об облегчении условий для создания еврейского государства. Вне этого нет смысла рассматривать его идеи и взгляды. А сейчас мы неожиданно увидим реальный Израиль среди балканских и североафриканских держав. И окажется, что с виду бредовая идея, предложенная в 1920-х годах в письме к Муссолини, реализовалась сегодня как политическая необходимость и как реальная политика... Вообще, Жаботинский как политический мыслитель оказался неизвестен. Сотни его статей похоронены и на страницах российской печати, и, например, константинопольских, далеко не всегда русскоязычных газет, в которых он печатался, когда представлял там сионистскую организацию. При перепечатке в массе других изданий многие статьи оказываются вырванными из контекста и вставленными в новые иноязычные политические и культурные рамки. Только в российском контексте мы можем понять, что, в какой-то степени, он был сторонником развала европейских империй, который только и мог привести к созданию вместе с другими национальными новообразованиями и еврейского. Такие же идеи выдвигали украинские теоретики круга Михаила Драгоманова. Обычно в Украине принято говорить о том, как Жаботинский мечтал об украинской независимости. Это, как мы видим, не совсем так. Поэтому вопрос национального самоопределения, вопрос государственных суверенитетов новых наций был для него с младых ногтей принципиальным. Собственно, этому и посвящена его работа, защищенная в Демидовском лицее. Я не знаю, сохранилась она или нет, но несколько статей большого объема есть на эту тему. Если мы проследим, как Жаботинский через проблемы славянского единства (идеи, занимавшей его в связи с возможным ослаблением Османской империи в случае объединения славян), боснийского кризиса, славянского вопроса первой мировой войны, вплоть до статей о необходимости эвакуации евреев Европы в преддверии второй мировой войны размышлял о судьбах евреев и мира, то

масштаб этой геополитической мысли выйдет из забвения. Надо проследить то, как он формировал свои политические взгляды, начиная с Италии. И вдруг окажется, что в Италии начала века, которая как государство возникла совсем незадолго до этого, он увидел ту политическую систему, которая во многом была для него идеальной. Не до конца понятно сегодня, каким образом он успевал почти ежедневно давать обзоры деятельности итальянского парламента, каких-то итальянских политических событий и одновременно сочинять художественные тексты и столь же настойчиво встречаться с деятелями итальянской культуры. Опять же все хронологические сдвиги, выдумки, литературную игру оставляю специалистам из Италии и по итальянскому периоду. Но в любом случае ситуация складывалась так, что Италия для Жаботинского стала базой формирования политической философии российско-одесского сиониста. Отсюда естественное ощущение от текстов Жаботинского: не местечкового, слабого, а сильного, мужественного, милитаризованного еврея-мыслителя. Это традиционно как раз для культуры еврейских общин европейских портовых городов. Жаботинский нам сегодня представляется романистом – автором знаменитого романа «Пятеро», переводчиком стихов, а между тем это был политический мыслитель. И для него самого была важна попытка ощутить себя в истории, которая затем сформировалась как ощущение еврея в истории, созданной самими евреями, понимание того, что в современном мире никакая нация в рассеянном виде не может сохраниться ни в имперском, ни в каком ином варианте. И эти проблемы вновь встали перед Евросоюзом после Косово.

– Ты делишь Жаботинского на Зеэва и Владимира или он для тебя неделим?

– Еврейская культура всегда была и многоязычной, и многоидеологичной, – для русского читателя Жаботинский был и остается Владимиром, для ивритоязычного, ориентированного на еврейские варианты имен, – Зеэвом. Писатели тогда жили в мире сразу нескольких идеологий и обращались к разным читателям. Это не разбивало уклада, не нарушало гармонии, напротив, странно, если было иначе. Как ты себе представляешь, например, газету «Русь» или «Русские ведомости», публикующие корреспонденцию, подписанную неким автором Зеэвом Жаботинским? И наоборот, для сионистов, для которых проблема языка была принципиальной, Жаботинский был Зеэвом. Но забывать, что начинал Жаботинский литературную деятельность как Владимир, ни в коем случае не следует. Как не следует забывать, что практически весь его «худлит» написан по-русски. И думаю, дело тут не только в русифицированной среде и русской гимназии. Все гораздо глубже. Ведь он активно изучал языки, занимался с Равницким, соавтором Бялика по переводу и собиранию Агады. Еврейский мир не мог течь совершенно мимо Жаботинского, как бы мало ни занимал он его в ту пору. Но, заметь, при всем этом одесситу Жаботинскому не составляло труда подписываться под своими статьями «В. Ж.», «Ж.», «А», «С. Игаль»... Давай и мы не будем дробить его на псевдонимы, коими он пользовался так часто, насколько это было необходимо, и которые сегодня представляют собой еще одну сложную задачу для исследователей его творчества.

– Громкая слава русскоязычного писателя-еврея, как мне кажется, досталась Бабелю. Почему Жаботинский, тоже одессит, тоже сочный по языку, отменный стилист, правда, не такой канатоходец, как Бабель, оказался не столь популярен у нас?

– Пока мы не соберем все тексты Жаботинского, трудно судить о его писательском росте. По-прежнему загадкой остается и период его раннего творчества. Прежде всего, хотелось бы напомнить, что в школе, которую принято именовать «русско-

южной», памятный след оставил не один только Бабель и не только писатели-евреи. Правда, еврейский этнографический элемент в той или иной степени заметно влиял на тех и других. Связан он был отчасти с идишем, вернее, с его остатками, отчасти с колоритно выделяющимся в шумной портовой Одессе местечковым еврейством. Не забывай, что южнорусский говор сам по себе сильно отличался от того же московского или питерского. Да и не входило в задачу Жаботинского заниматься имитацией языковой среды. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что Бабель лет на десять моложе Жаботинского, – учитывая головокружительную смену происходивших событий, можно утверждать, что это писатели разного поколения. Бабель создавал искусственный язык искусственной Одессы. Жаботинский создавал иной художественный мир и по-иному гармонизированный. Массу всего идишского, сионистского или антисионистского, занимавшего писателя Бабеля, не встретишь в произведениях писателя Жаботинского. Если проза Жаботинского ближе по органике и огранке к прозе упоминаемых тобою Куприна, Осоргина и «даже Бунина», тогда понятно, почему они восхищались Жаботинским и негодовали, что сионисты похитили его у русской литературы; проза же Бабеля, эксцентричная, стремящаяся к сказовой манере письма, ближайшая соратница стилистики Бориса Пильняка, Артема Веселого, Михаила Зощенко, раннего Ильи Ильфа... Этот сказовый язык новой эпохи отделял новую литературу от старого мира. Он был еще одной авторской позицией. Проблема сказа – проблема русско-советской литературы, проблема создания большого мифа. Если писатель остался в России, он неминуемо должен был течь в этом русле. Я не готов сейчас обсуждать, какова была роль сказа в эмигрантской литературе. Однако уверен, в задачи эмигрантской литературы не входило поймать в силки язык простонародья, советского нувориша или уловить смесь комсомольского волапука с высоким штилем дореволюционной профессуры, как в «Собачьем сердце». Одним словом, для писателей-эмигрантов это не было магистральным путем. Да и взгляд изнутри отличался от взгляда извне. «Извне» Жаботинского – роман «Пятеро», который вышел почти через десять лет после пришедших «изнутри» «Конармии» и «Одесских рассказов» Бабеля. И историческая ситуация была другой, и среда. И это тоже одна из причин отличия. Вот и опять у нас всплыли эти очень важные десять лет. Возможно, и поэтому для нас образ Одессы слился с образом Бабеля, а не Жаботинского. Но, мне кажется, точка разрыва преодолена, к нам возвращается Жаботинский, и возвращается со словами: «Откуда взялся такой писатель?!» Так что, уверен, к Одессе Бабеля прибавится Одесса Жаботинского, в которую он романом «Пятеро», ставшим его – вспоминая Владимира Набокова – «подвигом», он и мечтал вернуться.

УМНЫЙ И ТАЛАНТЛИВЫЙ РАЗНОЧИНЕЦ

Михаил Эдельштейн, филолог, литературный критик



– Раньше мне казалось, литература изгнания находится в более выгодном положении, нежели метрополии. Возможно, это безжалостное суждение связано со временем открытия литературы русского зарубежья – с 1980–1990-ми годами. Ныне я готов поспорить с самим собой: интереса нам хватило аккурат до конца XX века, открыто далеко не все, а желания и сил открывать дальше – нет. Владимир Жаботинский из тех, кто остался на том берегу. Большая ли это потеря для массового российского читателя?

– Интерес к нему мог оказаться не меньшим, чем, например, к Газданову или к Алданову. Представить себе более или менее массовую популярность романа «Пятеро» не так уж сложно, для этого не надо обладать особо пылким воображением. Помимо всего прочего, Жаботинский – «писатель для читателей», он прозрачен и даже занимателен, это не экспериментальная проза, к ней не нужно подбирать особый код, а что до еврейских или исторических реалий, то с ними легко способен справиться небольшой комментарий. Если так смотреть на ситуацию, то и впрямь Жаботинскому не повезло. С другой стороны, он, конечно, не Бабель и не Набоков, он не прокладывал новых путей в литературе и вряд ли мог стать учителем поколений, это тоже надо учитывать. Впрочем, может, оно и к лучшему, что в период интенсивного знакомства советского и постсоветского читателя с эмигрантской литературой у издателей руки не дошли до Жаботинского. Поэт Валерий Перелешин с иронией вспоминал, как молодые харбинские литераторы 1930-х годов воображали литературную жизнь далекого Парижа: «Нам казалось тогда, что <...> Ладинский в отличных отношениях с Цветаевой, Адамович запросто бывает у Ходасевича, Поплавский на “ты” с Георгием Ивановым и что <...> Екатерина Бакунина кормит пельменями Эйснера и обожаемого <нами> Анатолия Штейгера». То же и упомянутый вами «массовый российский читатель» пятнадцати-двадцатилетней давности – все это богатство вывалилось на него скопом, в настолько хаотичном виде, что он до сих пор не разобрался, где в том винегрете майонез, а где уксус. Скажу более того: «рядовой» читатель и не обязан во все эти тонкости вникать, знать детали взаимоотношений Ладинского с Цветаевой и отличать, допустим, Гингера от Штейгера, даром что один еврей, а другой, напротив того, барон. Это забава для специалистов. Интерес конца 1980-х – начала 1990-х годов к литературе эмиграции был политически мотивирован, и ждатель, что Собрание сочинений Жаботинского сегодня будет выходить тем же тиражом, как некогда черный «огоньковский» четырехтомник Набокова, было бы, скажем мягко, наивно. Что успели проглотить – то и съели, на кухне может оставаться еще сколько угодно деликатесов, но гости сыты, обед окончен. Кстати, количество неизведанных деликатесов тоже вызывает некоторые сомнения, не так уж много, по-моему, зарыто

алмазов пламенных в эмигрантских пещерах каменных. Но это тема для отдельного разговора.

– Не кажется ли вам, что малая проза Жаботинского, при всем ее лингвистическом изяществе, несколько пресновата? Его рассказы напоминают мне молодого человека, который в погоне за благородством торопится постареть. Кстати, этого морщинистого молодого человека почти не замечаешь в романе «Пятеро».

– Рассказы Жаботинского, по мне, вполне хороши. Другое дело, что сборники его рассказов и, вслед за ними, раздел «Рассказы» в первом томе нынешнего Собрания состоят в значительной степени из очерков, зарисовок с натуры, жанровых сценок, которые по-журналистски точны, смешны, обаятельны, но при этом знают свое место и не претендуют на нечто большее. Его рассказы представляют собой, по сути, наброски, эскизы, которые хорошо смотрелись бы внутри романного целого – вошел же сжатый вариант рассказа «Всева» (прекрасного, кстати) в роман «Пятеро». Рассказов в узком смысле слова у Жаботинского практически нет, разве что «Диана», которая мне вовсе не кажется неудачей. Кстати, именно в «Диане» Жаботинский пишет о «массовом чувстве меры и грации», присущем итальянцам. Он очень любил Италию, и, я думаю, ему было бы приятно, если бы эту характеристику приложили к его собственной прозе. Мне кажется, это действительно лучшая ее характеристика: она является редким образцом меры и грации. У крупных писателей редко бывает хороший вкус – вкус и слух Жаботинского-прозаика кажутся мне практически безупречными. Я, впрочем, понимаю, чем вызваны ваши ощущения: Жаботинский не слишком эмоционален, на иной вкус, даже суховат, его впечатления пропущены через несколько уровней рефлексии, он смотрит на своих героев как бы несколько отстраненно, более того, так же отстраненно говорит он и о самом себе. Но ведь это не индивидуальная его черта, вот только роднит она Жаботинского не с ровесниками, а скорее с прозаиками следующего поколения, хотя бы с тем же Газдановым – самым, пожалуй, внешне «холодным» писателем в русской литературе. А разве мы мало читали у критиков про «нерусскую холодность» Набокова? Все это легко объяснимо, во-первых, опытом эмиграции с его бытовой и психологической спецификой, во-вторых, общеевропейскими литературными тенденциями: меньше эмоций, больше рефлексии – вполне естественная манера для людей, воспитанных на Прусте. Или даже на Франсе, как Алданов. Хотя, может, я несколько преувеличиваю типичность «казуса Жаботинского». Вероятно, ощущение внешнего, «холодного» авторского взгляда в его случае имеет иное происхождение. «Я до сих пор не умею “раскусить” человека. Знаю часто его привычки, знаю, что он сделает или скажет в любом случае, но определить его одной формулой, свести отдельные, хорошо мне знакомые черты к немногим основным свойствам, поставить диагноз личности – это никогда мне не удастся. Я живу с человеком годами и затрудняюсь сказать, добрый он или злой», – признается рассказчик в «Диане». Возможно, Жаботинскому – если мы примем это признание его героя за автобиографическое – как неважному психологу было трудно перевоплотиться в персонажа и писать «изнутри» его. Отсюда попытка передать характер через более тщательную внешнюю прорисовку, через акцентирование еле уловимых деталей. Так близорукий человек пристальнее вглядывается в предмет, часто подмечая, кстати, те черты, на которые не обратит внимания человек с хорошим зрением. Но читателю такой взгляд автора может казаться «холодным», отстраненным или даже несколько высокомерным.

– Какое впечатление произвел на вас роман «Пятеро» и с каким романом 1930-х годов вы бы его сравнили?

– Мне всегда казалось, что похвалы прозе Жаботинского скорее результат понятного изумления: надо же, идеолог сионизма, а еще и романы сочиняет, да к тому же по-русски. В русской традиции сочетание писателя и практического политика (именно практического, прожестеров-то предостаточно) – вещь редчайшая: представим, что Бунин подрабатывал бы спичрайтером у какого-нибудь члена палаты лордов. Но вот прочел наконец и должен сказать: из всего прочитанного за последнее время «Пятеро» – пожалуй, наиболее сильное впечатление. Первая реакция – сейчас такого уже не делают. Причем, мне кажется, это связано не с кризисом писательства, а с деградацией представлений о журналистском мастерстве. Ведь, по сути, «Пятеро» – это проза журналиста. Взять даже само это словосочетание: нынешнему читателю сразу представляется злободневный роман, где под прозрачными псевдонимами действуют какие-нибудь коррупционеры – или еще что-нибудь в этом роде. А в случае Жаботинского речь совсем о другом. Фабула этого романа, если попытаться ее пересказать, достаточно банальна и не лишена некоторой мелодраматичности, аллюзии на миф о Ниобее слишком очевидны... Но и самому придирчивому критику едва ли захочется делать на это «стойку», настолько достоверны все детали, убедителен фон, настолько точны все штрихи, вплоть до мельчайших и, казалось бы, случайных. Мне кажется, это как раз дар Жаботинского-журналиста Жаботинскому-прозаику. То же касается удивительного изображения города, Одессы, совершенно не бабелевского и вообще не похожего на сложившийся одесский канон. Одесса Жаботинского лиричнее, пастельнее, кроме того, и населен его роман совсем другими людьми: в центре внимания автора европейски образованные интеллигенты, а бабелевские герои выступают лишь как персонажи фона (Мотя Банабак). Соответственно, и говорят Мильгромы и их окружение на вполне кондиционном русском, а вкрапления одесского «диалекта» лишь оттеняют его. Городские пейзажи, разные слои одесского общества, их привычки, жесты и словечки – это все увидено и услышано профессиональным очеркистом, фельетонистом, репортером и уже из журналистских текстов, из журналистского опыта Жаботинского пришло в роман. Что до сравнений, то Жаботинский, мне кажется, не слишком похож на соседей. Почему-то крутится в голове имя Михаила Осоргина – наверное, это действительно самая близкая аналогия. Впрочем, хотя Осоргин очень неплохой прозаик, «Пятеро», на мой вкус, – вещь все же более значительная, нежели «Сивцев Вражек» или «Времена».

– Не издается ли Собрание сочинений Владимира Жаботинского, фигуры ренессансной, для узкого круга литературоведов и русско-еврейских читателей, главным образом проживающих в двух российских столицах?

– Практически любое собрание сочинений сейчас издается для более или менее «узкого круга». Много ли читателей у Собрания сочинений Георгия Адамовича, или даже Ремизова, или Мережковского? И это правильно, а в случае с Жаботинским правильно вдвойне. Ну зачем «массовому читателю» (категория несколько мифическая, но мы сейчас не об этом) статьи из одесских газет столетней давности или сионистская публицистика 1920-х годов? Жаботинский и интересен в русско-еврейской парадигме, когда осознаешь, что автор этой прекрасной прозы – тот самый человек, который оказал решающее влияние на развитие сионистской идеологии на десятилетия вперед. А неспециалисту достало бы покета с романом «Пятеро» – но, увы, по случайным, в общем-то, обстоятельствам не срослось, о чем мы уже говорили. Что до ренессансной фигуры, то Жаботинский мне таковой не кажется. Наверное, это впечатление рождается из редкости сочетания в русской традиции политика и литератора – что мы, впрочем, тоже уже отмечали. А так – нет в нем ничего титанического, в этом отношении Жаботинский, конечно, не серебряновечник и не человек 1920-х годов. Простой одесский разночинец рубежа веков, только очень умный и талантливый.

Мои собеседники убедили меня в том, что радиослушатели «Эха Москвы» выбирали и крупного писателя, и крупного политического деятеля, убедили они меня и в том, что как исключение из правил одно другому не мешает. Но разве что как исключение из правил. (Когда речь идет об освобождении целого народа, обретении им исторической родины, можно пожертвовать даром.) В иных же случаях остаюсь приверженцем бескомпромиссной позиции Владимира Набокова: искусство и политика – вещи несовместные.

ТЕРРОР ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ

Ēāā Ēād-āāĕēē

Первого февраля две вспышки на многолюдных рынках Багдада с разницей в двадцать минут унесли жизни около сотни мирных жителей. Это один из самых кровавых терактов на Ближнем Востоке за последнее время. Но выделило его из длинного ряда организованных «Аль-Каидой» коллективных смертей другое. Смертницами в ту роковую пятницу стали две душевнобольные женщины, постоянные пациентки психиатрической клиники. Как сообщила «The Times», обе исполнительницы, судя по сделанным после взрывов снимкам, страдали болезнью Дауна. Детонаторы сработали дистанционно, женщины послужили лишь переносчиками взрывчатки, обе они не понимали, во что вовлечены.

Через девять дней после теракта иракская служба безопасности арестовала главу багдадской больницы «Аль-Рашад», его подозревают в том, что он передал психически неполноценных женщин организаторам терактов. Предыдущий директор «Аль-Рашад» в декабре минувшего года был расстрелян среди бела дня с проезжающего мотоцикла, как предполагают коллеги погибшего – за отказ сотрудничать с «Аль-Каидой». Подозрения, что «Аль-Каида» активно ищет для терактов душевнобольных, существовали и раньше. Теперь они подтвердились.

Это по-новому заставляет взглянуть на личность террориста, взрывающего себя в толпе. Пропагандисты джихада создают миф об идейных борцах, сознательно приносящих себя в жертву ради победы в «священной войне». На поверку выясняется, что смертники – несчастные, запутавшиеся люди с ущербной и внушаемой психикой, пешки в руках специально обученного инструктора.

Такая организация, как «Хамас», превращает в разменные пешки все молодое поколение палестинцев сектора Газа. Судя по школьным программам и детским книжкам, судя даже по мультфильмам для малышей Газы, молодые палестинцы зомбируются с раннего возраста, главным поступком их жизни объявляется будущая смерть, которая унесет как можно больше врагов. В этом «Хамас» полностью продолжает «педагогическую доктрину» первого председателя ПА Ясира Арафата. Издается все это и снимается на деньги европейских инвесторов, свято уверенных, что инвестируют они в экономику Палестинской автономии. Кстати сказать, на те миллионы «евро», которые руководство Палестинской автономии более десяти лет получает от Евросоюза, можно было бы создать цветущую экономику. Но кто тогда захочет жертвовать своей жизнью? А вот людей, беспросветно прозябающих в нищенских условиях в атмосфере постоянно подпитываемой вражды, готовить в смертники легче легкого. «Аль-Каида» в Ираке столь роскошных условий, как «Хамас» в Газе, сегодня не имеет. Школьные программы им создавать пока не для кого, да и хлопотное это дело. Проще и дешевле не зомбировать детей и выращивать из них террористов, а вербовать уже готовых душевнобольных.

Привлекает внимание и другой факт. Все чаще исполнителями терактов становятся женщины-мусульманки. До недавнего времени это можно было наблюдать и в России, уже давно – в Палестине, а сегодня – еще и в Ираке. В том обществе, где она родилась, молодая мусульманка традиционно находится в зависимом положении,

манипулировать ею проще, чем мужчиной, есть ряд «провинностей», после которых женщине легко внушить: лучший «выход» для нее – смерть ради джихада.



Теперь у ворот больницы «Аль-Рашад» выставлена охрана.

На самом деле ей никого не хотелось убивать. Она вообще была вялой некрасивой девушкой зрелого возраста – весной ей стукнуло двадцать два года. И пока четыре месяца назад она не встретила на рынке в Хевроне своего бывшего учителя Абд-Эль-Вахаба, из школы «Алия», где она закончила девять классов, у нее, да и у всей семьи была еще надежда, что ее засватают. Мало ли бывает! Вдовец или инвалид...<...>

Нет, дольше тянуть было нельзя. Сегодня ее вырвало чуть ли не за столом, она успела выбежать. Брат Фатхи так странно, так внимательно весь день следит за ней.

Братья просто убьют ее, а иначе нельзя. Нельзя: никто не отдаст свою дочь в опозоренную семью. И младших сестер никто не придет сватать. Над папой будут смеяться соседи в деревенском кафе, где мужчины смотрят телевизор и играют в шеш-беш...

Может, она и не станет убивать всерьез, не станет всаживать нож по рукоятку – ведь для этого сколько силы нужно! Хотя Абд-Эль-Вахаб сказал, чтоб ударила в шею, он показал, с какой стороны.

Он не хочет жениться. Сказал – лучше убей еврея, тебя возьмут в тюрьму, там родишь и оставишь. И семье будет почет...



Последствия теракта в Багдаде

1 февраля 2008 года.

Это отрывок о террористке из романа Дины Рубиной «Вот идет мессия». Но Рубина живет в Израиле, может быть, она, как заинтересованное лицо, излишне пристрастна? Тем, кто хочет узнать от арабской писательницы о «женском вопросе» в мусульманском обществе, посоветуем книгу палестинки Суад «Сожженная заживо» (М.: РИПОЛ классик, 2007), где речь не о терроре – об обычае «убийства во имя чести». Суад рассказывает собственную историю: решение об убийстве принималось на семейном совете, в который входила мать; когда родители ушли из дому, родственник облил ее бензином и поджег, в шоке она перелезла через забор к соседям, в больнице родила мальчика. В Европе, куда ее вывезла благотворительная организация, ей делали операции в течение года. До этого в семье будущей писательницы была убита старшая сестра: брат задушил ее телефонным проводом. Имя, которым подписана книга, вымышлено, место проживания автора держится в секрете, для обложки она снялась в маске.

Не ближневосточные террористы выдумали массовый террор, и не они «изобрели» пилотов-смертников. В японской армии существовали, например, подразделения «тейсинтай», помимо пилотов-камикадзе в них входили наземные смертники для подрыва стратегических объектов, а также люди, управляющие подводными торпедами и небольшими субмаринами-самоубийцами. Но японской армии, как мы помним, это не помогло.

Всем смертникам, что на Дальнем, что на Ближнем Востоке, была обещана – ну как без этого! – после физической смерти жизнь в раю. В связи с чем возникает закономерный вопрос: самопожертвование перед нами или же обмен (точнее, попытка обмена) своей незавидной краткой и зависимой жизни на жизнь райскую, вечную и независимую? Конечно, такой обмен желателен для одной из сторон, но, если задуматься, возможен ли он, хотя бы теоретически, на столь неравноценных условиях?..

На современном этапе для манипулирования людьми используются различные подходы и технологии. Эксплуатируются псевдорелигиозная риторика, игра на имущественном и сословном неравенстве, в ход идут проплаченные СМИ, психологические методики и психотропные препараты. Но следует помнить: смертники –

не герои. Это, как наглядно показал двойной теракт в Багдаде 1 февраля 2008 года, несчастные дауны, марионетки, попавшие в руки кукловодов, сделавших своим бизнесом террор.

Вы читали? *ĖëÿĖ Ėàđíáíéí.* Еврейская колонка // 2008, № 5

Мне было очень приятно увидеть в этом материале свою свадьбу. Правда, в тексте я обнаружила одну досадную опечатку. Не дядя, а брат невесты сделал подарок еврейской общине – роскошную хупу из резного дерева с золотой инкрустацией. Всю эту красоту помог создать мой родной брат Артур Минеевич Гилядов, заменивший мне и отца, и все на свете.

Ñàđíáá, Ĩ àëÿ:èé (Ėí ò àđí àò)

Вы читали? *Ááí ááèèò Ñàđíáá* Бедный лён // 2008, № 5

Реакция. Отрывок из воспоминаний о выступлении писателей в Политехническом музее не мог не привлечь моего внимания: я одна из тех, кто был в тот вечер в Политехническом. Меня удивило, что Бенедикт Сарнов, собственно говоря, мало помнит описываемые события. «Дело было на каком-то вечере поэзии, – пишет он, – где выступали совсем молодые тогда Евтушенко и Вознесенский и куда многочисленным их поклонникам приходилось прорываться сквозь кордоны... Уж не знаю, как и почему, на сцене, за столом президиума вместе с выступавшими на том вечере поэтами оказался Виктор Борисович». Ответить на вопрос «как и почему» просто – был не вечер поэзии, а вечер «Литературной газеты», и, как справедливо отмечено Б. Сарновым ниже: «Писателей и поэтов старшего поколения за тем столом тоже сидело немало».

Далее: не в «году эдак что-нибудь в 1960-м или 1961-м...» – а в 1967 году. Вечер был посвящен 50-летию революции. В.Б. Шкловский выступил одним из первых. Не помню, читал ли он тогда Мандельштама и вообще читал ли стихи, но в зал Шкловский не «проорал несколько не очень понятных собравшимся фраз», а высказался внятно. Так как был возмущен тем, что написал Пастернак о Маяковском (в «Новом мире» вышли воспоминания Б.Л. Пастернака «Люди и положения»): «Я не понимал его пропагандистского усердия, внедрения себя и товарищей силою в общественном сознании <...> подчинения голосу злободневности. <...> За вычетом предсмертного и бессмертного документа “Во весь голос” позднейший Маяковский, начиная с “Мистерии-буфф”, недоступен мне. До меня не доходят эти зарифмованные проповеди, эта изошренная бессодержательность, эти общие места и избитые истины, изложенные так искусственно, запутанно и неостроумно. Это, на мой взгляд, Маяковский никакой, несуществующий. И удивительно, что никакой Маяковский стал считаться революционным». Возмущенный Шкловский сказал: «Пастернак предал друга».

Аудитория Политехнического оценивается Сарновым вряд ли верно: «...все жаждали выступления своих кумиров. Шкловский (да, пожалуй, и Мандельштам тоже) в той ситуации мало кого интересовал». И воспоминания Пастернака, и книги Шкловского о Маяковском были жадно прочитаны, и резкий выпад Шкловского не мог не произвести впечатления.

Ну а далее в самом деле «к микрофону вышла юная и прелестная Белла Ахмадулина», но она отнюдь не «промяукала что-то высокопарное и тоже не слишком понятное». Сказала, что вовсе не собиралась выступать, хотела только прочесть стихи, но не может промолчать после того, что было только что сказано, чтобы никто не подумал, что она с этим согласна. «Обращаясь к Виктору Борисовичу», она произнесла не ту невероятную, не уместную фразу, которую приписывает ей Сарнов. Она вступилась за

Пастернака и сказала, что он не предавал своих друзей и что именно ей рассказывал Катаев о собрании, на котором травили Зощенко...

В этом месте ее прервал Шкловский: «На том собрании Катаев продал Зощенко!»

Не помню, нашлась ли Ахмадулина что ответить.

Таков был этот диалог, удивительный для вечера, на котором председательствовал А. Чаковский. Диалог, скорее характерный для будущих 1990-х, чем для конца 1960-х. Диалог, не забывшийся за сорок лет! Но меня по-прежнему продолжают занимать два вопроса. Первый – возможно ли, чтобы имел место совсем другой литературный вечер, воспоминания о котором включают в себя совокупность: место – Политехнический музей, время – 1960-е годы, участники действия – Шкловский, Ахмадулина, тема – Зощенко, предательство? Второй – зачем Бенедикт Сарнов вставил в свои воспоминания эпизод, совершенно невнятный в его версии?

Получилось, как пел Галич в те незабвенные шестидесятые: «Каким-то хазарам какой-то Олег за что-то отмстил почему-то».

È. Èèâèö, Î ïñââ

Ответ Бенедикта Сарнова. Искренне благодарен г-же Лившиц за те уточнения, которые она внесла в мои воспоминания. Вероятно, я совместил в своем очерке воспоминания о двух разных вечерах. Отчетливо помню вечер, на котором Виктор Борисович действительно проорал несколько строк Мандельштама, которые аудиторией были тогда встречены весьма холодно.

Что же до вечера в Политехническом, то я готов согласиться с г-жой Лившиц, что там все происходило так, как это запомнилось ей. Настаиваю только на том, что фраза Ахмадулиной: «Я еще не родилась, а вы все уже успели предать друг друга» была ею произнесена. И судя по тем подробностям, которые запомнились г-же Лившиц, эта ее реплика была там вполне уместна.

ЗЮНЯ ИЗ ОДЕССЫ

Григорий Канович

Мы познакомились с ним случайно. Каждое утро он выныривал из темного подъезда старого дома с облупившимися стенами в загаженный собаками скверик, выходящий с безалаберной и шумной улицы имени героя Варшавского гетто Мордехая Анилевича, где он, старик, жил, на более тихую и просторную улицу другого легендарного еврейского героя – Бар-Кохбы, садился на выщербленную деревянную скамейку под благообразным тенистым платаном и принимался тонкой, обломанной веточкой отпугивать от заскорюзлого, смахивающего на древний пергамент лица настырных мух, которые своими до неприличия дерзкими приставаниями не давали ему покоя. Веточка была сухонькая, старенькая, как и сам жилец дома с облупленными стенами; на ней, как и на нем, едва держалось несколько жухлых и жалких листиков, – подуй ветерок покрепче, и они облетят.

Когда докучавшие ему мухи улетали к соседнему мусорному баку, чтобы полакомиться каким-нибудь зловонным деликатесом, старик ненадолго засыпал. Может, это только со стороны казалось, что он дремлет, а может, он просто прикрывал свои утомленные глаза – пускай, мол, хоть они в конце его ухабистого земного пути немного отдохнут, смотри не смотри, ничего нового в его патриаршем возрасте на белом свете уже не увидишь.

Иногда старик надвигал на маленькие, как морские ракушки, уши соломенную шляпу, запахивал потертую куртку, вставал с деревянного трона и, подстегивая себя неразлучной веточкой, прохаживался в допотопных, советского производства, сандалиях, привезенных на Ближний Восток из бывшего Советского Союза, от улицы Мордехая Анилевича до улицы Бар-Кохбы и обратно.

По правде говоря, в первый раз, когда я его увидел, собирался по обыкновению пройти мимо съездившегося незнакомца, как проходят мимо одиноких и захиревших деревьев, тоскующих по своей далекой и славной молодости, по тем временам, когда они тянулись к синему небу, чтобы своей буйной праздничной зеленью порадовать Г-спода Б-га, не мороча Ему голову своими жалобами на недуги, утраты и обиды, но что-то меня вдруг остановило – взгляд мой зацепился за веточку с жухлыми листиками, которой старик, когда вставал и совершал вокруг платана короткие прогулки, погонял, словно хлыстом, свои худые, в широких белых панталонах, ноги, упорно отказывавшиеся отрываться от земли, словно они были вмурованы в раскаленный асфальт.

– Простите, – вдруг обратился он ко мне, – вы говорите по-русски?

– Да.

– У нас в Одессе, скажу вам по секрету, все говорили по-русски... даже греки, – сказал он с приветливой, чуть озорной улыбкой, которая была моложе его на уйму лет, и обмахнулся своей веточкой, как японским веером. – А тут... в Израиле не с кем и поговорить. Все суетятся, спешат, бегут... – Слово «Израиль» он произнес с ударением на предпоследнем слоге и еще раз задорно улыбнулся. – Извините, я вас, наверно, задерживаю?

– Нет, нет, – солгал я, чтобы его не обидеть.

– Каждый день с девяти утра до двенадцати и с четырех до семи я сижу вон на той скамейке под платаном. Надеюсь, вы отсюда видите ее?

– Вижу.

– Это мое постоянное место в Израиле. Так вот, сижу и терпеливо жду, авось кто-нибудь из прохожих присядет рядом. Жена моя Люся говорит, что, когда я умру, а умру я, по-видимому, скоро, эту скамейку назовут моим именем – скамейка имени Зюни из Одессы... По паспорту я, как вы понимаете, Зиновий, но меня все всегда почему-то звали ласкательно – Зюней... Так будем же знакомы.

– Очень приятно, – ответил я и тоже назвал свое имя, чувствуя, как в моем сердце затеплилась симпатия к этому сгорбленному, антикварному старику. Я вдруг поймал себя на мысли, что теперь наше знакомство с ним вряд ли оборвется и будет наверняка иметь какое-то еще неясное для меня, скорее всего, мимолетное продолжение. – Разве, многоуважаемый Зюня, за целый день никто к вам так-таки и не присаживается? Разве все проходят мимо?



Зюня прищурился, посмотрел на меня насмешливо-игривым взглядом и сквозь частокол вставных зубов с ехидной ленцой процедил:

– Почему вы так думаете? Я же не тифозный. Присаживаются. Но как назло всякий раз не те....

– Что, прошу прощения, значит «не те»?.. Не вашего возраста?

– Не те, кто говорит по-русски... Больше всего местные люди... Старухи с полными авоськами фруктов и овощей, чтобы перевести дух, молодые женщины с детишками в колясках или с пушистыми, вроде бы китайскими собачками на коленях. Бывает, конечно, что кто-нибудь возьмет да и спросит о чем-то по-ихнему, поздоровается, бросит «бокер тов», а я, скажу вам по секрету, на иврите ни бэ ни мэ... только улыбаюсь, как последний олух. Ведь улыбку и слезы все и без всякого перевода понимают. Правильно я говорю?

– Правильно. Все понимают, – сказал я, удивляясь его говорливости и желанию как можно дольше поддержать негаданно завязавшуюся беседу.

– Скажу вам по секрету, я тут уже восьмой год живу, а кроме «бокеров» только «беседер» и «ма нишма» знаю. Маловато для одессита, который любит властью почесать языком. Бывает, конечно, что и наши, говорящие по-русски, присядут. Курят одну сигарету за другой, жвачку жуют, лузгают семечки и матерятся наперегонки. Если бы вы только знали, как они матерятся... В пять, а то и в шесть этажей. Похлеще, чем в Одессе, а ведь она на весь мир своими крепкими выражениями славится. Вонь от мата коромыслом стоит. Вы, наверно, не поверите, но я никогда в жизни не матерился, хотя полвека не в пансионе для благородных девиц, а на стройках работал, где без мата как без кирпичей или цемента ну никак не обойтись... Никогда я свой рот матерщиной не поганил. Даже когда мне очень хотелось... А вы, я сужу, извините, по вашему внешнему виду, тоже, по-моему, не материтесь....

– Каюсь, порой приходится...

Моя откровенность, видно, пришлась ему по душе, и он, смешно путаясь в своих нелепых панталонах, попытался ускорить шаг, чтобы если уж не поравняться со мной, то хотя бы слишком от меня не отстать.

– Маленькая просьба. Если вы можете, не мчитесь от меня во весь опор далеко вперед, это, не про вас да будет сказано, я уже рвусь к финишу, а вам еще рановато. И говорите, пожалуйста, громче... Со слухом у меня проблемы с самого детства. Боюсь, что когда наш всемилостивейший Г-сподь Б-г призовет меня к Себе, я не услышу Его голос. Моя дочь Диана обещала купить мне слуховой аппарат... В Одессе, скажу вам по секрету, кроме моря все можно купить.

– Ну, раз обещала, то обязательно купит. И вообще надо верить, что Б-г вас к Себе позовет нескоро, – искренне утешил я его, попутно узнав, что его дочь Диана проживает в Одессе.

– Нескоро, – хмыкнул он и снова одарил меня игриво-насмешливым взглядом. – Какой хозяин, скажите на милость, любит, когда у него засиживаются в гостях? А я уже, спасибо нашему Главному Хозяину, засиделся под небом... Пора честь знать и откланяться....

Его было интересно слушать, но на такую долгую беседу с незнакомым человеком я, право слово, не рассчитывал, у меня были неотложные дела в городе, и я уже готовился по-дружески с ним попрощаться до следующего раза. Но Зюня уловил мою нетерпеливость и великодушно произнес:

– Очень рад был с вами познакомиться, – он помолчал, пожевал свои иссохшие губы и добавил: – Но, если позволите, как испокон веков повелось у нашего брата-еврея, еще один малюсенький вопросик вдогонку. Можно?

– Да, – удостоил я его своим не очень вдохновляющим согласием.

– Вы в шахматы играете?

– В юности играл... Сейчас некогда. Работа, работа, работа...

– Жаль... У нас в Одессе все евреи в шахматы играли. Даже знаменитый пианист Эмиль Гилельс. Говорят, что Эмиль играл хуже, чем на рояле, но играл и даже выигрывал. Мир не перевернулся бы, если бы мы с вами сели на скамеечку под платаном

и одну-другую партишку сыграли бы. Вспомните молодость, и, как Ботвинник или Капабланка, двиньте пешку с клеточки е-2 на клетку е-4, а дальше все само собой пойдет. На всякий случай я бронирую за вами белый цвет...

И Зиновий, когда-то игравший, видно, не хуже, чем знаменитый Эмиль Гилельс, улыбнулся своей обезоруживающей, не по летам задиристой улыбкой.

– Спасибо за бронь и до свидания, – сказал я, не прельстившись забронированным первым ходом белыми.

Старик долго провожал меня взглядом, как будто он стоял на перроне, а я догонял уходящий поезд.

– До свидания, – промолвил он и помахал мне своей мухобойкой-веточкой.

Долгое время наши пути с Зюней не пересекались. Когда я проходил мимо скамейки, то она либо пустовала, либо была оккупирована незнакомыми людьми, и я уже почти не сомневался, что с ним случилось что-то неотвратимое. Мне не хотелось думать о самом печальном варианте, но в голову упрямо лезли только мысли о смерти, о том, что старик и без слухового аппарата, обещанного дочерью Дианой, все-таки услышал призыв Г-спода, нашего Главного Хозяина, и, вдоволь погостивши на этой грешной земле, откланялся. Я корил себя за то, что не осведомился, в какой квартире и с кем кроме жены Люси, намеревавшейся присвоить его имя скамейке в сквере, он живет, есть ли у него в Израиле дети, внуки, родственники. Не может быть, чтобы никого не было. Неужели старики приехали доживать свой век в стране, в которой у них нет ни одной родной души и им не на кого опереться?

Если Зюня жив, решил я, то обязательно сыграю с ним в шахматы. Белыми ли, черными ли – не имеет значения.

Был бы только жив!

Как же я обрадовался, когда через неделю еще издали увидел его под платаном в прежней позе, в той же экипировке – надвинутая на уши соломенная шляпа, тяжелые сандалии на босу ногу, полотняные панталоны. Единственным для меня сюрпризом была только шахматная доска, которая вместе с ним грелась на солнце. На ее разрисованной поверхности красовались два вздыбившихся друг против друга коня – белый и черный, чуть ниже на кромке была выгравирована дарственная надпись «Зиновию Каплану в день его шестидесятилетия от коллектива третьего Одесского стройуправления» и год «1984».

– Вы, как я вижу, уже приготовились к бою, – после обмена короткими приветствиями сказал я.

– Я всегда к бою готов... Всегда!.. Нашелся бы только противник, которому можно дать мат. Чего греха таить, иногда прихватываю с собой доску. А вдруг среди прохожих найдется какой-нибудь желающий, партнер. Но до сих пор я никакого соперника так и не дождался. Говорят, морская набережная игроками кишмя кишит. И специальные столики сколочены. Но к морю я уже не ходок. От ходьбы в горку сразу же задыхаюсь. Вас Сам Б-г послал. Может, вы согласитесь, и мы с вами скрестим шпаги...

– А доска у вас красивая, – промолвил я уклончиво, продолжая стоять под платаном.

– Приятно слышать. Скажу вам по секрету, все, что я нажил, я оставил дочери – квартиру на Матросском спуске, машину «Жигули», дачу в Ланжероне, свои награды – медали «За оборону Одессы» и «За доблестный труд», а эту доску и любовь привез сюда.

– Любовь?

– Меня удивляет ваше удивление. Вы, наверно, ни разу не были в Одессе. Этот город нельзя не любить. Какой-то босяк-остроумец сказал, что Одессу даже покойники любят.

– Ух, ты! Лихо сказано!

– Жалко, что я не сплю по ночам, даже таблетки не помогают, а то ходил бы и ходил бы во сне по Одессе до самого рассвета. По Дерibasовской, по Ришельевской, по Привозу... – Зюня открыл доску и стал торопливо расставлять фигуры: – Ну что? Начнем, пожалуй, как пел покойный Лемешев. Ваш ход!

Он так меня упрашивал, что отказаться я не мог. Ничего со мной не станет, подумал я, если из благотворительных соображений я сыграю с ним «партишку». Мы же под этим платаном не за почетное звание чемпиона мира поборемся.

Проще всего было бы сделать несколько ходов, зевнуть фигуру и сдать. Но такая быстрая и умышленная капитуляция никак не устроила бы Зюню, он, видно, жаждал честной борьбы и достойного сопротивления. Для такой упорной борьбы в моем скудном шахматном распоряжении не было необходимых средств – ни домашних заготовок с неожиданными и смелыми жертвами, ни хитроумных комбинаций, я понятия не имел о дебютах и эндшпилях, о защитах Нимцовича и Каро-Канн, о ферзевом гамбите, я вообще давно к шахматам не притрагивался, и мне, в сущности, было абсолютно все равно, выиграю я у своего противника из Одессы или с треском проую. Единственное, в чем я и впрямь был заинтересован, так это в том, чтобы приободрить, душевно поддержать одинокого человека, волей судьбы заброшенного вместе с Люсей в конце его долгой и нелегкой жизни в заштатный приморский город Израиля, так не похожий на родную Одессу. Я вдруг представил себе, что передо мной на скамейке сидит не Зюня из Одессы в своих допотопных, еще советского производства, сандалиях и в широких, как паруса, панталонах, а мой отец, который никогда не только в шахматы, но даже в простонародные шашки не играл, знать не знал знаменитого пианиста Эмиля Гилельса, не строил высотные дома, не отдыхал на своей даче в Ланжероне, не получал от швейной артели «Ромашка» или городского комбината бытового обслуживания именных подарков к своему шестидесятилетию, а день-деньской корпел за своим преданным трофейным «Зингером», и меня с ног до головы окатило зябкой волной не то стыда, не то жалости, а может, тем и другим чувством вместе. Каково же было бы моему отцу, будь он на месте этого Зюни, у которого дочь Диана и сын оказались с ним на совершенно разных континентах – на Украине и в Америке, а сам он, их любимый родитель, их заступник и защитник, – на Земле обетованной?



– Сыграем, Зюня, – сказал я с какой-то поспешностью, стараясь избавиться от внезапно нахлынувших сравнений. – Но только с одним условием: без реванша. Времени у меня в обрез. Кто проигрывает, тот выбывает. Договорились?

– Ладно, – неохотно согласился Зюня. Он медленно, по-профессорски достал бархатный футляр с очками, протер их чистым носовым платком, напялил на переносицу и бережно, с тоскливой лаской поправил фигуры, словно они были не из покрытого лаком дерева, а живыми, трепетными существами.

Партия развивалась мирно. Я долго задумывался над каждым ходом, чтобы не ударить лицом в грязь, а Зюня блицевал.

– За вами не угонишься, – заметил

я с некоторой изумленной завистью.

– Привычка. Когда-то, лет пятьдесят тому назад, скажу вам по секрету, я был перспективным кандидатом в мастера спорта. В сеансе одновременной игры на двадцати досках я единственный из участников, а состав подобрался на славу, сделал с самым неповторимым кудесником Михаилом Талем ничью.

– О-о-о!

– А вы не okayте! Когда-то я был мужчиной что надо... Умел и дело делать, и выпить, и лезгинку сплясать....

– Вы и сейчас мужчина.

– Не льстите, сударь. Мужчина во мне уже давно умер. Шах!

Я прикрыл короля конем.

– А я вас недели две не встречал.

– Жена болела. Очень Люся болела... У нее что-то с легкими. Я уже хотел подкрепление вызывать – звонить в Одессу Диане. И сыну моему Эдику решил в Чикаго сигнал бедствия послать, чтобы немедленно прилетел. Диана, может быть, тут же примчалась бы, а за Эдика я не ручаюсь – у него там, скажу вам по секрету, большущая клиентура – дай Б-г такую каждому еврею. За два дня до болезни мамы Эдик позвонил по телефону и сказал, что на прошлой неделе вырвал у вице-мэра Чикаго гнилой зуб

мудрости. Г-споди, Г-споди, до какого же счастья мы, евреи, дожили – наш парень у вице-мэра зубы рвет, а тот ему за это еще пачками зелененьких платит! Кто бы мог подумать об этом в Одессе? Это даже самому Леониду Утесову в голову не пришло бы. Правда?

– Чистая правда – не пришло бы.

Зюня неожиданно оборвал рассказ и стал что-то лихорадочно искать под скамейкой.

– Заболтался и нечаянно рукавом смахнул с доски офицера, – сказал он. – А офицер, скажу вам по секрету, слишком большая фора.

Ни о чем секретном Зюня не сообщал, но зачастую вставлял в предложение для большей, что ли, доверительности и красочности это неуместное, укоренившееся в его лексиконе присловье.

– Не беспокойтесь. Я подниму вашего слона, – успокоил я его, нагнулся и водворил на место оброненную фигуру.

– Спасибо. Трудновато стало мне, старику, земле кланяться – нагнусь, а разогнуться не могу. – Он сделал длинную рокировку и продолжал: – Так о чем же мы с вами толковали? Ах, да! О моих потомках... Плохо, конечно, когда потомки не успевают к похоронам родителей. Но что поделаешь? Ведь, если хорошенько подумать, таков закон природы: детям жить, а нам, старикам, помирать... – Он вздохнул, отправил сползшие на конец носа очки в роговой оправе на прежнюю высотку, взял белого пехотинца противника и повертел в своей большой, с набухшими венами руке. – Сейчас я у вас, милейший, пешечку съем. С лишней пешкой к победе шагать веселей, как говаривал директор шахматного клуба, мой первый учитель Евсей Исаакович Зельдин.

– Ешьте, ешьте. Пусть вам будет на здоровье, – сказал я, надеясь, что это начало Сталинграда и что через пять-десять ходов я буду наголову разбит.

– Если хотите, можете взять свой ход обратно. Вам я разрешаю.

Зюня оживился, глаза его засияли. Видно было, что он испытывает удовольствие от собственного многословия, от своей доброты и великодушия. Зюня, согбенный, невзрачный Зюня в нелепых штанах и доисторических сандалиях весь светился изнутри, и этот свет озарял и меня, сливался с лучами расточительного израильского солнца, с зеленым, прохладным свечением листьев векового платана, колеблемых легким и благодатным ветерком.

До миттельшпиля было еще далеко, но я уже лишился второго пехотинца. Зюня глубоко задумывался над каждым ходом, готовя мне очередную западню. То и дело склоняясь над доской, он пристально разглядывал нестройные порядки моего войска и бормотал себе под нос избитую песенку про Костю-моряка, который привозил в порт шаланды, полные кефали, и при появлении которого в пивной в почтительном порыве вставали все биндюжники Одессы.

Пока Зюня погружался в свои раздумья, я старался отвлечься от игры и задать ему какой-нибудь нешахматный вопрос – чаще всего о его детях.

– Диана и Эдик к вам в Израиль часто приезжают?

– Реже, чем эта... забыл ее фамилию... чернокожая советница Буша, – отвечал он, не отрывая взгляда от доски и борясь со сползающими на кончик носа очками.

– Кондолиза Райс.

– Так точно.

– Им Израиль нравится?

– Нравится... Очень нравится. Но оба они не хотят жить ни с арабами, ни с евреями. Диана, та замужем за украинцем Петро Луценко. Он у нее заведующий кафедрой в Одесском сельхозинституте. А Эдик говорит, что тут слишком много Моисеев.

– Слишком много Моисеев? Каких Моисеев?

– Чуть позже отвечу, а пока вы, милостивый государь, попали под связку и потеряете, по-моему, качество. А без качества, как поется в известной песне, жизнь плохая, не годится никуда...

– Пора, видно, вывешивать белый флаг. Не подобает мне с такими мастерами тягаться.

– Нет, нет, – перебил меня Зюня. – Полугаевский у Портиша выигрывал и без качества, – решительно остудил он мою пораженческую решимость и, чтобы еще больше привязать к скамейке, вернулся к ответу на мой вопрос.

– Мой Эдик говорит, что в нашем государстве каждый встречный и поперечный – Моисей, потому, что он и только он точно и безошибочно знает, по какому пути Израилью следует идти... А что же в итоге получается?

– Что же? – подыграл я ему

– А получается, говорит мой умненький Эдик, вот что: каждый Моисей изо всех сил тянет в свою сторону, и в результате сторон, куда надо бы Израилью идти, хоть отбавляй, а пути как до сих пор не было, так его и нет.

– Что и говорить, к зубному кабинету верный путь намного легче найти, – сказал я не без подковырки и, чтобы как-то сгладить свою дерзость, спросил:

– А ваша Диана с братом согласна?

– Она не согласна. Будь она согласна, разве Луценки купили бы в Израйле квартиру.

– Квартиру? – выпучил я на него глаза.

– Ту, где мы живем... Эдик похвалил покупку. Вовремя, говорит, надумали, на случай вынужденного отступления с «ридной неньки» Украины. Мол, мало ли чего там может произойти. Квартира хорошая, три комнаты, кухня, балкон, а главное – скамейка рядом, платан, русский магазин «Наташа» с пивом «Балтика» и со свиными сосисками. Пиво мне нельзя, а свинину, скажу вам по секрету, я обожаю... Пока мы живы, будем квартиру Дианы сторожить.

Больше его расспрашивать было неудобно, я и так превысил свой лимит любопытства, но Зюня словно почувствовал, что у меня еще один вопрос повис на губах, и продолжил:

– В Иерусалиме в университете на медицинском наша внученька Лора, младшая дочка Дианы учится. Тут ее имя переделали на Лиору. Иногда она к нам на субботу и на праздники приезжает. Тогда мы сторожим квартиру втроем. Эдик прав. Ведь уже сейчас в Киеве, скажу вам по секрету, погромщикам памятники ставят, а в другом украинском городе, я забыл, в каком именно, грозятся всех жидов в Днепре утопить. Если в Одессе с евреями станет худо, Диана и Петро переберутся сюда – она с компьютерами на «ты», он – крупный специалист по растениям и фруктам. Чего-чего, а растений и фруктов в Израиле – завались, к тому же оба шпарят по-английски, хоть и родились не в Лондоне, а на Канатной улице... Словом, не пропадут.

Зюня сам не заметил, как мало-помалу втянулся в разговор. Выиграв кроме двух пехотинцев еще и качество – ладью за слона, он вдруг, против ожидания, сник и потерял к партии прежний интерес – то ли устал, разморился на солнце, то ли разочаровался в моих способностях дать ему достойный отпор. Он стал меньше задумываться над ходами и в конце концов, имея явное позиционное и материальное преимущество, предложил мне ничью, которую я из уважения к его прошлому высокому рейтингу не принял.

– С какой стати вы предлагаете мне ничью, когда у вас выигрышное положение.

– К вашему сведению, у меня, дорогой мой товарищ, уже все положения проигрышные. Жалко, что, как говорил мой учитель Евсей Исаакович Зельдин, с малхемовесом нельзя сыграть вничью. Ботвинник ему проиграл, Бронштейн... Таль... Скоро и кандидат в мастера Зюня Каплан ему проиграет...

– С кем, вы сказали, нельзя сделать ничью?

– На идише «малхемовес» означает «ангел смерти». Каждый с удовольствием предложил бы ему ничью. Но он ни с кем на ничью не играет. Знаете что, давайте отложим нашу партию на другой день. Вы ведь и завтра пройдете мимо моей скамейки и послезавтра, и послепослезавтра, а мне делать нечего, за это время я успею еще раз внимательно проанализировать и оценить свою и вашу позиции и спокойно буду вас ждать на свежем воздухе.

– Пройти-то, наверно, пройду. Но я не могу вам обещать, что у меня будет время для доигрывания, – сказал я.

– Если будет, то обязательно доиграем, – настаивал Зюня. – Обязательно. Несмотря на мои очень уж неприличные годы, память у меня, скажу вам по секрету, хорошая. Я все восстановлю без всякого обмана, ничего не прибавлю и не убавлю, расставлю на доске все как было. Можете быть уверены. Или начнем новую партию?

– Уж как вы захотите, – пообещал я ему и поднялся со скамейки.

Зюня сгреб с нее выигранные им фигуры и, нервно мигая, посмотрел на меня пронзительным, прощальным взглядом, таким, каким когда-то, бывало, в Литве, в Вильнюсе, смотрел на меня мой престарелый отец, неусыпный сторож моей жизни, когда

я брался за ручку обитой дерматином входной двери его квартиры и когда, как всякий раз ему казалось, я уходил от него навсегда.

Дела вынудили меня из солнцем зажаренного, как шашлык, Израиля надолго уехать в страну исхода, и, если честно признаться, в суматохе чужого города я успел, к стыду моему, забыть про Зюню, про скамейку под ветвистым платаном и недоигранную партию, в которой у меня не было никаких шансов на спасение.



Но по приезде домой меня почему-то снова потянуло на ту дорожку, на засиженную, выцветшую скамейку, на которой целыми днями сиднем сидел сторож дочкиной квартиры Зюня Каплан, но и на дорожке, и на скамейке я встретил чужих людей, которые курили, караулили свои свертки и целлофановые мешки с продуктами, ласкали своих пушистых баловней-пекинесов, а иногда кое-кто оглашал тихие окрестности въевшимся в кровь импортным сквернословием.

Но всякий раз, когда я проходил мимо платана, а проходил я мимо него чуть ли не через день, то заслуженного строителя Украины Зиновия Каплана там не заставал.

Томимый дурными предчувствиями, я старался менять график своего прохода через скверик мимо скамейки, но картина, к великому сожалению, не менялась.

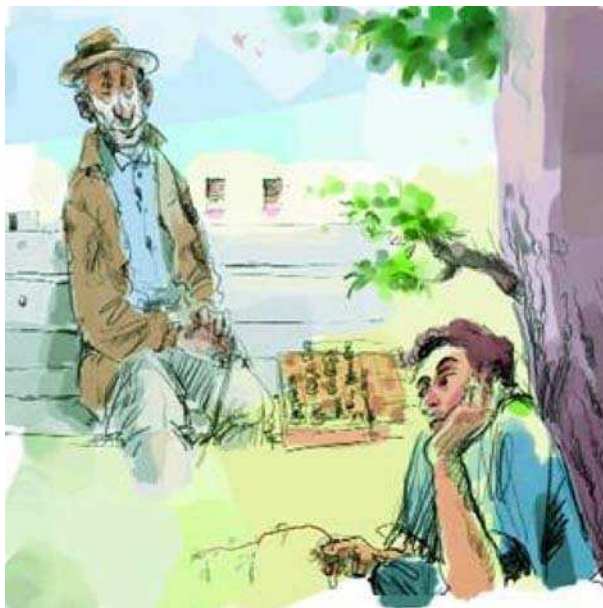
Видно, жена Зюни Люся, вторая сторожиха квартиры дочери Дианы Луценко, снова захворала, а у внучки Лиоры в университете начались зачеты и экзамены, и, кроме самого Зюни, за больной некому ухаживать.

Может, и сам старик занемог. Не богатырь же... Как никогда мне вдруг захотелось доиграть с ним отложенную партию или попробовать взять реванш в новой, снова пожертвовать своими пехотинцами и попасть под связку, которая неизбежно ведет к потере качества и позорному проигрышу.

Но моим хотениям, к несчастью, не суждено было сбыться.

На одном из уличных фонарей близ улицы имени Мордехая Анилевича мне бросилось в глаза развевающееся на ветру похоронное извещение с оборванными не

ветром, а злоумышленником краями, обычным в таких случаях благословением памяти и до ужаса знакомой фамилией: Зиновий Каплан.



Опустив голову, я постоял возле фонаря, а потом направился, словно к надгробию, к скамейке, сел и вдруг среди кучки окурков, стаканчиков из-под мороженого, брошенных целлофановых мешочков с надписью «Зиль везоль» – «Самые дешевые товары» – увидел тонкую, почти растоптанную веточку с жухлыми, полуживыми листочками, которой Зюня столько лет обмахивался, отпугивая настырных израильских мух.

Я бережно поднял ее, как реликвию, с земли, очистил от пыли и в сумраке, опустившемся на разгоряченный город, медленно и суеверно стал ею обмахиваться. Мухи уже давно спали беспробудным сном, и я толком не знал, кого же я в тот вечер отпугивал доставшейся мне в наследство от Зюни веточкой – может, собственное бессилие что-то изменить и вернуть назад, может, избавляющее от тревог и дурных предчувствий беспомощность, а может, подкрадывающегося тихой сапой «малхемовеса», с которым еще никому не удалось сыграть вничью и разойтись с миром...

ЭЛИ-ИЗУВЕР

Í ðáíëæáí èá Í à:àéí á ' 5, 2008

Óèèèí Ðíò



– Эли, у меня начались схватки. Где ты был?

– Ходил к Зурефу.

– Почему ты не позвонил? Я беспокоилась.

Он метнул шляпу на диван, но промахнулся – она шлепнулась на пол.

– Где мои зимние костюмы?

– В стенном шкафу, том, что в холле. Эли, май на дворе.

– Мне нужен добротный костюм. – И вышел из комнаты, Мириам потянулась за ним.

– Эли, поговори со мной. Пообедай. Эли, что ты делаешь? Ты засыплешь ковер нафталином.

Он высунулся из шкафа. Снова сунулся туда, послышалось щелканье молний, – к удивлению жены, он вынырнул оттуда с зеленым твидовым костюмом.

– Эли, ты мне очень нравишься в этом костюме. Но сейчас не сезон. Поешь. Я сегодня приготовила обед – сейчас разогрею.

– У тебя есть такая коробка, чтобы в ней поместился костюм?

– Мне принесли вчера коробку из «Бонуита»¹¹. Эли, но зачем она тебе?

– Мириам, когда ты видишь, что я что-то делаю, не мешай.

– Ты же не поел.

– Я занят. – Он пошел к лестнице в спальню.

– Эли, ну, пожалуйста, скажи мне, что тебе нужно и зачем?

Он обернулся, посмотрел на нее сверху вниз.

– Отчего бы тебе в порядке исключения не разъяснить, зачем и что я делаю, до того, как я скажу, что делаю. От этого, пожалуй, ничего не изменится.

– Эли, я хочу помочь.

– Тебя это не касается.

– Но я же хочу помочь тебе, – сказала Мириам.

– Раз так, помолчи.

– Я же вижу, ты расстроен, – сказала она и поднялась вслед за ним по лестнице, тяжело ступая, дыша за двоих.

– Эли, а что теперь?

– Рубашку. – Он повывдвигал один за другим все ящики нового тикового дерева комода. Вытащил рубашку.

– Эли, батистовую? С твидовым костюмом? – осведомилась она.

А он уже стоял на коленях перед шкафом.

– Где мои коричневые ботинки?

– Эли, что на тебя нашло? Поглядеть на тебя, можно подумать, ты выполняешь какой-то долг.

– До чего ж ты проницательная.

– Эли, прекрати, поговори со мной. Прекрати, иначе я позвоню доктору Экману.

Эли скинул с ног ботинки.

– Где эта твоя коробка?

– Эли, ты что, хочешь, чтобы я родила прямо сейчас?

Эли сел на кровати. Поверх костюма он накинул зеленый твидовый пиджак и батистовую рубашку, под мышками зажал по ботинку. Он поднял руки, ботинки упали на пол. Затем одной рукой, подсобляя себе зубами, распустил галстук и присовокупил его к прежним трофеям.

– Нижнее белье, – сказал он. – Ему понадобится нижнее белье.

– Кому?

Он тем временем снимал носки.

Мириам опустилась на колени, помогла ему стянуть носок с левой ноги. И с носком в руке осела на пол.

– Эли, приляг. Ну, пожалуйста.

– Плаза 9-3103.

– Что-что?

– Телефон Экмана, – сказал он. – Чтобы тебе не надо было смотреть в справочник.

– Эли.

– У тебя омерзительно умильное – типа «тебе надо помочь» – выражение лица, и не уверяй меня, Мириам, что это не так.

– Не так.

– Я не отвливаю, – сказал Эли.

– Эли, я знаю.

– В прошлый раз я засел в стенном шкафу, жевал свои шлепанцы. Вот что я делал.

– Знаю.

– А сейчас я ничего подобного не делаю. И никакой у меня не нервный срыв, так что, Мириам, не надо ничего измышлять.

– Ладно, – сказала Мириам. И поцеловала его ногу – она так и не выпустила ее из рук. Потом – смиренно – спросила: – Что же ты делаешь?

– Собираю одежду для того, в шляпе. И не спрашивай, Мириам, зачем. Не мешай мне.

– Только и всего? – спросила она.

– Только и всего.

– Ты не уходишь?

– Нет.

– Иногда мне кажется, ты не выдержишь, возьмешь и уйдешь.

– Чего не выдержу?

– Не знаю, Эли. Мало ли чего. Так случается всякий раз, когда у нас долгое время все хорошо, все ладится, и мы надеемся, что будем еще счастливее. Вот как сейчас. Похоже, ты думаешь, мы не заслуживаем счастья.

– С меня хватит, Мириам! Я отдам тому, в шляпе, новый костюм, ты не против? Чтобы он ходил по Вудентону, как все, ты не против?

– И Зуреф переедет?

– Мириам, я даже не знаю, примет ли он костюм! И зачем только ты заговорила о переезде!

– Эли, заговорила об этом не я. А все. Все этого хотят. Почему всем должно быть плохо из-за них. Эли, ведь и закон такой есть.

– Не рассказывай мне, что это за закон.

– Хорошо, миленький. Я принесу коробку.

– Я сам принесу. Где она?

– В подвале.

Поднявшись из подвала, он обнаружил, что на диване аккуратной стопкой сложены рубашка, галстук, ботинки, носки, нижнее белье, ремень и – старый серый фланелевый костюм. Жена, примостившаяся на краю дивана, смахивала на воздушный шар на привязи.

– Где зеленый костюм? – спросил он.

– Эли, это твой лучший костюм. Он тебе больше всего идет. Когда я думаю о тебе, Эли, я всегда представляю тебя в этом костюме.

– Достань его.

– Эли, это же «Брукс Бразерс». Он тебе очень нравится – ты сам говорил.

– Достань его.

– Но серый фланелевый гораздо практичнее.

– Достань его.

– Эли, ты всегда хватаешь через край. И в этом твоя беда. Ты ни в чем не знаешь меры. Вот так люди и губят себя.

– Я знаю меру, причем во всем. Вот в чем моя беда. Ты опять убрала костюм в шкаф?

Она кивнула, на глазах ее показались слезы.

– Но почему это должен быть именно твой костюм? И вправе ли ты брать такое решение на себя? Надо же и других спросить. – Больше не скрывая слез, она схватилась за живот. – Эли, у меня вот-вот начнутся роды. И это нам надо? – Она смахнула одежду на пол.

Эли извлек из шкафа зеленый костюм.

– Это не «Брукс Бразерс», а «Дж. Пресс», – сказал он, отвернув полу.

– Чтоб он подавился этим костюмом! – прорыдала Мириам.



Полчаса спустя коробка была запакована. Костюм, хоть он и обвязал коробку веревкой, отысканной в кухонном шкафчике, из нее вылезал. Закавыка была в том, что он слишком много туда напихал: и серый костюм, и зеленый костюм, а в придачу к батистовой рубашке еще и оксфордскую^[2]. Так пусть у него будут два костюма! Пусть их будет три, четыре, лишь бы положить конец этому идиотизму! И шляпа – как же без нее! Г-споди, он чуть не забыл про шляпу. Перескакивая через две ступеньки, он взлетел вверх, стащил с верхней полки стенового шкафа шляпную коробку. Роняя на пол шляпы и оберточную бумагу, спустился вниз и там упаковал ту шляпу, в которой ходил сегодня. Затем посмотрел на жену – она распростерлась на полу перед камином. И в третий раз примерно за такое же количество минут сказала:

– Сейчас точно началось.

– Где?

– Прямо под его головкой – ощущение такое, как будто из живота выдавливают апельсин.

На этот раз он остановился и, вслушавшись в ее слова, был ошеломлен.

– Но тебе же еще две недели носить...

Он, Б-г весть почему, рассчитывал, что она пронесит еще не какие-нибудь две недели, а все девять месяцев. И поэтому заподозрил: жена симулирует схватки, чтобы он забыл про костюм. И тут же осудил себя за такие мысли. Г-споди, что же с ним творится! С тех самых пор, как началась эта история с Зурефом, он ведет себя с ней, как последний мерзавец, – а ведь для нее сейчас самое тяжелое время за всю беременность. Он отдалился от нее, а вот поди ж ты, все равно уверен – так и надо: иначе он не совладал бы с соблазном послушать ее нехитрые доводы и не осложнять себе жизнь. Ни за что бы не совладал – вот почему он изо всех сил воевал с ней. Но сейчас при мысли о том, как сокращается ее матка, об их ребенке, его затопила любовь. Он, однако, решил не подавать виду. При таком позиционном преимуществе она – как знать – могла выманить у него обещание не принимать близко к сердцу дела школы на горке.

Упаковав вещи во второй раз за вечер, Эли отвез жену в Вудентонскую больницу. Родить она не родила, но пролежала там всю ночь, и сначала у нее из живота как будто выдавливали апельсин, потом кегельный шар, потом баскетбольный мяч. А Эли сидел в приемном покое под ослепляющим, прямо-таки африканским светом флуоресцентных ламп в двенадцать рядов и сочинял письмо Зурефу.

Дорогой мистер Зуреф,

вещи в этой коробке предназначены для джентльмена в шляпе. Что такое еще одна утрата в жизни, полной утрат? Но в жизни, не ведающей утрат, даже одна утрата – невысказана. Понимаете ли Вы, что я имею в виду? Я не какой-нибудь нацист и не смог бы лишиться дома восемнадцать детей, которых, судя по всему, пугает и светлячок. Но если Вы хотите, чтобы у Вас был дом здесь, Вам следует принять наши предложения. Мир таков, каков он есть. Как сказали бы Вы: как есть, так оно и есть. Мы просим этого джентльмена одеться иначе – только и всего. Прилагаю два костюма, две рубашки, а также все, что понадобится сверх того, включая и новую шляпу. Когда ему понадобится заменить одежду, дайте мне знать.

Мы надеемся увидеть его в Вудентоне, равно как и надеемся на добрососедские отношения с Вудентонской ешивой.

Подписался, подsunул записку под оттопыривающуюся крышку коробки. Пошел к телефону в углу приемного покоя и набрал номер Теда Геллера.

– Алло.

– Шерли, это Эли.

– Эли, мы тебе всю ночь звонили. В окнах свет, а никто не отвечает. Мы подумали: уж не грабители ли.

– Мириам рождает.

– Дома? – сказала Шерли. – Ой, Эли, вот это блеск!

– Шерли, позови Теда, я хочу с ним поговорить.

Телефонная трубка трахнулась, чуть не оглушив его, об пол, слышались шаги, сопение, кашель, затем голос Теда:

– Мальчик или девочка?

– Пока ничего.

– Эли, ты сбил Шерли с панталыку. Она решила рожать нашего очередного дома.

– Отлично.

– Ничего лучше, чтобы сплотить семью, ты не мог придумать.

– Послушай, Тед, я договорился с Зурефом.

– Когда они уедут?

– Они не то чтобы уедут, Тедди. Но я договорился, и ты и знать не будешь, что они здесь.

– Этот тип одевается как за тысячу лет до наших дней, и я не буду знать? Приятель, о чем ты только думаешь?

– Он оденется иначе.

– Да, и как? В другие траурные одежки?

– Тед, Зуреф дал обещание. Когда он в следующий раз придет в город, он будет одет все равно как ты или я.

– Что? Эли, тут кто-то кого-то дурит.

Голос Эли взмыл.

– Раз он сказал, что переоденется, значит, переоденется.

– Эли, он так сказал? – спросил Тед.

– Сказал. – За эту выдумку он тут же поплатился головной болью.

– Эли, ну а вдруг он не переоденется? А вдруг? Может же такое быть, а, Эли? Вдруг это какая-то увертка или еще что?

– Нет, – заверил его Эли.

На другом конце провода помолчали.

– Послушай, Эли. – Тед наконец собрался с мыслями. – Ну, переменит он костюм. Так. Хорошо. Но они все равно останутся здесь, это же не переменится?

– Но ты-то об этом знать не будешь – вот в чем суть.

Тед – само терпение – сказал:

– Эли, разве мы тебя об этом просили? Когда мы облекли тебя доверием, об этом ли мы тебя просили? Сделать этого типа пижоном в наши планы, уж поверь, не входило. Мы считаем, что наша община им не подходит – только и всего. И дело, Эли, не во мне. Еврейские члены общины поручили мне, Арти и Гарри раскинуть мозгами, что тут можно предпринять. Мы поручили это дело тебе. И что из этого вышло?

Эли услышал, как он говорит:

– Что вышло, то и вышло.

– Эли, ты говоришь загадками.

– Моя жена рожает, – оборонялся Эли.

– Это я понимаю. Но постановление о зонировании нам на руку, верно? Мы до этого докопались, верно? Не соблюдаешь муниципальных постановлений, уезжай. Я что хочу сказать: если мне взбредет в голову держать на заднем дворе горных коз, никто мне этого не позволит.

– Не так все просто, Тед. Речь идет о людях...

– Людях? Эли, об этом уже говорено-переговорено. И добро б они были люди как люди, а то – религиозные изуверы. Одеваются, как Б-г знает что. А что мне страх как хочется узнать, так это что у них там творится. Меня, Эли, все больше одолевают сомнения, и я не боюсь это признать. По-моему, все это собачья чушь и надувательство. Парни вроде Гарри, они, знаешь, думают-думают, а признаться, что они надумали, – боятся. А я тебе скажу. Послушай, с этими воскресными школами тоже надо бы разобраться. По воскресеньям я вожу мою старшенькую аж в Скарсдейл учиться разным историям из Библии... и знаешь, что она оттуда принесла? Так вот, слушай: этот Авраам, ну там, в Библии, он собирался убить своего собственного сына, в жертву его принести. Так ее после этого стали мучить кошмары, вот оно как. И это называется вера? Сегодня такого типа упрятали бы под замок. Сейчас век науки. Я снимаю мерку с ноги рентгеновским аппаратом, вот оно как. Доказано, что эти старые байки – ерунда, и я не стану сидеть сложа руки и ждать, когда в моем палисаднике случится такое.

– Тедди, ничего такого в твоём палисаднике не случится. У страха глаза велики, никто твоего ребенка в жертву не принесет.

– Ты прав, Эли, еще как прав – я своего ребенка в жертву не принесу. Вот заведешь своих, тогда поймешь, что и как. А их школа – это убежище, они в ней прячутся от жизни. Кому что нужно – вот в чем суть. Они цепляются за свои предрассудки, и как ты думаешь, почему? Да потому, что прячутся от мира, не могут занять места в обществе. В таком окружении, Эли, нельзя воспитывать детей.

– Послушай, Тед, посмотри на это с другой точки зрения. Мы можем их обратить, – без особой убежденности сказал Эли.

– Это как же, в католиков, что ли? Эли, приятель, послушай, у нас здоровые добрососедские отношения, потому что здесь живут современно мыслящие евреи и протестанты. И мы на этом стоим, так или не так? Не будем душить друг друга, я не Гарри. Сейчас у нас все тихо-мирно, по-людски. И погромов в Вудентоне не предвидится. Верно? А все почему – а потому, что у нас нет изуверов, нет чокнутых ... – Эли скривился, сморгнул. – А есть люди, которые уважают друг друга и дают друг другу жить. Эли, здравый смысл, вот чем мы руководствуемся. Я за здравый смысл. За умеренность.



– Вот-вот, Тед. Я с тобой согласен, но здравый смысл он, скорее всего, подсказывает: пусть этот парень переоденется. И тогда, скорее всего...

– И такое тебе подсказывает здравый смысл? А мне, Эли, здравый смысл подсказывает: пусть они подыщут себе что-нибудь подходящее в другом месте. Нью-Йорк – самый большой город в мире, от нас до него какая-нибудь полусотня километров – чего б им туда не поехать?

– Тед, дай им шанс. Дай им урок здравого смысла.

– Эли, ты имеешь дело с изуверами. Где их здравый смысл? Они говорят на мертвом языке, где тут смысл? Носиться со своими страхами, всю жизнь плакаться «ой-ёй-ёй», это что – здравый смысл? Послушай, Эли, обо всем уже говорено-переговорено. Не знаю, знаешь ли ты, но я слышал, что «Лайф» пришлет к нам корреспондента – хочет напечатать рассказ о ешиве. С фотографиями.

– Послушай, Тед, у тебя разыгралось воображение. Не думаю, чтобы «Лайфу» это было интересно.

– «Лайфу» это может быть и неинтересно, а мне очень даже интересно. И мы думали, что и тебе тоже.

– Интересно, – сказал Эли. – Очень даже интересно, но пусть он переменит костюм, Тед. И подождем, посмотрим.

– Они живут в средние века, Эли, это всё какие-то предрассудки, предписания...

– Давай только подождем, – молил Эли.

– Эли, каждый день...

– Еще один день, – сказал Эли. – Если он за этот день не переоденется...

– Что тогда?

– Тогда в понедельник я первым делом наложу судебный запрет. Вот так.

– Послушай, Эли... Я не один тут решаю. Дай я позвоню Гарри.

– Тедди, ты – их представитель. Мне сейчас не до того: Мириам рожает.

– Ладно, Эли, я хочу, чтобы все было честь честью. Но учти, только до завтра. Завтра – Судный день, Эли, я тебя предупредил.

– Слышу трубный глас. – Эли повесил трубку.

От голоса Тедди его трясло так, что зубы стучали. Не успел он выйти из телефонной будки, как к нему подошла сестра и сообщила, что миссис Пек до утра наверняка не разродится. А раз так, ему бы лучше пойти домой и отдохнуть: посмотреть на него, можно подумать, это он рожает. И, подмигнув ему, сестра удалилась.

Но Эли не пошел домой. Он вынес коробку с одеждой, положил ее в машину. Ночь стояла теплая, звездная, и он принялся объезжать улицы Вудентона, одну за другой. Но за длинными палисадниками перед домами горожан, кроме неприветливых, светящихся желто-оранжевым светом окон, нельзя было ничего различить. Звезды надраивали багажники на крышах фургонов, стоящих на подъездных дорожках. Он не спеша катил по городу – туда, сюда, в объезд. Не слышно было ничего, лишь шуршали шины на плавных поворотах.

Какой покой. Какой неслыханный покой. Когда еще дети могли так мирно спать в постельках? Родители, вопрошал себя Эли, были так сыты? Горячей воды сколько угодно? Никогда. Никогда – ни в Риме, ни в Греции. Никогда – даже за крепостными стенами – города не наслаждались таким благополучием! Чего ж удивительного, что они хотят сохранить все как есть. Ведь здесь как-никак покой, безопасность – разве не этого веками добивалась цивилизация? Вот и Тед Геллер при всей его дубоватости ничего другого не хочет. Ничего другого не хотели его отец и мать у себя в Бронксе, и дед и бабушка в Польше, и родители деда и бабушки в России или, скажем, в Австрии, или там куда бы или откуда бы они ни убежали. Да и Мириам тоже ничего другого не хочет. И вот и покой, и безопасность – все это их: семьи наконец могут жить в этом мире, даже еврейские семьи. А что, если после стольких веков общине без жестоковейности или там толстокожести не защитить эту благодать? Что, если все бедствия евреев оттого, что они слишком часто шли на уступки? А поддаваться никак нельзя – это закон жизни... Так развивалась мысль Эли, а тем временем он миновал железнодорожную станцию, припарковался на темной автозаправке «Галф», вышел из машины и вынес коробку.

На горке в одном из окон мерцал свет. Что, интересно, поделывает Зуреф у себя в кабинете? Убивать детей он вряд ли убивает. Изучает никому не понятный язык? Блюдет обычаи, хотя никто не помнит, что они означают? Мучается муками, которыми перемучилось уже не счесть сколько замученных поколений? Тедди был прав: чего ради

^[1] «Бонуйт Теллер» – дорогой универмаг женской одежды.

^[2] Рубашка из хлопчатобумажной ткани типа рогожки.

АЛЕКСАНДР ГЕЛЬМАН

Есть такая украинская пословица: «Старе як мале». Это обо мне. В молодости я писал пьесы, киносценарии – «Премия», «Мы, нижеподписавшиеся», «Наедине со всеми», «Зинуля», «Скамейка», «Арье». А теперь, когда мне за семьдесят, начал писать стихи. Пожилому человеку ощущать себя молодым поэтом непривычно. Поэтому, передавая стихи для публикации, я несколько обеспокоен тем, как они будут восприняты.

* * *

*Аааае ааеааааа,
÷òíáú íá áúòü áаеòúì è,
à ёрае íò íаííаеаааа
ííаííí ääúáá í íäаéü
Ì íë, ñò íëüéí í ú íáäаеéè,
è ñò íëüéí íаííааеааеè,
÷òí áííòóáú íáí áíеäè÷:аòü
«Ёó:аááúòü áаеòúì è,
÷áí ааеааòü!»
Ёрае çà íаííäаеéè,
÷òí í ú íáаóíí äòüü
áíéаéíú ёраеòüáíëüаá
÷áí íáаóаеçíü*



АНОНС

*Ìòéäüááòíí' áííòáааа
éíéáí è éíéáííé
í аае÷èí è ааíùèí,*

nò aduò è i fèiãuõ -
éiéai è aîé i íæ æèçíè,
- aîò íãÿ éièèæöèÿ,
aî aduá a i èðá!

Níã: àèà aî óææèòá i fè éiéai è,
óæ èçæí èòá
áóðèñò úá, aîéiñò úá
ããí èèòæíæá i íðáí: èè,
aîéè i ðèñí íò ðáòüñÿ.

Ðañí óðèá, nò aduá éiéai è i íæ áááóèè
Öpiú,

aîéü èç íèò i ðñíò ðæèèæèà
aîñ áá òæí aî ñàí üó éiðíæé aîéiñ
Íò óá i íãñ Èñáèá - èñóáááóèá
aîñ óðèá,

ií: òè íáíææáí íãÿ éiñòü
Íóèáí üèèá, èæé i íáóóá: èè,
éiéai í: èè i íæ aî ó: èè Ááü.

Íí: áðíááóèá íò i íðíæáí í úá éiéai è
i íãñ áðáòá Ðápi è (çèí à 42-ã,
Ááðóááñéíá áñò òí, Óéðæíá).

Éiéai è- i aîéè,
éiéai è- èóáæè,

aîéüèèá, èðóæüá i ýæèá, èæé áðúæ,
áçðááè áðüèá íò ñò ðáòü,

íí óúáí í úá íá çáí èþ éiéai è óíèæáí í üó,
èáðüèèñÿ, i ðèñÿ áðüèèò íá ááðí íñòü
ñæèí áðüèá, èæé èèáüè, ðèüí óþ
i óæñéóþ ðúéó,

è ðÿáíí - i ðèçíáí í ðáçáááí í úá éiéai è
æáí üèíü,

íò èðúá áðüèá ñóí à ñáíãÿ úáá i áñòí,
i ÿÿí úá éiéai è íáí íèíáíé i ðíáááüèòü,
éiòíðüí aîñ ðááíí, á èæéíí ííè
i íéíæáí èè.

Áü óææèòá óæüèé í áðíá,
i íñò ááèáí í úé íá éiéai è
i áðáá áðúæí í áðíáíí,
æèçà ýò èò í áðíáíá -

á íáí èò - ñí aîéáí á ñáí íáí aîéüñò áí,
á áðúæèò - çàò ááí íãÿ æáæáá i áñòè.

Á-ñí íæ, íá ááè i íá áíæèòüáí òáó áí æé,
éiáñá ñí ðÿòáí í íá aîéááò í áðúæé...
..

Í, éiéai è - éièòè í íã éièòè ñúáüáü!
Çáðíæèòá íá áüñò ááèó éiéai aîéè i íæ
æèçíè,

ðáçúæó ááòñÿ üóí àòü
óíò íáíáòèðíáòü
çá íáíéüèóþ i èáòó

i íæáòá áüñò ááèòü ñí áñò ááí í úá éiéai è

Í à áññáúáá íáíçðáí èá

*Áí áðáúá á í èðá!
Éíéáí è áññé í íáé æéçí è!
× áññò í áý éí ééáéöéý!
Áóíá ááññé à ò í úé!*

** * **

*Í à í ðéñ ééáññí
ñéàçàèá: «Á ý ò ááá çááññí áðáò è èá ðí áé èá
áí áññò í í íáé áó áññ á ññ ðí é á ò í ðí í
Øáþí è»,
ñéàçàèá: «ò áé ÷ ò í í á áí éíñý ò áí
òí áðáò ú,
ò ááý æ ááò çááññí áðáò»,
ñéàçàèá: «Í í ðáññò áò, é áé ý çáòí ÷ ó
ò í áúññò ðáé, ò í í ááé áí í áé,
éí áññá áú ò ú í é í ðéé áò áé é í áí,
áí ó áúññáò ðí áí í ááááö áò ú
ò ú áúññáö ññò áðúé, í í - í í éí áí é»,
ñéàçàèá: «ý áí ó í ò ááá ðáññéàçáí ááþ áññá
÷ ò í í í í þ,
Í á ðéñ ááé á ò áí á è è ò í í á é á á í í é á áññ
í ðááí é ðéé,
÷ ò í áú áí ááéú, ñ é í ò í ðú í é
Í í çáí ðí áááò ññý í í ó ðáí,
í í ÷ ó áññò áí ááéè, é áé í é ò ú ó í á í ý
é ðáññé áí é»,
ñéàçàèá: «Í á ò ý í é, í ðéé áò áé, áññý ññí úý
áúññáò á ññí ðá
Í áí Í áññ ò ááý Í á ó ááò ááò».*

** * **

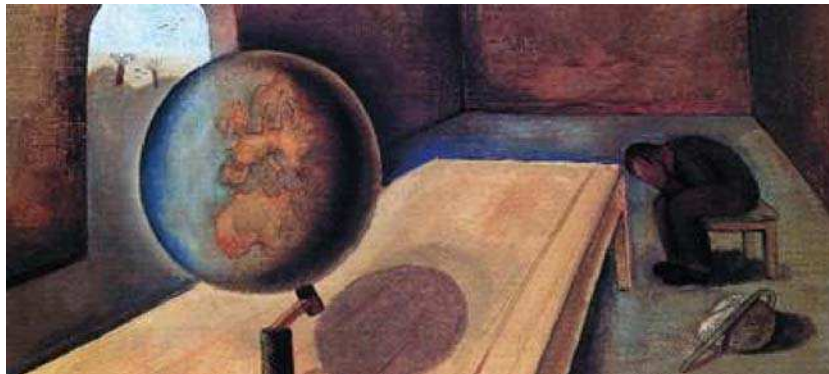
*Á ññáðð áññáñ
ý ò á ááðáéñéáý ò í ñéá:
Í áé ááí é á ññ áðð è
Í á í ò Á-áñ,
Í ò ññí áá.*

*Á ññáðð áññáñ
ý ò á ááðáéñéáý Í áááæ áá,
áññéáý, é áé Í í áí ðí áé ááí í ú é,
ó ááò áþ ù é é ðí ò é é í í áí çáúñ,
á é í ò í ðí í í áò í é ÷ ááñ.*

*Á ññáðð áññáñ
ý ò á ááðáéñéáý í ó áðí ññò ú
éí ññ ó çáý, áí ÷ í áý,
é ññò í é áí çðí áé ááí é ý ÷ áááé è,
é í é ú ááé ú ò ðáá ÷ áññé í áññ ááññ áðð è ý.*

Á ðýáí í ñí í é í áññí í í, á ááðá

*ίίέα άύά ίά άέέάσεά
 άύίέάρò ñίίέα άύά ίά άέέόύί έ,
 ίάί άίέάρòήγ έραάί ίñòγί έ,
 άάñέάίάάρò άίάέάίόύ...*



ДУША В ДУШЕ

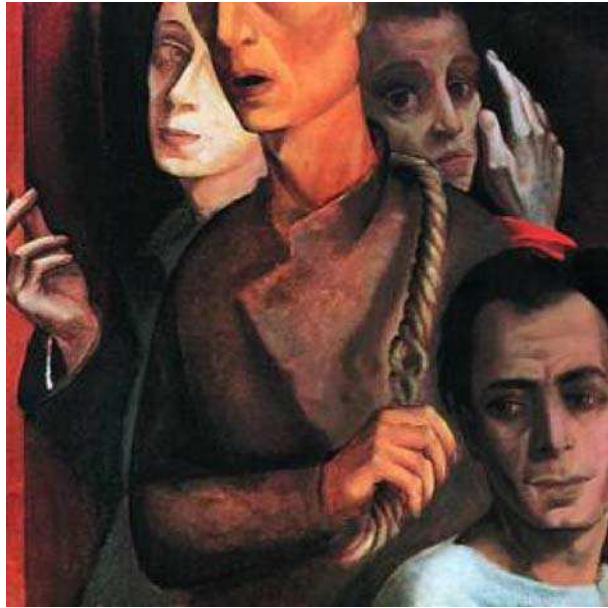
*Άόσα άάδύ άί ίάέ άόσα
 ίάύί ίέέί ά, ίάέέδύόέί ά,
 ίίά ίάñέò ίέέίάά -
 ίίγòίί όγύ ί ίάñάόύέάεάόφ ίί:ύ
 ίίά ίάάάέò ίέέίί ό -
 ίίγòίί όί ίάίίάέάίί
 άάύάάόύγ, ίάί άίύάάόύγ,
 ίίά ίάάέέόήγ ñ άδòέ -
 ίίγòίί όί άίγύ άά άόάάò
 ίάάñόίγύάάέñ:άί ίάίέά
 Άάδύάάγ άόσα άάδύ
 άάάάίάέίίέ άόσα άόάέñòά -
 Ά-ñίάέ, όίέύέί Όύ ί ίάñάάόύ
 ίίάίάίίά!*

* * *

*Όόδύί Άñάάίόίέέ άάόίάέò ίά ñέέάά,
 άάάέάεάò σòάάέγύί έ
 ίέέέέίίύ ñάάάίίύό έδύέύάά -
 έίόάάñίί, γòέ έδύέύγ,
 έίόίδύί έ σεάίέέόί ίάί άσαό,
 ίάέέέφ Άñ ίάάγύò ί ύñέγ?
 άά:άί ίί ίδέόίάέò ήραάέάεάίάόόδύ?
 Έίόάάñίί, άñέ άύγίέάάέήγ
 άγòίί άñέάίñέίί έδύέίόδύίέέέύά,
 άάέέññίάύ ίòύñέάόύί ίέ έδύέύσεέ,
 έίόίδύά ίί ñάάέ 25.10.1933?
 Άόόίί:ύγύ άίάέ άίάδύά
 ί ίάñ ίòόά Έñάέά Άάάέάίάέ:ά
 ίά ñάάά Άάñάάάέέ,
 άά ί ίγύ ί άί ά, άύάάεάάόόά:έίί
 ίάάάόύέό:έόέ όέδύίά,
 ίάσεά ί άίγύ ίίάγέέίίάέ,
 άάάόίόόίά άάδύήή ίάέάίέά*

* * *

Í î: ùþ,
 ñ àññýññí ò ñ àðò è,
 ý ñáææ è á: æ è- ò î ññí
 í á äððá ì èíí ò á ñ ðñ á á
 Ó ò ðñ ì, ç à ç à ò ð á è ì ì,
 í á ç í á è ì ì ù é ì í á: æ ì í á è
 ð à ñ ñ è á ç í á è æ á í á
 «Í ð á ñ ò á æ ý á æ ù,
 í á ð á ì é ð á ç á æ è ç í è
 ì ð è ñ ñ è è ñ ñ á á ð á è,
 á è á ò á è, ç à ì ù ò á á è ñ ñ ì
 á ù ò è ò, è á è í á ð ñ á ì ç
 í á á ð è ò ù é, í á ì í è í á ì é,
 è ñ ò á ì í ù é,
 è: á ì ó á ù ý ò í?»
 «Í á ç í á þ, í á ç í á þ, -
 ì ç à ì ì: á ì í ì ì ò á ì: á è à æ á ì á, -
 í è è í á á í á ñ è ù ò á è á,
 ÷ ò í á ù è ì ì ó í è á ò á ù
 è ç í á æ è ð ç í á è ì ì ù ò
 ñ è è è ñ ñ á á ð á è».



ПАУЛЬ ЦЕЛАН

Í í ñ á æ è ì ý è ñ ù ñ è ù,
 è í ò í ð ù á í è è í á á í á í á ð ñ á è è è ñ ñ á ù ð ý á ì ì,
 í í ñ á æ è ì ý è ñ è í á á,
 á ò á ò í ý ò í è þ á è,
 ñ ò ð á è ý þ ù è á äððá á äððá,
 í í è þ á è ì á ì á æ è ù ò á ì á
 á ì è ù ò á, ÷ á ì ñ ñ á ý.
 Í í í á ä ñ ý è ñ ñ, á á ð è è,
 ÷ ò í è ç á ñ ñ, è ç ÷ á ñ í è: á ñ í á á ì ò í á è ò,
 è í á á- í è á ò á ù ÷ ò í- í è á ò á ù á ì é á á ò,
 ÷ ò í á ù í á ó á á è ò ù ñ ñ á í á ð á ò í ì ì,
 ì ð ù á ò é ñ á ù ñ è í á ì ì ñ ò á á á á ç á ì ó
 ì ý ò è á ñ ñ ò è è á ò í ò ð ñ á á

*â Ĩ àðèæá
Ñòèòè ĩĩ ĩèñè ĩĩ-ĩàĩ àòèè -
ĩ à ÿçúèá, èĩ ò ì ò ú è ó à è è à ã ĩ à ì ó
ĩ ĩ è ĩ è á á è à ã ã à ò ó à Á-ã*

** * **

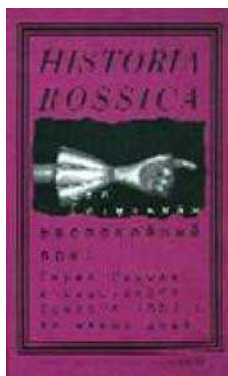
*Òĩ çàúúààð, ò ĩ à ã ĩ ĩ è ĩ à ð,
÷ ò ĩ ñ è ĩ ò ĩ ò ì ó
Çàúúààð è à ã ĩ ĩ, ĩ à ç à ĩ à ò ĩ ĩ,
à à ĩ ù à ò ú à è æ è á ú, è à è à à ĩ ñ à ò ì ú è,
ñ à ò ù ĩ à ĩ à è ĩ, à ò à ĩ è à ì à ĩ ĩ è ã,
ĩ ò ĩ ñ ĩ ĩ à à ò ñ ÿ ò à ç è ĩ,
è ĩ à ĩ ÿ, ñ ò à ò è è à ò è ó
à è à ñ ò ĩ ĩ ñ ò à à è ò ĩ à ĩ à ñ ò ĩ.
B ĩ ĩ à: è ĩ ÿ ð ĩ ĩ -
ĩ è ó ç à ã ù à ĩ è á
÷ ò ĩ à à è à ò ù ñ à à ù à ĩ è,
ó ñ à ò ĩ ĩ ÷ è ò à ð Ò ĩ ò ó
ã ò à è ç à ĩ ĩ ó ó ĩ à è è ñ ò ĩ ÷ à è
à è ÿ ĩ ò à à ĩ ÿ à è à ĩ è ÿ Á-ã ĩ
è ĩ à à ĩ ĩ ñ ĩ ò ó ñ è ĩ à ã ã
Ĩ ĩ à à ò ú à à ñ è ĩ à à ñ à ĩ à à ò ñ ÿ ĩ à: ò ĩ,
È ñ ĩ à à ĩ ĩ ÿ ò ù ĩ à: è ĩ à à ò ñ ÿ à à: ĩ ĩ ñ ò ù
Á ĩ ò ò à è è æ è á ú
ò ĩ ç à ú ú à ÿ, ò ĩ à ã ĩ ĩ è ĩ à ÿ,
÷ ò ĩ ñ è ĩ ò ĩ ò ì ó*

Ñ ĩ ñ ò à à è à ĩ è à Á ñ à ò à ĩ ĩ à è ÿ

XX ВЕК: БЕСПОКОЙНЫЙ, БЕССМЫСЛЕННЫЙ, БЕСПОЩАДНЫЙ?

Ààèèí à Çàèèí èí à

В одном из лучших отечественных гуманитарных издательств, в серии «Historia Rossica», курируемой авторитетной редколлекцией, вышла монография Цви Гительмана, профессора политологии и иудаики Мичиганского университета, автора и составителя целого ряда книг о восточноевропейском еврействе, в частности о еврейской идентичности в Советском Союзе и постсоветских России и Украине¹¹. Книга вышла в переводе профессора А.Б. Каменского, признанного специалиста по российской истории Нового времени, и под научной редакцией профессора О.В. Будницкого, исследователя политической истории России и российского еврейства рубежа XIX–XX веков. Иными словами, обложка с оборотом титула уже придают книге respectable облик.



Не отходя далеко от обложки, стоит заметить, что в оригинале книга называется «A Century of Ambivalence», «Век двойственности», а вовсе не «беспокойства», что, согласитесь, несколько более содержательная характеристика – а то где вы в еврейской истории видели небеспокойный век, ей-Б-гу! Если же вы обратили внимание на то, что «с 1881 года до наших дней» прошел вообще-то не век, а век с четвертью, то тут надо учитывать, что первое издание книги имело место в 1988 году. Русский перевод сделан со второго, дополненного издания 2001 года, нарастившего две новые главы про постсоветскую эпоху, однако, кажется, в чем-то книга осталась на уровне 1988-го. Но прежде обратимся к содержанию.

Первый период, выделяемый Гительманом в вековой истории отечественного еврейства, это 1881–1917 годы, от гибели царя-освободителя до ВОСР, она же – большевистский переворот. Здесь идет речь о правовой дискриминации, притеснениях и их жертвах, включая оплаканных Герценом кантонистов, и о еврейской реакции – попытках вырваться из рутинной жизни в черте оседлости и уходе в народовольчество (популярное до погромов 1881 года), бундизм, сионизм, марксизм.

Следующая глава посвящена революции, Гражданской войне и периоду военного коммунизма (1917 – середина 1920-х годов) и «двусмысленности

освобождения»: за гражданское равноправие евреи заплатили лишением национальной идеологии (будь то иудаизм или сионизм), языка (Евсекции вели борьбу с ивритом) и традиционного уклада, мира штетла. Правда, в последующие годы – о чем рассказывает 3-я глава, – в эпоху нэповского потепления и социалистического строительства 1930-х годов, власти предприняли попытку заново создать еврейскую культуру, но исключительно светскую и идишскую. Впрочем, этот проект наряду с параллельными ему – выселить евреев на землю и побудить их заниматься сельским хозяйством, а также сконцентрировать их в Еврейской автономной области с центром в Биробиджане – потерпел крах. Евреи, по крайней мере наиболее продвинутые их круги, сами уже были нацелены на русификацию и ассимиляцию.



Разграбленные дома после погрома в Кишиневе. Начало XX века.

Коллекция Э. Чериковера.

Глава «Холокост», помимо собственно «окончательного решения еврейского вопроса», концентрируется на специфике судеб советского еврейства в эти годы. Вследствие аннексии Прибалтики и Восточной Польши в сентябре 1939 года численность советских евреев увеличилась на миллион, из которого четверть была депортирована в глубь страны и тем самым, непреднамеренно, спасена от истребления. Евреи, не депортированные в Сибирь в качестве «буржуазных элементов» и не эвакуированные в Среднюю Азию, воевали в рядах Красной Армии или участвовали в партизанском движении на оккупированных территориях. В Великой Отечественной войне евреи пострадали больше других советских народов, однако официальная риторика этого не признавала и вообще замалчивала Холокост и участие в нем местного населения, а народная память тоже проигнорировала полмиллиона еврейских солдат и сохранила убежденность в том, что «евреи воевали в Ташкенте», то есть отсиживались в эвакуации. Таким образом, победа в войне, так же как и победа революции, для евреев оказалась «двусмысленной».

Конец 1940-х – начало 1950-х, «черные годы», ознаменовались для евреев уничтожением остатков советской идишской культуры и грозными процессами времен борьбы с космополитизмом: делом Еврейского антифашистского комитета и «делом врачей». В ситуации напряженного ожидания всеобщей депортации в Сибирь смерть

Сталина была воспринята как новое пуримское чудо. Политика «оттепели» принесла евреям относительное спокойствие, но оставила их в неофициальном статусе граждан второго сорта, подозреваемых в нелояльности стране и режиму и негласно дискриминируемых.

Шестая глава, посвященная двадцатилетию между Шестидневной войной и перестройкой, рассказывает о зарождении новых настроений и явлений в еврейской среде, воодушевленной военными успехами молодого Государства Израиль, – сионизма, изучения иврита и традиций, ориентации на эмиграцию. Несмотря на неустойчивый курс власти, репрессии и «отказ», СССР за эти два десятилетия покинули около 300 тыс. евреев. В 7-й главе кратко рассказывается о грузинских, горских и среднеазиатских евреях – в советскую эпоху вообще и в период эмиграции в частности. Две последние главы, написанные уже для второго издания книги и использующие результаты опросов, проведенных автором в СНГ в 1990-х годах, рассказывают о евреях на постсоветском пространстве, преимущественно в России и Украине: о демократических реформах, которые сделали антисемитизм достоянием гласности, но не искоренили его; о массовой эмиграции; о возрождении общинной и культурной жизни в центре и в регионах; и, наконец, о секулярном национальном самосознании, которое у (пост)советских евреев не предполагает ни религиозного, ни культурного, ни языкового компонента, а базируется исключительно на внутреннем ощущении, зачастую спровоцированном внешней враждебностью.



Внесение Свитка Торы в синагоге в Дубровне. Белоруссия. Начало XX века.

Еще четверть, если не треть объема занимают иллюстрации – черно-белые, естественно, фотографии из многочисленных частных коллекций и архивов различных еврейских организаций: портреты еврейских деятелей и еврейских семей, синагоги, еврейские дома и жанровые сценки, жертвы кишиневского погрома, бундовцы, рабочие в Биробиджане, дети в Вильнюсском гетто, еврей-партизаны, еврейские кладбища, подпольные седеры и уроки иврита, отказники, эмигранты, антиссионистские карикатуры в советских газетах и многое другое. В обширном иллюстративном материале состоит бесспорное и, пожалуй, основное достоинство данного издания. Возможно, стоило бы сделать из этой книги альбом, на соответствующей бумаге и с соответствующей полиграфией, еще увеличив число фотографий и при этом подсократив текст – сведя его к формату развернутого комментария к иллюстрациям. Потому что на концептуальную монографию эта книга не тянет – за отсутствием, собственно, авторских концепций, авторского анализа, научной новизны и историографической контекстуализации.

Во-первых, нельзя не отметить, что все содержание книги, кратко изложенное выше, более или менее известно читателю, знакомому с отечественной историей и мало-мальски обращавшему внимание на место в ней евреев. Право же, кто не слышал про кантонистов – евреев-народовольцев – черносотенцев – «дело Бейлиса» – евреев в революции – белогвардейские погромы – Биробиджанский проект – «неучастие евреев в ВОВ» – «дело врачей» – подпольный сионизм – отказников – массовую эмиграцию – Хабад Любавич и возрождение общинной и религиозной жизни?

Во-вторых, формат, в котором профессор Гительман излагает эти общеизвестные факты, также не открывает перед нами новых глубин. Это типичная фактография, подкрашенная отчетливо проеврейской и антироссийской/антисоветской позицией автора. Причинно-следственные связи выявляются лишь на самом поверхностном уровне, выводы автора иногда поразительно ограничены и тривиальны. Приведу для примера следующее рассуждение о причинах революции: «Жестокая ирония состояла в том, что в одной из богатейших по своим ресурсам стране проживало беднейшее население <...> Всякий, кто бывал в Эрмитаже, бывшем царском дворце с сотнями замечательных залов и бесценными произведениями искусства, может легко представить огромную пропасть, отделявшую самодержавие от подданных, и понять, почему в России случилась революция». На каждом историческом повороте, излагаемом в книге, читатель вопрошает «почему?», но не получает ответа.

Почему император Николай Павлович так озаботился еврейским вопросом? Почему – если он так не хотел терпеть евреев в своем государстве – он не крестил их насильно или не изгнал? Неужели он боялся, что о нем плохо будут говорить в Европе? Да Николаю весь свет был не указ: он турецкого султана убеждал отказаться от религиозных заблуждений и воспринять свет христианства, а европейцам открыто заявлял, что ненавидит конституцию!

Почему правительство тратило столько сил на обвинение Менделя Бейлиса? Да-да, понятно, реакционность, черносотенство, животный антисемитизм отдельных деятелей. Но все же – откуда такая одержимость на высоком уровне, какие политические задачи правительство собиралось решить этим процессом?

Почему с середины 1920-х годов партия резко поменяла свой курс в национальной политике на прямо противоположный и вместо нивелировки различий стала поощрять развитие национальных культур, в том числе идишской?

Что означают антиеврейские репрессии 1930-х годов? Следует ли видеть в них проявление целенаправленной антисемитской политики или же это лишь часть всеобщего террора?

Почему евреи Грузии жили благополучнее своих соплеменников из европейской части СССР? Дело в удаленности от центра или в слабовыраженности грузинского антисемитизма?

Чем объясняется массовая эмиграция после перестройки, когда причины, по которым стремились уехать отказники в 1970-х, были уже неактуальны? Почему многие эмигранты предпочитали Израилю Соединенные Штаты?



Молодые горские евреи. Около 1900 года.

Большую склонность к анализу излагаемых фактов автор демонстрирует уже в самом конце книги, рассказывая о ситуации в России конца 1990-х годов. Однако анализ этот, пересыпанный газетными слухами о еврейском происхождении того или иного политика и снабженный сомнительными прогнозами на будущее, в основном живописует – без ссылок на какие-либо статистические источники – экономический упадок, коррупцию, криминал и прочие тяготы постперестроечной жизни, сочтется западным высокомерием и в этом одновременно тривиален и неуместен в академической монографии. Например: «<...>Абортами заканчиваются почти две трети беременностей. Половина браков оборачиваются разводами. Продолжительность жизни упала до уровня,

неслыханного в современных промышленных странах <...> Широко распространены преступность, коррупция и отчаяние. Были убиты несколько депутатов парламента <...> а также по меньшей мере 36 банкиров <...> Все это породило общее чувство унижения и смятения <...>»

Третий недостаток монографии, на мой взгляд, состоит в том, что она остается в рамках традиционной виктимной парадигмы, некогда универсальной при изложении еврейской истории, но успешно потесненной и оспоренной в последние десятилетия. В изложении Гительмана евреи – преимущественно жертвы истории, а точнее, политики властей и других врагов: жертвы рекрутства, жертвы погромов, жертвы наветов, жертвы революции, жертвы Большого террора, жертвы борьбы с космополитизмом, жертвы «отказа» и т. д. Редкие евреи, занимавшие деятельную позицию, – народовольцы, революционеры, ЕАКовцы, подпольные сионисты мотивируются исключительно той же политикой властей и врагов – то есть они тоже жертвы, только активные. В результате мы читаем не историю евреев в России и Советском Союзе, а историю политики российских и советских властей и реакции на нее евреев. И мало того, что евреи – пассивные объекты, а не субъекты истории – они еще и немые объекты. Народ, как водится, безмолвствует, и если причины правительственных действий нам так или иначе сообщаются, то мотивы еврейского поведения в основном остаются сокрыты. Мы не видим личностей, мы не слышим голосов. Что думал еврей, бежавший в Польшу ради возможности соблюдать традиции? Что думал его сосед по штетлу, играющий теперь в антирелигиозных пропагандистских спектаклях? Как себя ощущали проплаченные государством деятели идишской культуры? Какими амбициями и мечтами руководствовались первопроходцы Биробиджана? Зачем юноши и девушки шли изучать иврит в подпольных кружках? И так далее.

Возможно, отсутствие «живой истории» объясняется редкостью обращения автора к первичным источникам – за рядом исключений, монография построена на научной литературе, на исследованиях предшественников, которые, однако, подаются в весьма ограниченном ассортименте. И тут мы сталкиваемся с четвертым недостатком этой книги. Библиография, реконструируемая из примечаний к каждой главе, удручающе скудна. Практически не учтены работы последних десятилетий, ни англо-, ни русскоязычные. Гительман не упоминает книги Б. Натанса, Дж. Клира и Д. Эльяшевича о еврействе в имперской России, работы Р. Вайнберга, Э. Джаджа, О. Будницкого, Э. Лора, Й. Френкеля о евреях на рубеже веков и в период первой мировой войны и революции. В главах о сталинизме нет ссылок на работы Г. Костырченко, а, например, А. Солженицын упоминается лишь в связи с «оттепелью» и «Одним днем Ивана Денисовича», а «Двести лет вместе» никак не фигурируют в описании еврейского вопроса в современной России.



Рынок у синагоги в Бердичеве. 1994 год.

Коллекция Д. Пейсахова, АФИАП.

Историография отсутствует не только в сносках, но и в самом тексте, где нет ни намека на какие-либо научные дискуссии и вообще на существование разных точек зрения на ту или иную проблему. Отсутствие научного контекста создает у читателя ложное впечатление, будто это единственная книга на данную тему, будто она излагает все, как оно было на самом деле.

Вследствие вышеописанной специфики, а именно – изложения общеизвестных фактов, недостатка анализа, отсутствия историографического контекста, полной традиционности подхода – монографию Гительмана зачастую хочется сравнить с энциклопедией. Например, разделы про среднеазиатских и горских евреев по содержанию и стилю совершенно неотличимы от статьи из какой-нибудь Еврейской энциклопедии. Другой жанровый формат, в который эта ликбезовская и подробно иллюстрированная книга отлично вписывается, это учебник. (Для хорошего учебника желательно, правда, и библиографию расширить, и терминологию с переводами перепроверить. Чтобы текст не пестрел ошибками в транслитерации иврита – «Ашречо Исроэл» вместо «Ашрехо Исроэл», или уж совсем курьезные случаи, когда фамилия Шумахер превращается в Шумиачер, а мусарники именуются мусаристами и т. п.) Особенно познавателен такой учебник для иностранных студентов, не знакомых не только с историей российских евреев, но и вообще с российской историей. Но и для отечественных старших школьников и студентов эта книга в качестве внеклассного чтения/обязательной литературы к

экзамену представляется весьма полезной. Ведь Герцена любят отнюдь не за сочувствие к кантонистам, из народоволок помнят Софью Перовскую, а не Гесю Гельфман, в словах Шолом-Алейхем узнают песню, а в слове Бейлис – ликер, черносотенцев не отличают от чернорубашечников, идиш – от иврита, ну а про Холокост в школьном учебнике новейшей истории нет ни единого слова.

[□](#) Цви Гительман. Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

ГОРОДА И ВСТРЕЧИ

Àèèçàààò à Ĩ ĩèĭ ĩèàÿ



Поэтесса, переводчица, мемуаристка, единственная «сестра» в литературном кружке «Серапионовы братья», Елизавета Григорьевна Полонская родилась 26 июня 1890 года в Варшаве в еврейской семье. Ее отец, Григорий Львович Мовшенсон (1861–1915), инженер-путеец, был родом из Двинска; мать, Шарлотта Ильинична (урожд. Мейлах; 1861– 1946), родилась в Белостоке. В доме говорили по-русски, еврейского образования детям не дали, предпочитая обучение европейским языкам (еврейский мир оживал лишь в гостях у бабушек-дедушек). Большую часть детства, включая почти все гимназические годы, Лиза прожила в Лодзи – по ее собственной характеристике, в «польско-еврейской среде»; обучалась в лодзинской женской гимназии с ее многонациональным составом (польки, еврейки, русские, немки). В гимназии и многие учителя, и директриса (сестра российского министра народного просвещения Боголепова) иначе как «жидовками» учениц-евреек не именовали; впрочем, полякам тоже было неуютно: им категорически запрещалось разговаривать по-польски. Гимназию Лиза ненавидела, но училась хорошо. В 1906 году семья Мовшенсон переехала в Петербург, где, за вычетом семи парижских лет (1908–1915), прошла вся жизнь Елизаветы Григорьевны, скончавшейся в 1969 году.

Работу над воспоминаниями Полонская начала в 1961-м (ранее она написала две повести о своем детстве, которые затем, переработав и освободив от беллетристических элементов, включила в книгу воспоминаний). Не издававшиеся ранее мемуары Е.Г. Полонской «Города и встречи» подготовлены мной к печати и выйдут в издательстве «Новое литературное обозрение». Глава из этой книги предлагается читателям «Лехаима».

Свидѣтельство.

Дано сіе отъ Лодзинскаго городского Магистрата
въ томъ, что проживающій въ гор. Лодзи, по Лаванду-
ской улицѣ, въ домѣ подъ № 22, при родителяхъ,
Елисаветѣ Мовиенсонъ, вѣлѣтъ, происхожденія
мѣщанскаго, въ роисповѣданіи Еврейскаго,
Настоящее свидѣтельство выдано, въ свѣдѣствіе проше-
нія проживающаго здѣсь по паспортной книжкѣ въ
Влоцлавскаго городского полицейскаго
Управленія, Гродненской губерніи, отъ 15 февраля
1899 года № 22, Григорія Мовиенсона, инженера,
отца дочки, для представленія въ учебное заведеніе при
опредѣленіи тамъ себѣ послѣднато.

Гор. Лодзь, Апрѣля 15 дня 1899 г.



За Президентъ гор. Лодзи

ЛОДЗИНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ

В мое время, поступая в гимназию, нужно было читать, писать и знать счет. Моей первой учительницей была моя мама. Окончив пансион, мама держала экзамен при учебном округе и получила звание домашней учительницы, с правом преподавания единовѣрцам. Мама знала все, – так мне казалось. Папа тоже знал много и даже умел рисовать и петь, но папа был очень занят своей инженерной работой, и у него не было времени для нас, детей. Нас было двое, мой маленький брат и я. У папы даже не было времени, чтобы пообедать вовремя, он всегда опаздывал к обеду, а мама не плакала при нас, но у нее часто бывали красные глаза. Тогда папа сердился на нее, – мы знали, что он очень вспыльчив. В такие дни за обедом мы сидели совсем тихо и старались говорить шепотом, – брат Саша^[1], я и наша бонна, мадемуазель Жанна.

Мама выучила меня читать и писать и весной повела на экзамен в первый класс лодзинской женской гимназии...

В город Лодзь мы переехали совсем недавно, после того, как папа получил там работу. В этом городе мы еще никого не знали. Это был центр текстильной промышленности Привислянского края Царства Польскаго^[2]. Закончив постройку в

Белостоке, папа получил заказ на большую работу в Лодзи – там предвиделись еще постройки, и папа, всегда искавший счастья в новых местах, решил попытать его здесь.

Маме пришлось расстаться с родителями и сестрами, но она не возражала. Она очень любила новые города. Нам с Жанной Лодзь понравилась: там было много интересных мест для прогулок. Город сильно строился, и мы, бродя по новым кварталам, даже доходили до леса, где собирали грибы. За рынком строилась новая гимназия, и я знала, что буду ходить в нее, а не в старое грязное здание, перестроенное когда-то из жилых квартир. Новый дом с большими широкими окнами, красивым входом, просторным вестибюлем, куда мы с Жанной по любопытству как-то заглянули, произвел на нас самое хорошее впечатление, и я с нетерпением ждала дня, когда пойду туда...

В гимназии самым интересным и новым для меня уроком был так называемый Закон Божий, или история еврейского народа. В детстве, хотя оно и прошло в еврейской среде в маленьком патриархальном Белостоке, я почти ничего не знала о еврействе.

Мама, мамины сестры и подруги любили русскую литературу и привили мне любовь к ней. В семье у деда, на торжественных праздничных собраниях, я принимала участие в обрядах (например, в шуточной краже мацы на пасхальном вечере, когда старшему из внучат полагалось украсть кусочек мацы, за что он или она получали выкуп). Родители мои не были религиозны и мне никогда не говорили ни о Б-ге, ни о вере. Если, живя в Белостоке, они еще исполняли некоторые необходимые требования обрядности, то делалось это только ради деда. С переездом в Лодзь все это было отменено, семья перешла на общую посуду для мясных и молочных блюд, что по еврейской религии считалось грехом. На нашем столе появилась ветчина.

Но в гимназии я была еврейкой и должна была проходить уроки Закона Божьего, так же как православные, католики и лютеране. На урок пришел учитель еврейского Закона Божия, немолодой, с приятным ласковым лицом, одетый не в учительскую форму, а в сюртук, – ученый раввин, доктор Донхин^[3]. Очень сильное впечатление произвели на меня его рассказы о сотворении мира, о первых людях, о патриархах. Что-то необыкновенно обаятельное было в этом человеке, что привлекало к нему сердца детей, да и то, что он рассказывал, было так непохоже на французские сказки, которые я читала с моей бонной, и на стихи Некрасова, которые мне читала мама.

Сейчас, когда я вспоминаю образ Донхина, мне кажется, что он походил на негритянского проповедника, который умеет подходить к сердцам простых неискушенных людей. Я с удовольствием выучила все десять заповедей и с восторгом отвечала их Донхину. Он слушал меня, улыбаясь, потом похвалил с очень серьезным видом: «Ты отвечала лучше всех, – сказал он мне. – Я ставлю тебе пятерку». И хотя он не ставил других отметок, кроме пятерок, но пятеркой, полученной у Донхина, я гордилась больше всего. Из его уст я узнала трогательные легенды еврейского народа: историю Иосифа, проданного братьями в Египет, историю Моисея, которого родная мать, чтобы спасти его от смерти, положила в ивовую корзинку и пустила плыть по течению Нила, где его и нашла в тростниках дочь фараона, историю о том, как Моисей, став взрослым, вел свой народ из Дома Рабства, историю Ноэми, которая была так бедна, что собирала колоски на поле после жатвы. Во втором, в третьем, в четвертом классах Донхин рассказывал нам о правлении еврейских царей.

С каждым годом это делалось менее интересным, и я уже без всякого чувства отвечала урок – о каком-нибудь Оссии, который «не ходил по путям праведным». С

четвертого класса у меня были уже другие интересы и мысли. Но любовь к Донхину я сохранила надолго.

Из учителей я запомнила толстого, обрюзгшего, затянутого в синий форменный сюртук Святухина^[4], преподававшего нам русскую историю. Русскую историю начинали проходить с третьего класса, а всеобщую историю – с четвертого. Святухин был очень строг и требователен. Думаю, нелегко было ему внушать одиннадцатилетним девочкам, да еще плохо понимавшим его литературную речь (среди нас было много полек, немок, евреек), казенные формулы самодержавия и православия^[5].

Помню, он бился с нами целый урок, как кто-то из царей принял из рук патриарха венец, скипетр и державу. Он требовал от нас, чтобы мы обозначили все это одним словом, а за неверный ответ ставил одну двойку за другой. И вдруг меня осенило и я сказала: «Это называется знаки царского достоинства». Святухин был поражен: «Откуда вы знаете? – Я придумала». Он поставил мне пятерку и с тех пор отличал меня среди прочих учениц. Мне кажется, что с этого раза я поняла, какое удовольствие можно получить, дав точное название категории понятий.

Замечательным персонажем была наша классная дама (теперь это называется классная руководительница). В те годы начальство требовало, чтобы классные дамы не выходили замуж или же были вдовами. Наша Александра Ивановна Яроцкая была крошечной женщиной с бледным рыхлым лицом и редкими волосами, зачесанными на макушке головы, где возвышался небольшой узелок. Ее синее форменное платье с белым воротничком всегда было гладко выглажено, хотя носила она его много лет подряд. У нее был резкий и повелительный голос, доносившийся от столика, за которым она сидела, до самых отдаленных парт^[6].

Фрагмент гимназического дневника Е. Полонской.

Придя в класс, она производила переключку – я до сих пор помню в алфавитном порядке фамилии всех сорока двух учениц нашего класса: Адам, Букет, Блюмина, Браун, Буткевич и т. д.^[7] Отметив отсутствующих, Александра Ивановна начинала кричать, обзывая неугодных ей учениц жидами, поляками и компанией, ставя нам на вид неаккуратность нашего внешнего вида. «Редькина, опять голая пришла! Что на вас надето? Опять голая пришла!» И Редькина смущенно закрывала воротничок своего форменного темно-красного платья, который оказывался на один сантиметр ниже положенной вышины наших стоячих воротничков.

Александра Ивановна присутствовала на всех уроках, строго наблюдая за тишиной и порядком. Самостоятельно она вела уроки рукоделия и чистописания. Во время этих уроков она заставляла нас читать вслух, выбирая тех, кто читал бегло по-русски и умел читать осмысленно и выразительно. Мы читали прозу – в младших классах Гоголя, в старших – Тургенева, например, «Бежин луг». Для освоения русского языка это было очень полезно, а тем ученицам, которые читали, – и очень приятно, так как освобождало их от переписывания прописей и обрубливания носовых платков. Несмотря на ее крики, она была неплохим человеком^[8] и принимала участие в наших школьных и личных огорчениях, но была очень подозрительна и обидчива. В те дни, когда у нас оставался свободным урок из-за неприхода кого-либо из преподавателей, она тоже заставляла нас читать вслух, а сама уходила давать свой урок в другом классе. Тут мы, конечно, давали волю своей любви к озорству. Каждая из нас занималась тем, что ей нравилось, – кто причесывался, кто пел, кто закусывал, а самая маленькая в классе, Сима

Санина, забравшись на стул Александры Ивановны, положила голову ей на стол и делала вид, что спит.

Нагрывнув неожиданно во время этого спектакля, Курка^[9] – таково было переходившее из поколения в поколение прозвище Александры Ивановны – вдруг вообразила, что мы изображали ее похороны: «Рано стали отпевать меня! – кричала она. – Распустили волосы, как плакальщицы! Надгробные песни пели? Думали, что я не пойму? Я с вами справлюсь!»

За эту неделю весь класс получил тройки по поведению. Много лет подряд она попрекала нас тем, как мы ее отпевали.

Лодзинская женская гимназия научила меня грамотно писать, разбираться в арифметике, алгебре и геометрии, преподавала основы физики в объеме курса женской гимназии, но вразумительно и ясно. Наш преподаватель физики, чех по национальности, хромоногий и безобразный, по фамилии Педаль, настолько вдолбил своим ученицам известные в то время начала науки об электричестве, теплоте и свете, что, очутившись в Париже на медицинском факультете, я без труда слушала и понимала лекции. То, что я узнавала непосредственно, вытекало из знаний, полученных мною в гимназии.

Педаль, над которым мы тогда смеялись, любил разъяснять все наглядно, с применением к жизни. Мы хихикали после уроков, когда этот кривоногий урод объяснял нам устройство барометра, добавив в виде пояснения, что, поехав в воскресенье в ландо на экскурсию с молодыми дамами, он захватил с собой два зонтика, потому что предварительно рано утром посмотрел на барометр. Смешно было представить себе нашего Педалья в ландо с дамами в белых платьях, но когда он укрывал дам под зонтиками, он делался в своих глазах героем – ведь благодаря науке он сумел предвидеть дождь!

Чего не давала гимназия, возмещало домашнее чтение. Тогда еще не было Географгиза, но детский журнал «Юный читатель»^[10], который мне выписывали, давал два раза в месяц увлекательнейшие книги приложений: путешествия в дебри Африки, путешествия к Северному полюсу, рассказы о жизни детей в разных странах – на южных островах и на Крайнем Севере.



Город Лодзь. 1914 год.

Библиотека гимназии не имела увлекательных книг Майн Рида и Вальтера Скотта, но мама записала меня в городскую библиотеку. В нее же были записаны и некоторые мои подруги, и не только Ливингстон и Стэнли, но и «Всадник без головы» и «Квентин Дорвард»^[11] переходили из рук в руки, удовлетворяя нашу жажду к путешествиям, к познанию мира.

Во втором и в третьем классах мы, девочки, играли в краснокожих индейцев, похищающих жен и невест американских фермеров, или в благородных разбойников, спасающих нежных девушек, посаженных в тюрьму жадными опекунами или мачехами. Каждую субботу после занятий меня приводили к двум сестрам, моим подружкам^[12], и мы разыгрывали с ними втроем невероятные волнующие пьесы: мы опрокидывали столы, закрывали их скатертями, залезали в получившиеся пещеры или палатки, ползали на четвереньках между кадками с цветами и зелеными плюшевыми креслами, что должно было изображать блуждание по непроходимым джунглям.

Из произведений русских писателей мы играли в «Ледяной дом» Лажечникова и «Князя Серебряного» Алексея Толстого. И мстительную, злобную Анну Иоанновну с «золотым» подносом на голове, и грозного Иоанна Четвертого доставалось изображать старшей из сестер, кроткой и терпеливой Соне, а мы с хорошенькой, склонной к буйным приключениям Женей жили в ледяном доме, на Неве (для чего открывалось окно во двор, чтобы создать впечатление петербургского зимнего холода), или прятались в чулане от настигающих нас опричников.

Ī dāēñēīāēā īīāāōīāēāōāēñōā ē īdēī ā:āī ēy Ā.B. Ōdāēīñēīā

^[11] Мовшенсон Александр Григорьевич (1895–1965) – искусствовед, театровед, переводчик, преподаватель; всю жизнь прожил вместе со своей сестрой.

^[12] Имеются в виду 10 губерний (Варшавская, Люблинская и др.) той части Польши по среднему течению Вислы, которая в 1815 году присоединена к России; она именовалась Царством Польским или Привислянским краем; Лодзь была уездным городом Петроковской губернии.

^[13] Донхин Александр Маврович – раввин, учитель еврейской веры в лодзинских мужской и женской гимназиях.

^[14] А.М. Святухин был директором лодзинской женской гимназии (официально – «заведывающим»; см.: Памятная книжка Петроковской губернии на 1904 год. Петроков, 1904. С. 247).

^[5] В неопубликованной документальной повести о лодзинской женской гимназии Полонская говорила об этом так: «Теперь я думаю, что и ему было нелегко обучать русской речи десятилетних девочек, у которых по большей части все домашние говорили по-польски, по-немецки или же на ломаном наречии, составленном из смеси древнееврейских слов с немецкими, русскими и польскими. Впоследствии, через много лет, это наречие стало узаконенным “новоеврейским” языком и получило название “йидиш”. Появились горячие защитники этого “йидиша”, на нем писали повести и стихи, на нем издавались газеты и журналы. Но во времена моего детства над этим наречием, особенно процветавшим в населенных еврейской беднотой городках и местечках Западного Края, потешались не только любители “еврейских анекдотов”, но и приверженцы “чистого” библейско-еврейского языка, да и многие ученые филологи».

^[6] В повести о лодзинской гимназии Полонская описывает свой первый день в гимназии и первую встречу с классной дамой: «Классная дама почему-то рассердилась на меня и закричала пронзительным голосом:

– Вы кто такая? Как фамилия?

Я назвала мою фамилию, а она схватила длинную книгу и стала перелистывать ее.

– В каком классе?

– Я принята в первый класс, – скромно ответила я.

Но она уже нашла мою фамилию и грозно спросила:

– Вы еврейка?

Я знала, что я еврейка, хотя у нас дома не придавали этому значения, и подтвердила, что я действительно еврейка.

Классная дама Курка посмотрела на меня сердито и сказала:

– Вам, как еврейке, особенно надлежит вести себя прилично во время молитвы и не разговаривать».

^[7] В повести о лодзинской гимназии Полонская рассказывала: «Из этого списка учениц я поняла впоследствии, что большинство учениц нашего класса были еврейки. Имелось несколько немок, некоторое количество полек и очень малое число православных. Православной была Чернякова, читавшая молитву, и Редькина, дочка околоточного надзирателя, что по нынешнему означает старший милицейский чин района».

^[8] «Яроцкая любит покричать, все это знают, но она не злая и даже любит свой класс и, если можно, даже выручает. Она только очень обидчивая, ей все кажется, что девочки над ней смеются, а она этого не переносит. Если нашалишь – лучше признаться, чем оправдываться, Курка может простить. Она не терпит, когда ей прекословят. А вот у одной девочки, Саниной, не было денег, чтобы заплатить за второе полугодие, и ее хотели исключить из гимназии, но Курка внесла за нее деньги из собственного кармана. А ведь она сама небогата, живет на учительское жалованье» (из повести Полонской о лодзинской гимназии).

^[9] Т. е. курица (по-польски).

^[10] Журнал «Юный читатель» издавался в Петербурге в 1899–1906 годах.

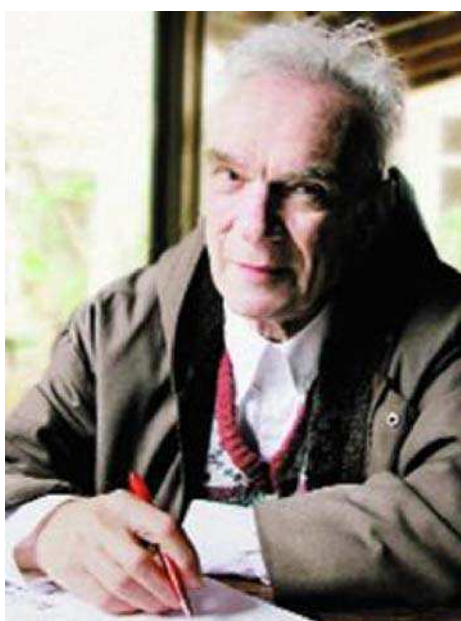
^[11] Романы американского писателя Т. Майн Рида (1866) и английского писателя В. Скотта (1823).

^[12] Речь идет о Жене и Соне – дочках лодзинского частного зубного врача Фанни Григорьевны Дрейцер (младшая, Женья, училась в одном классе с Лизой).

ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД МИХАИЛА ХЕЙФЕЦА

Аאיִתּוֹ אִיִּיִּוֹ אֶעֱתִיִּי אֶדְבַּיִיִּי דֹּ

Израильский журналист и политолог Михаил Хейфец представил в Москве свою новую книгу «Арабы и евреи: конфликт культур. Особый взгляд», изданную тель-авивским издательством «Иврус» в 2007 году. Книга не только описывает почти столетнюю войну евреев и арабов – она касается древних истоков противостояния и объясняет причины, по которым оно продолжается до сих пор. После презентации с автором побеседовал Алекс Рапопорт.



– Конфликт культур – излюбленная тема политических публицистов. Под ним понимают несовместимость религий и возникших на их основе цивилизаций. Но возможен и другой взгляд: конфликт между арабами и евреями начался на территории Палестины только тогда, когда в еврейской среде возобладали сионистские идеи и арабы поняли, что на этой земле может возникнуть еврейское государство. Следовательно, в основе конфликта лежат сугубо материальные причины. То есть базис противостояния – война за территорию, а разговоры о заложенной еще в библейские времена несовместимости религий, культур, цивилизаций не более чем «надстройка», как сказали бы марксисты.

– Я думаю, что цивилизационный конфликт имеет место, но в основе его лежат не религиозные мотивы. Я не считаю ислам более воинственным, чем две другие авраамические религии. В моей книге речь идет о том, что в основе конфликта – разница двух цивилизаций: одну я называю «сельской» и к ней, в частности, отношу арабов, а другую – «городской», к ней принадлежат израильтяне.

Сельская цивилизация связана с набором ценностей, свойственных в прошлом всем народам, и когда-то евреи разделяли их точно так же, как арабы теперь. В сельской цивилизации огромна значимость земли. Тот, кто владеет землей, владеет самым главным.

Чем больше у человека земли, тем он богаче и могущественней. Отдает свою землю лишь тот, у кого нет никакого выхода, кто чувствует себя слабым и вынужден уступить врагу или конкуренту.

Городская цивилизация строится на других ценностях. Важнее всего знания. Ценятся также понимание реальной расстановки сил, умение предвидеть выгодную для себя ситуацию, способствовать ее развитию в нужном направлении и таким образом добиться своей выгоды.

Арабы, естественно, не собирались отдавать землю народу, который они считали слабее себя. Подводилась и религиозная, иначе говоря мифологическая, база: это исламская земля, она должна принадлежать мусульманам. На тех же основаниях можно претендовать на Испанию, на Рим, о котором сказано в Коране, что он вслед за Константинополем станет исламским, на что угодно... Вдобавок Палестина находилась в центре мусульманского мира, средств у арабов было значительно больше, чем у первых сионистов, да и по численности они их во много раз превосходили – этого было достаточно, чтобы еврейских прав на Палестину не признавать.

Безусловно, права евреев, как и права арабов, основаны на мифологии. Но евреи как представители городской цивилизации лучше собирали и анализировали информацию, лучше предвидели возможные опасности, гораздо серьезнее к ним относились – то есть они лучше просчитывали ситуацию в целом. Поэтому евреи всегда одерживали победы в этом конфликте и одерживают их до сих пор.

Я – оптимист. Оптимизм мой основан на том, что все народы постепенно от сельской цивилизации переходят к городской: она более рациональна, она богаче и привлекательнее, хотя имеет и свои слабости. По мере того как арабы вовлекаются в городскую цивилизацию, желание во что бы то ни стало уничтожить Израиль угасает. Сейчас это желание сохраняется только среди исламских фундаменталистов. В этой среде долго преобладало мнение, что уничтожить Израиль нужно, потому что «иншалла» («такова воля Аллаха»). Но конфликт длится долго, уничтожить Израиль не удастся, и начинают раздаваться голоса, что Аллах этого не хочет, что если бы он этого действительно хотел, Израиль уже был бы уничтожен, но по каким-то скрытым причинам ему этого не нужно.

– Веками иудеи благополучно существовали в арабском мире, и никакого серьезного конфликта культур не наблюдалось. Жили там, что называется, как у халифа за пазухой. Известен, например, случай, когда Рамбаму предложили переехать из Халифата в Англию и стать придворным врачом, – Рамбам отказался. За многие века проживания евреев в мусульманских странах не бывало репрессий, хотя бы отдаленно сравнимых с действиями инквизиции, геноцидом гетмана Хмельницкого и Холокостом. Может быть, конфликт религий и культур надуман?

– То, что вы говорите, только подтверждает мою мысль. В Халифате евреи и арабы находились на одной цивилизационной доске. Религиозные различия совершенно не мешали им сосуществовать. Теперь же они принадлежат к разным цивилизациям. И существование «городского» Израиля является для окружающих арабских стран огромным соблазном. Почему, например, такое сильное впечатление производит на палестинцев строительство «стены безопасности»? Чему может помешать стена трехметровой высоты, если ракеты ее перелетают? Но руководители террора понимают, что с появлением стены арабам станет труднее проникать в Израиль, они перестанут видеть, как живут евреи, то есть перестанут сравнивать, завидовать и раздражаться.

Принадлежность к разным цивилизациям не способствует взаимопониманию. Евреи живут индивидуально, а арабы – кланами, «хамулами». Арабы всегда живут в собственных домах, а не в квартирах, как большинство израильских евреев. Когда арабу нужно жилье, он может собрать всю свою родню, и те своими руками построят ему двухэтажный дом. А еврею приходится 25 лет выплачивать «машканту» за свою квартиру. То есть у сельской цивилизации есть свои преимущества. Но в целом городские люди живут более комфортно, и это, конечно, вызов и соблазн, молодое поколение сельской цивилизации постепенно перенимает городские ценности и уже не хочет жить так, как живут их родители.

– Но в мусульманском мире идея конфликта цивилизаций как войны «верных и неверных», «бедных и богатых» поддерживается и развивается вполне городскими и образованными людьми. Вы не думаете, что такое объяснение оправдывает конфликт?

– Теория конфликта цивилизаций появилась не в мусульманском мире, а на Западе задолго до противостояния, которое мы наблюдаем сегодня. Она возникла как реакция на опубликованную в 1992 году работу Ф. Фукуямы «Конец истории», где говорилось, что с падением советской империи исчезло противостояние между социализмом и капитализмом и дальнейшее развитие мира – бесконфликтное распространение буржуазной цивилизации и ее ценностей. В ответ на это профессор Хантингтон выдвинул теорию о том, что народы существуют внутри замкнутых цивилизаций и между ними возможны конфликты независимо от политического устройства.

– Еще раньше Тойнби говорил об основных мировых цивилизациях, которые противостоят друг другу.

– Да, но у Тойнби это была теория истории. Она вся была опрокинута в прошлое и не служила объяснением процессов в современном мире. А когда случились события 11 сентября 2001 года, заговорили о том, что Хантингтон такой конфликт пророчески предугадал. Действительно, противостояние культур существует, живя на Ближнем Востоке, я это вижу, но не считаю, что оно обязательно должно приводить к войне.

– Есть мнение, что у нынешних палестинских лидеров сохраняется психологическая установка на террор, а психология – вещь более консервативная, чем идеология, ее трудно поменять. Вы согласны с тем, что конфликт между палестинцами и Израилем продлится до тех пор, пока в палестинском руководстве остается это поколение, воспитанное на терроре, на идее, что Израиль нужно уничтожить, то есть это, как минимум, еще 25 лет террористической войны?



– И в одном поколении бывают разные политики. Посмотрите на Анвара Садата, который провел несколько войн с Израилем. Он принадлежал к тому же поколению, что и Насер, но у Садата хватило ума и мужества заключить с Израилем мирный договор. Я не знаю, что такое «воспитание на терроре». Обо мне тоже можно сказать, что я воспитан на терроре – в Советском Союзе нас учили, что «если враг не сдастся, его уничтожают». В пример нам ставились люди, отдавшие жизнь ради победы: Александр Матросов, Виктор Талалихин, Николай Гастелло, герои-«панфиловцы». Это нормальный и естественный поступок гражданина – отдать свою молодую жизнь ради страны. И я связываю изменение такой модели поведения не с уходом определенного поколения, а с переменами в политической и общественной ситуации. В палестинском мире возникает стремление развивать свою страну, а не завоевывать чужую. Приходит понимание того, что десятилетия экстремизма ничего палестинцам не принесли, были упущены огромные возможности для развития. Палестина уже могла бы стать цветущим государством, а ее граждане – жить несоизмеримо лучше, чем живут сейчас.

Я могу лишь угадывать направление, в котором палестино-израильский конфликт развивается. Происходит урбанизация арабского общества и постепенное сближение палестинской и израильской позиций. Но сколько пройдет до наступления полноценного мира, четверть века или больше, – я не знаю.

ДУХ И ТЕЛО НАСИЛИЯ

Айя Эмелай

Цель нашей новой рубрики – создавать стереоскопическое представление о процессах, происходящих в современной ивритоязычной литературе. Гидом читателя в мире израильской словесности выступит Анна Исакова, прозаик и журналист, литературный обозреватель ряда ивритских и русских СМИ Израиля.

Роман «Последние обманы тела»^[1] – знаковое событие в творчестве Гайль Харэвен, к телу, впрочем, имеющее весьма косвенное отношение. У писательницы-феминистки сложные отношения с карнальной сферой, все истерическое, маточное, физиологически женское ей как писателю совершенно чуждо. Более того, тело как таковое Харэвен, пожалуй, даже мешает. Оно зачастую растворяется, превращаясь в радужную оболочку, а там, где его присутствие необходимо, формируется нарочито лишенным эротического зова. Героини Харэвен не хотят, чтобы их любили «за это», их требование к физическим проявлениям любви – полное партнерство и самостоятельный выбор.

Но и тут писательницу интересует не столько реализация этого феминистского требования, сколько причины его трудноосуществимости, а также реакция духа на недостижимость желаемого. В силу ее скорее сочувственного мужского, чем чувствующего женского отношения к проблемам героинь, я бы предпочла называть Гайль не феминисткой, а феминистом. Порой создается впечатление, что ее тексты написаны мужчиной, искренне не понимающим, почему столь резонные требования женщины встречают у его собратьев непонимание и отпор.

При всем том сама по себе Харэвен вовсе не мужеподобное, а весьма изящное и очень женственное существо, которому чужды лишь утрированные проявления женственности. Но по складу характера, влияющего, разумеется, и на характер творчества, она в первую очередь солдат, из тех, которые выносят на себе соратников из боя и для которых естественно сказать: «Идите в тыл, я вас прикрою».

Эта не мужиковатость, а мужественность свойственна многим израильтянкам, и в этом отношении лейтенант запаса Харэвен типична для своего места и времени. Творчество писательницы давно переплескивается через феминистские рамки, ею самой себе поставленные, но она остается в строю и под стягом. Так, престижный литературный приз, который был выдан Харэвен в обход претендовавшего на него официального израильского «писателя № 1» А.Б. Йегошуа (что вызвало перепалку критиков и радостное оживление в стане феминисток), был воспринят писательницей не столько как личное достижение, сколько как победа общего стяга.

Эта добровольная привязка к общему делу, вступающая в конфликт с гораздо более широким мировоззрением писательницы и гораздо более глубокими корнями ее творчества, заставляет меня считать «Последние обманы тела» неким поворотным пунктом в творческой биографии Харэвен.

На поверхности перед нами чисто феминистская коллизия: в бедном семейном пансионе поселяется родственник, американский ученый среднего возраста. У хозяев пансиона две несовершеннолетние дочери: одна, Элинора, – самодостаточная, привлекательная, способная и с жестким характером, другая, Элишева, – несколько недоразвитая, покорная, рыхлая, в общем, недопеченная. Гость выбирает для злого дела именно вторую, насилует ее систематически и еще садистски издевается над несчастной. Когда история выходит наружу, семья распадается, мать гибнет, отец бросает дочек на произвол судьбы, и девочки сходят с ума: Элишева – осознав, что с ней произошло, Элинора – из чувства ответственности за сестру и возмущения собственным бессилием.

Дальше пути сестер расходятся. Элишеву спасают добрые христиане-американцы, она исполняется христианской благодати, выходит замуж за американца, рождает дочь и находит в себе силы для прощения. Даже сама предлагает это прощение бывшему учителю.

Элинора остается израильянкой, подавляет душевное смятение, выстраивает вполне удачную судьбу, выходит замуж и рождает двух сыновей, но пламя мести, влеющее в глубинах ее сознания, вдруг вырывается наружу и превращается в навязчивое состояние. В конечном счете она убивает мерзавца, разрушившего ее семью, и делает это не фигурально, во сне или в бреду, а совершенно реально, наяву и продуманно. Убивает – и выздоравливает.

Читатель, разумеется, ожидает первого варианта (фигурального), поэтому почти незаметная в ходе чтения трансформация психологического романа в криминальный поначалу ошеломляет, затем вызывает закономерное возбуждение. Обычно гуманная писательница убила человека – что это должно означать?! Остервенение лейтенанта Харэвен перед волной сексуального насилия, охватившего общество? Но не слишком ли далеко она зашла в своем воинствующем феминизме? С другой стороны, как иначе можно реагировать на создавшееся положение, когда даже президент страны обвиняется в тяжких сексуальных преступлениях?

Однако феминистская линия в романе – всего лишь дань корпоративному долгу. Дело в том, что американский профессор насилует девочку не из сексуальных побуждений. Он ставит эксперимент, необходимый для понимания образа Гитлера, над книгой о котором работает. Сам профессор ребенком с трудом спасся от фашистов. Фашизм – его obsessia. И нет у него иного пути не то чтобы простить, но хотя бы понять образ мыслей ненавистного зверя, нежели попробовать влезть в его шкуру. Отметим, что книга, которую он пишет, называется «От лица Гитлера».

Таким образом, Харэвен убивает не маньяка, а существо, претендующее на рациональное объяснение иррационального. И тут нечто, ощущавшееся во многих произведениях писательницы, выходит на поверхность, прорвав внутренние запреты. На самом деле содержание личности писательницы определяет не столько феминизм, сколько Катастрофа и отношение к ней.

Гайль – дочь знаменитой израильской писательницы Шуламит Харэвен, чудом спасшейся от рук нацистов. Отношение к фашизму и насилию над личностью – главная тема писательской, журналистской и общественной деятельности матери. Разумеется, став писателем (в очень молодом, кстати, возрасте), дочь попыталась отойти на максимальное расстояние от того творческого пространства, на которое столь сильно влияла Шуламит. И все-таки в конечном счете не удержалась. Талант не позволил уйти от неизбежного.

Я бы сказала, роман занимается не столько последними обманами тела, сколько последними обманами духа. Но объявить Гайль, что изнасилование в ее романе – скорее метафизическая, чем реальная коллизия, означает напраситься на весьма недружественную реакцию. Это же именно ее ненавистный герой-маньяк утверждает, что изнасилование – всего лишь метафора. И все-таки придется рискнуть.

Так кого в итоге убила Гайль Харэвен?



Гайль Харэвен.

– Кого я убила? Прежде всего конкретного насильника, а заодно и невыносимого интеллектуала, заявляющего, что «изнасилование – всего лишь метафора». Убила человека, пишущего не биографию, а автобиографию Гитлера. На иврите говорят не «от первого лица», а «от имени тела». Поэтому название книги профессора-насильника можно перевести «Из тела Гитлера». Один из основных вопросов романа: в какое тело не стоит даже пытаться вселиться, то есть кого или что не надо пытаться понять «изнутри»?

Нынешняя интеллектуальная мода такова, что очень скоро кто-нибудь и впрямь возьмется писать биографию Гитлера от первого лица. Разве Питер Лори не написал от первого лица биографию Сталина? А в принципе, как знать, насильничал ли негодяй профессор девочку с целью исследования неразрешимой для него проблемы состава личности Гитлера или вся история с книгой – всего лишь оправдание насильником своих действий?

Кстати, главная героиня тоже пишет книгу от первого лица или, как мы говорим, «от имени тела». Не книгу даже, а газетную рубрику, в которой от лица, или тела, Элинон выступает дура Алиса, предпочитающая видеть вокруг только приятные вещи. Иначе говоря, у нашей Элинон тоже есть чужое тело, которое она оккупирует, или лицо-маска, позволяющая спрятать гримасы истинного лица. Только когда Элинон решается выплеснуть накопившийся гнев и отомстить обидчику, это лицо, или тело, становится для нее лишним и Алиса погибает. Таким образом, убийство профессора ведет и к убийству Алисы, помогавшей читателю воспринимать окружающую действительность в розовом цвете.

Что до автора романа, то мне было совершенно необходимо схватиться с этой фантазией, проверить свою реакцию на нее. Западная литература XX века почти не затрагивает проблему мести. Ей это не позволяет делать так называемая

политкорректность, хотя слово «мечь!» кричит в граффити со стен всех городов мира, а видеотеки полны фильмов на эту тему. Но высоколобые интеллектуалы при слове «мечь» зажимают пальцами нос, словно от него несет чем-то невыразимо пакостным. «Это чувство, – утверждают они, – может возникнуть только у очень примитивных людей». А я считаю, что мечь – одно из основополагающих чувств, самая естественная потребность человеческой природы. И то, что евреи в массе своей не стали после Катастрофы вечными мстителеми, – одно из чудес света.

Не пойми меня неправильно, я не призываю к мести, но и не считаю, что мы должны уподобиться викторианцам, постановившим для себя: для порядочного и интеллигентного человека не существует понятия секса. Так вот, существует секс, и существует потребность отомстить, а то, как человек реализует эти чувства, желания и потребности, есть вполне допустимая и даже необходимая для творческого исследования тема.

Надо сказать, реакция читателей на образ Элинон оказалась очень разной, просто полярной. Многие, особенно женщины, полюбили мою героиню всем сердцем, а другие возненавидели ее. Особое возражение вызвал как раз тот факт, что именно женщина сотворила все эти ужасные вещи. Чувство мести и его реализация словно приписаны к мужскому полу. Поэтому всепрощающая Элишева показалась многим читателям гораздо более адекватной своему полу, да и вообще идея прощения легче вписывается в современную психологическую догму, призывающую не изменить мир, а, напротив, приспособиться к нему, изменив для этого наши душевные качества.

Ну а насчет феминизма ты не права. По большому счету роман все же феминистский. Но не буду отрицать, что вопрос, в какое тело не стоит забираться и от какого лица не следует говорить и действовать, занимает в нем почетное место. И знаешь, говорить от лица оскорбленной мстительницы – это одно, а говорить от имени Гитлера – другое. Эти вещи нельзя сравнивать.

^[1] Гайль Харэвен. А-шкарим а-ахроним шель а-гуф. Издательство «Ахузат байт», 2008.

Господин из Сан-Франциско и его еврейский «Титаник»

Ирен Немировски

Давид Гольдер

Пер. с фр. Е. Клоковой

М.: Текст, 2008 (серия «Проза еврейской жизни»). – 203 с.



Лиззи Дорон

Почему ты не пришла до войны?

Пер. с нем. А. Шатиной

М.: Текст, 2008 (серия «Проза еврейской жизни»). – 187 с.



«Давид Гольдер» – небольшой роман, точнее даже повесть, о семье французских евреев, выходцев из Российской империи, с элементами острой социальной сатиры. Гольдер – бизнесмен, его жена Глория (бывшая Хавка) и дочь Джойс (выясняется, впрочем, что она не его дочь) – светские дамы, ненавидящие друг друга и рассматривающие своего мужа и отца, который к тому же тяжело болен, исключительно как дойную корову. Сверкание брильянтов, разврат и усталость от жизни, беспредельный эгоизм и злоба, атмосфера fin de siècle (в самом дурном смысле) и затишья перед бурей, зияния во мраке несметных огней «Титаника», несущегося на айсберг.

Первый роман Ирен Немировски, киевской гимназистки и сорбоннской студентки, грешит некоторой ходульностью. Все персонажи – за исключением, пожалуй, главного героя – разговаривают записными репликами своих амплуа: расчетливая неверная жена, она же – молодящаяся старуха, ее любовник – постаревший жиголо и приживал, корыстолюбивая и сластолюбивая дочь и ее любовник – инфантильный альфонс и т. д. Однако Немировски, как известно, погибла в Освенциме, поэтому о ее творчестве – aut bene, aut nihil.

А вот некая Елена, героиня книги Лиззи Дорон, – выжила. Но получила на всю оставшуюся жизнь посттравматическое стрессовое расстройство. Она живет и растит дочь под знаком Катастрофы, в атмосфере жутковатых ритуалов памяти: сборищ соседок, за закрытыми ставнями, при свечах, оплакивающих всех погибших, ежегодных, на Йом Кипур, обвинений Б-га перед всей синагогой, вырезаний лиц на фотографиях. Не терпит ничего немецкого – все немецкие товары, попадающие в их бедный дом, оказываются на помойке; не принимает компенсацию от Германии и продолжает жить на грани нищеты, при этом записку Всевышнему у Стены Плача пишет на немецком. Всю жизнь себе и дочери обесцвечивает волосы и, уже потеряв рассудок, твердит одно: «Спасутся только блондины!» Хранит в чемоданчике истлевшую лагерную форму с желтой звездой, личинками червей и запахом смерти. Дочь ее стесняется. Ясное дело.

Казалось бы, ничто не объединяет эти две книги. Герои одной жили до Холокоста, другой – после. Одни богатые, другие бедные. Одни в Европе, другие в Израиле. Одни, условно, плохие, другие – хорошие.

Пожалуй, лишь то, что оба автора – женщины.

Или то, что, хотя обе хорошо написаны, но в процессе чтения не покидает чувство, что нечто подобное ты уже не раз читал.

Или то, что речь идет о семьях. О еврейских семьях. О семьях глубоко несчастных и нездоровых. Вот другой делец, партнер Гольдера, пуританин Джон Тюбинген работает ради Дела, конечно (ибо нет ничего важнее для доброго кальвиниста), но главное – ради детей и внуков, ради будущего своей семьи. И у него есть смысл жизни, в отличие от Гольдера. У израильских сабр, живущих через улицу от Елены и ее дочери, тоже все хорошо: панамки, сандалии, хумус, искренность и героическая родина. Видимо, плохо только европейским евреям.

И еще одно: эти две книги могли бы быть частями одной истории. Елена стесняется своей бедности – значит, с детства привыкла к чему-то иному. Она говорит, что чуть ли не королевских кровей. Королевских – для польской еврейки немного слишком, но она вполне могла быть дочкой какого-нибудь еврейского «аристократа»-плутократа, польского Давида Гольдера... Вот какое будущее ждет легкомысленную красотку Джойс Гольдер и вот на какой айсберг плывет «Титаник» с богатыми, пресыщенными, бесчувственными и порочными биаррицевскими евреями на борту. На айсберг Катастрофы.

Áààèä Áàðò

МИФ, КОТОРЫЙ ПРАВИТ МИРОМ

Саймон Голдхилл

Иерусалимский Храм

Пер. с англ. А. Олефир

М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – 192 с.



Древняя история как наука редко пользуется спросом – те методы исследования, которые мы знаем со школьной скамьи, не вызывают особого желания продолжать знакомство. На смену им за стенами академий приходят заумные для простого читателя приемы постмодерна, а на рынке – «загадки древних цивилизаций», где история утоплена в тоннах мистических гипотез и высосанных из пальца чудес.

Поэтому нельзя не порадоваться переводу грамотной книги об одном из самых известных феноменов древности – Иерусалимском Храме. Саймон Голдхилл – профессор-классик, известный на Западе своей книгой о сексуальности в античности; здесь автор выступает скорее как публицист, что, однако, лишь делает труд более доступным широким кругам, не снижая его точности и даже, до некоторой степени, научности.

Новая работа Голдхилла принадлежит к области «истории мифов» – молодому научному направлению, подающему большие надежды. Перед нами тот редкий случай, когда решение серьезной исторической задачи может быть востребовано публикой. В этом смысле название издательской серии – «Биография чудес света» – глубоко обманчиво. Разговор пойдет не столько об архитектурном памятнике или о культовом центре Иудейского царства, сколько о символе, до сих пор владеющем умами.

Политологи давно отметили, что в борьбе за власть эмблема куда полезнее, чем конкретные идеи и программы. Увы, привлекательность слогана или яркость символа сильнее доводов разума, ибо мобилизуют подсознание. Однако не только политика, но и история может быть рассмотрена с этой точки зрения. Более того, именно в таком ракурсе она может оказаться интересна и актуальна почти для каждого.

Если для «истории фактов» Иерусалимский Храм заканчивается его разрушением в 70 году, то для истории мифов он только начинается: именно Храм, которого нет, становится нерушимой твердыней, к которой апеллируют представители всех трех авраамических религий. Образ Храма оказывает на жизнь куда более мощное влияние, чем могло бы оказать реальное здание, – идея, хорошо понятная в эпоху брендинга и рекламы. Миром правят не личности, не явления, даже не идеи, а мифы – людские чаяния, сгущенные в символе. Не их ли следует изучать историку?

За доказательствами власти мифа далеко ходить не нужно. Все мы помним, как восхождение Шарона на Храмовую гору в 2000 году вызвало новую интифаду. Один лишь шаг одного человека оказался весомей для всего мира, чем десятки и сотни других спорных земель. Но такие же примеры окружают нас и в прошлом. Рыцари-крестоносцы из разных государств Европы смогли прекратить распри и забыть личные обиды для многолетнего бессмысленного, с точки зрения логики, броска на Восток – к несуществующему Иерусалимскому Храму. Что, впрочем, не помешало им – о чем Голдхилл умалчивает – уничтожать по пути евреев, которые этот Храм построили. Миф беспощаден к исторической правде – он приходит творить историю, а не хранить.

Мифологический метод позволяет Голдхиллу собрать воедино данные разных отраслей гуманитарного знаний. Специалисты по мариологии редко задумываются о том, что изображения храмового портала на еврейских миниатюрах восходят к колоннам храма Св. Петра в Риме; аналитики арабо-израильского конфликта знать не знают, что Купол Скалы стал прототипом внутренней отделки ашкеназских синагог. Каждый из этих фактов сам по себе лишен всякой ценности, но взятые вместе они образуют реальную и противоречивую картину цельного культурного явления. Вся история, от царя Давида бен Ишая до премьера Давида Бен-Гуриона, нанизана на нить одного-единственного сюжета, где бейт-мидраш встречается с христианской теологией, а вчерашние газеты – с преданиями Талмуда и Корана.

Yéèòà Áîã àí

БЕЛАЯ КНИГА

Джонатан Сафран Фоер

Жутко громко и запредельно близко

Пер. с англ. В. Арканова

М.: Эксмо, 2007. – 416 с.



Не задумывались ли вы в детстве, почему этажи стоят, а лифты ездят, – а не наоборот? Не мечтали ли изобрести поезд длиной от Москвы до Питера, чтобы дверь последнего вагона сразу открывалась в пункт назначения? Если да, то вам, безусловно, сюда. А если и нет – не поздно вспомнить; может статься, вы просто забыли, как были ребенком.

Совсем недавно издание «Полной иллюминации» открыло русской публике Дж. Фоера. Теперь «Эксмо» преподнесло новый подарок в виртуозном переводе того же Василия Арканова.

Фоер – писатель молодой, а для автора двух мировых бестселлеров даже слишком молодой. Однако ни в мастерстве, ни в мудрости ему не откажешь. Можно только порадоваться – как таланту, так и его востребованности: широкое признание многотомных томов глубокой и изысканной прозы делает современному читателю честь. А быть может, даже дает основание надеяться, что мода на чернуху, порнуху и заумь подходит к концу.

Фигуры такого масштаба давно не возникали на горизонте западного романа. Фоер пронизателен, как Моэм, порывист, как Фолкнер, и философичен, как Апдайк. Лиричности он учился у Маркеса, рефлексии – у Кортасара. Но что до сих пор осталось неотмеченным, так это блистательное сочетание реализма и абсурда – видно, потому, что мы не привыкли к оптимизму ни в том ни в другом.

Как и в первом романе, Фоер создает «остраненный», сдвинутый-на-чуть-чуть образ мира. На сей раз цель достигается возрастом – лирическому герою всего восемь лет. Быть может, он где-то выходит неправдоподобно ироничным, где-то – по-подростковому серьезным; нелегко передать «поток сознания» карапуза. Но, в любом случае, ему не откажешь в любопытстве, изобретательности и простой вере в простую детскую логику.

Между двумя книгами Фоера вообще много общего. Снова – почти детективный – мотив поиска. Запутанная композиция. Колоритная речь. Снова Фоер пытается, следуя заветам критического реализма, связать судьбы героев с историческими

катастрофами: отец мальчика погибает в теракте 11 сентября, а молодость деда и бабки приходится на Германию 1930-х годов. Только участники мировых катаклизмов не любят вспоминать их всуе – вот Фоер и внедряет эти факты тонко, ненавязчиво. Удерживая читателя на грани догадки.

События, изменившие мир, проявляются несмело, как тени, – ведь в таком виде они присутствуют и в нашей повседневной памяти. От назойливого, дидактического поминовения Фоер далек, как никто другой, но этим дает лично прочувствовать человеческое горе убедительнее любой «Черной книги».

Роман Фоера – скорее уж «белая книга». Автор словно бы сам простодушен, как восьмилетний сирота, еще не понимающий, почему взрослые его жалеют. Своего рода «Белую книгу» пишет и бабушка героя. По слабости зрения она не заметила, что печатает повесть своей жизни на машинке без ленты. Фоер цитирует оттуда страницы три – они «чище правды свежего холста». В мемуарах покойного деда мы читаем, как тот не посмел признать оплошность супруги и долго штудировал отсутствующую рукопись. Хороший пример того, как умозрительные постмодернистские приемы обретают у прозаика чувственную плоть и бытовую пронзительность.

Однако главная притягательность Фоера, конечно, в его стиле. И впрямь «жутко громком и запредельно близком». В каждой фразе – метафизический надрыв и детская наивность. Трезвая шутка и поэтическое упоение. Жизнь, бьющая ключом у самого гробового входа. Кажется, язык сейчас лопнет по швам от переполняющей его радости бытия – бытия вопреки всему. Поэтому можно сказать, что скрытая пружина романа – «заповедь освящения жизни». И в этом смысле Фоер – настоящий «писатель после Освенцима».

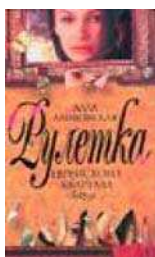
Yëèòà Áîã àí

ВИЛАМИ НА РОДУ

Алла Дымовская

Рулетка еврейского квартала

М.: Астрель; АСТ, 2007. – 349 с.



Алла Дымовская не дебютант в прозе, ее предыдущий роман «Семь корон зверя» даже принес ей, как утверждается в пресс-релизах, славу новой Улицкой. Дымовскую приглашают на телевидение, устраивают пышные презентации, называют «известным литератором и философом».

Действительно, когда в финале, продравшись через потемки чужой души, обнаруживаешь: выхода не будет, – без философии не обойтись. Видимо, именно поэтому вместо эпилога помещен фрагмент Макиавелли о предопределении: судьба лишь наполовину определяет путь человека, наполовину же – он сам. Так и читателю, которого автор покинул, не предложив и намека на катарсис, остается самому достраивать и нравственную оценку, и скрытый смысл романа.

В любом случае, дойдя до последней страницы, понимаешь: бессмысленность, грязь и тотальная безнадега – сознательный эстетический ход. В этом при желании можно и впрямь увидеть нечто общее с Улицкой. Что поделаешь, эпоха литературных хэппи-эндод (да и любых «эндод») закончилась. Настоящему писателю ни к чему сюжетные интриги и духовные перипетии. Современный роман должен быть скучен и беспросветен, как современная жизнь. Подлинная коллизия происходит лишь в сознании читателя, которому предстоит перейти от чувства гадливости к переоценке собственного существования. Читательское омерзение словно призвано стать ключом к исправлению себя.

На эту задачу работают, надо полагать, и примитивная прорисовка характеров, и нарочитая неряшливость языка – плохо отредактированный женский речитатив со стилистическими ошибками на каждой странице. Желание хорошенько помыться по прочтении должно быть искренним.

Сразу оговоримся: ничего ужасного в книге не происходит. Молодая женщина, покончив с собой, получает возможность прожить жизнь еще раз. И вот, шаг за шагом, через криминал и чуть ли не проституцию, она добивается не доставшегося ей прежде успеха – лишь для того, чтобы сурово отомстить всем, кто ее притеснял, начиная с родной бабки. Вознаграждать благодетелей графиня Монте-Кристо не собирается – да и не попался на ее пути ни один приличный человек.

В центре книги – московская еврейская диаспора, частью которой Соня имела несчастье оказаться в прошлой жизни. Ни религиозных традиций, ни культурного наследия тут не найдешь – только пошлость и ничем не мотивированный гонор. «Полукровок» и «-овичей» – детей сапожников – здесь презирают как низшую касту. А члены касты высшей женят детей внутри своего круга и соревнуются в материальном достатке. Зато могут поговорить между собой на иврите и помнят пару легенд из Библии – например, будто негры, потомки Хама, обречены быть порабощенной расой. А над всем этим мирком – засилье безжалостных «еврейских мамаш»...

Неудивительно, что, вырвавшись в новую жизнь, Соня Фонштейн первым делом берет национальность отца и становится русской. От всего еврейского держится за версту. Получает новое имя. Однако проходят годы – и она неожиданно ловит себя на тех же расовых предрассудках. «Понятия их маленькой еврейской общины, – пишет Дымовская, – в смысле своем слабо расходились с мнением Адольфа Гитлера». Ненавистные героине еврейские черты проступают в ней все отчетливее по мере морального падения. В конце концов она возвращается на прежнее место – только победительницей, а не побежденной. Перед нами появляется «еврейская мамаша» нового типа – еще более безжалостная, с криминальными связями и убийством на совести.

Такова «рулетка еврейского квартала» – можно изменить все, кроме национальности. Можно начать жить заново – но нельзя переделать мир, в котором есть только злодеи или жертвы. В этом смысле роман Дымовской – еще одна книжка о том, как делают антисемитом. «Предыдущий роман был о том, что среди нас живут вампиры, новый – о том, что среди нас живут евреи», – иронизирует на «Букнике» М. Шейнман. Но антисемитизм, разумеется, тоже лишь часть художественной игры, лишний способ заставить «интеллигентного читателя» передернуться. Вот только оценит ли читатель эту игру?

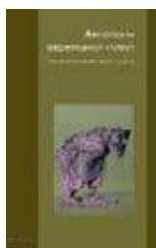
Yëèòà Áîã àí

АБЕТКИ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Антология еврейской поэзии

Украинские переводы с идиша

Киев: Дух і літера, 2007. – 672 с.



Наметившийся тренд последних лет – перевод на русский язык важнейших текстов еврейской культуры. Соседи – Украина, например, – тоже не отстают. Среди последних украинских изданий – антология переводов еврейской (идишской) поэзии.

Составители, поэт Велвл Чернин и переводчик Валерия Богуславская, включили в антологию произведения 90 поэтов XIX–XXI веков. Получился внушительный том – около 500 стихотворений. Книга обладает всеми отличительными признаками серьезного издания: вступительная статья доктора филологии Чернина о развитии поэзии на идише, предисловие Богуславской о параллелях между украинской и еврейской поэзией, биографические сведения о поэтах и переводчиках, библиография, алфавитный указатель и даже указатель библейских, мифологических и литературных персонажей.

Из существующих антологий еврейской поэзии наиболее известны вышедшие в середине 1980-х годов в Америке «Penguin Book of Modern Yiddish Verse» и «American Yiddish Poetry: A Bilingual Anthology» (вторая с параллельными текстами на идише и английском – очень правильный формат для подобного издания), выдержавшие не одно переиздание. Над составлением этих книг работали такие известные исследователи, как Х. Шмерук, Р. Вайс, И. Хау, Бенджамин и Барбара Харшав.

Украинская антология – первый подобный опыт издания еврейской поэзии на одном из славянских языков. На русском ничего похожего пока не выходило, хотя в Петербурге сложился коллектив переводчиков, которые работают над сходным проектом и успели выпустить несколько книг переводов разных поэтов.

Надо сказать, что переводы еврейской поэзии на украинский язык делались и ранее: П. Тычина, М. Рыльский, И. Франко, М. Фишбейн переводили М. Розенфельда, М. Пинчевского, Л. Квитко, А. Кушнирова, И. Фефера и других. Ценность нынешней антологии в том, что в нее впервые вошли произведения современных еврейских поэтов – Г. Когана, Л. Беринского, Ф. Хаймовича, М. Фельзенбаума, В. Чернина.

Однако, к великому сожалению, в большинстве переводов, сделанных В. Богуславской (а ей принадлежит более половины переводов в антологии) происходит замена важнейших элементов еврейской картины мира. Некоторые фрагменты исчезают

без следа, появляются новые, зачастую абсолютно чуждые компоненты. Так, с легкой руки переводчика, в стихотворении С. Ан-ского «Клятва» – гимне «Бунда» – пропали ключевые слова «Мы клянемся в безграничной верности “Бунду”». В «Колыбельной праматери Соры Ицхаку» И. Мангера появились овцы, которые хотят за Синай. Героиня стихотворения М. Гебиртига «Рейзеле» просит возлюбленного приходить к ней исключительно в «филактериях и маген-довиде» (в оригинале Рейзеле связала ему «тфилн-зекл» – мешочек для тфилин с изображением звезды Давида – и просит рассказать об этом в молельне).

И таких «трудностей перевода» очень и очень много. Богуславской удался перевод О. Дриза (чей сборник «Четверта струна» вышел годом ранее в том же издательстве), жаль, что с Антологией этого не получилось. Однако хочется, чтобы тенденция, свидетелями которой мы являемся, продолжилась. Будем надеяться, что мы увидим новые книги, переводы самого лучшего качества скоро, в наши дни. Шкоех!

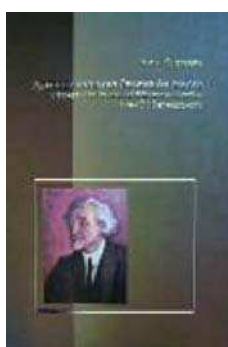
Аііà Ніѡѡєіà

«ДУХ І ЛІТЕРА» СЕМЕНА АН-СКОГО

Архивное наследие Семена Ан-ского в фондах Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского

Составитель Ирина Сергеева

Київ: Дух і літера, 2006. – 544 с.



Киевское издательство «Дух і літера» с середины 1990-х годов издает книги по иудаике. За это время вышло более сорока наименований. Среди них – собрание документов из архива Семена Ан-ского, подготовленное И. Сергеевой.

Семен Акимович Ан-ский (Шлойме-Занвл Рапопорт, 1863–1920) – известный еврейский писатель, этнограф, общественный деятель. Он родился в местечке Чашники Витебской губернии, получил традиционное образование и до 17 лет практически не знал русского языка – только идиш и древнееврейский. Вскоре, однако, Ан-ский стал маскилом – сторонником еврейского Просвещения, а затем примкнул к народникам и практически отошел от еврейского образа жизни. Впоследствии, будучи в эмиграции в Париже, Ан-ский встретился со своим другом детства – Хаимом Житловским, идеологом идишизма. Влияние Житловского и произведений И.-Л. Переца вернули Ан-ского, которому в то время было уже за сорок, к еврейству. В 1904 году в журнале «Дер фрайнд» была опубликована его сатирическая поэма «Дер ашмедай». А после революции 1905 года он вернулся в Петербург, где принимал активное участие в еврейской общественной жизни. В 1912–1914 годах Ан-ский организовал серию этнографических экспедиций при финансовой поддержке барона Гинцбурга, положив тем самым начало изучению наследия российского и восточноевропейского еврейства.

«Архивное наследие Семена Ан-ского» представляет собой описание обширной коллекции документов, хранящейся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Эти документы попали в Киев в начале 1930-х годов из Ленинграда вскоре после закрытия Еврейского историко-этнографического общества и Еврейского национального музея. Аннотированное описание 1420 единиц хранения снабжено полноценным научным комментарием, библиографией и указателями (именным, географическим, указателем названий общественных организаций, периодических и продолжающихся изданий).

Книга состоит из пяти разделов: I. Литературно-художественные и научные материалы; II. Материалы служебной и общественной деятельности; III. Переписка; IV. Фотографии; V. Коллекционные материалы (фотографии и другие документы, собранные лично Ан-ским). Кроме того, украинский читатель найдет подробный очерк о жизненном пути Ан-ского, его творческой и общественной деятельности в России конца XIX – начала XX веков, а русскоязычного читателя порадует впервые опубликованная лекция одного из участников этнографических экспедиций Юлия Энгеля «Еврейская народная песня. Этнографическая поездка», а также переписка Ан-ского с В.Г. Гинцбургом 1912–1914 годов.

Эти уникальные документы не только зафиксировали детали подготовки и организации этнографических экспедиций и составления программ для собирания материала (знаменитый «вопросник Ан-ского») – в них также нашли отражение такие события российской и еврейской истории, как «дело Бейлиса» и начало первой мировой войны. Переписка Ан-ского и Гинцбурга представляет собой особый жанр – это письменная коммуникация благотворителя и благополучателя. Письма Гинцбурга исполнены искреннего уважения к Ан-скому и его коллегам, живого интереса к финансируемому проекту – он вникает в мельчайшие детали организации, помогает советом. Эта переписка – маленький фрагмент истории российской еврейской благотворительности – позволяет понять особенности сбора пожертвований в еврейской общине, увидеть драматургию взаимоотношений партнеров Гинцбурга по спонсированию этнографических экспедиций.

Безусловно, составленная И. Сергеевой книга будет интересна и полезна не только архивистам, культурологам, историкам, этнографам, но и специалистам по фандрайзингу, связям с общественностью и инвесторам.

Аїїà Нідрєєїà

ВРЕМЕНА ГОДА ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Осип Манделъштам

Времена года в жизни и поэзии: Избранные стихи

Иерусалим: Филобиблон,

2007. – 120 с.



Иерусалимское издательство «Филобиблон», отметившее в конце прошлого года свое 10-летие, занимает видное место на израильском рынке русской книги. В его активе около 60 наименований – художественная литература, дневники и мемуары, альбомы и книговедческие исследования, справочники, детские книги, наконец, три выпуска альманаха «Иерусалимский библиофил» (владелец «Филобиблona» Леонид Юниверг в течение 15 лет возглавляет основанный им Иерусалимский клуб библиофилов). Логотип издательства – иерусалимский лев, держащий книги, – символ продолжения на земле Израиля традиций российского книгоиздания (недаром первой книгой, изданной «Филобиблоном», была монография Л. Юниверга «Издательский мир Иосифа Кнебеля»).

Своеобразие «почерка» «Филобиблona» в полной мере сказалось в сборнике избранных стихов Осипа Манделъштама. Человек и время в его необратимом движении, поэт и «век» – эта проблема стала центральной в книге. Составители, И. Мастбаум и Л. Юниверг, попытались, как пишет в предисловии Аркадий Красильщиков, «взглянуть на “биографию” поэта через сопряжение этапов его жизненного и творческого пути со сменой времен года». Весна, лето, осень, зима – так определены четыре периода жизни Манделъштама: 1909–1913, 1914–1922, 1923–1932, 1933–1937.

Еще Пушкин указывал на связь биографии поэта с явлениями природы. В 6-й главе «Онегина», прощаясь со своей юностью и сожалея о «весне» промчавшихся дней, он приветствовал наступивший «полдень» жизни, а в стихотворении «Была пора, наш праздник молодой...» приходил к выводу о неизбежности внутренних изменений человека под воздействием времени: «Вращается весь мир вокруг человека, – / Ужель один недвижим будет он?»

Тему становления поэта и его «самостоянья» в противоборстве и одновременно трагическом единстве с «прекрасным жалким веком» составители воплотили в подборе материала и в композиции книги. Сюда вошли 56 стихотворений Манделъштама и фрагменты его прозы. Своеобразным комментарием к стихам и судьбе поэта являются открывающие разделы стихотворения его современниц – Ахматовой и Цветаевой.

Подчеркнута в книге и та еврейская нота, которую внес Мандельштам в звучание русской души. Об этом выразительно написал его младший современник Борис Нелепо (четверостишие рано умершего поэта составители отыскивали в его единственном сборнике, вышедшем в Ленинграде в 1925 году):

Ā āī:éóñ āīāī é óī àè éāāāōāō

ñēyī īā ēōēñō àēēā;

Āōāī é ēñ:āçè āā, ñō àèā āīāā

ñēīī áé.

ōāé é īīyò, īāōīī ēē òū

ā òāñēōp āōōó ñēó:āéī ī

Āōāñō è Ēçōāèyñ ñēū óçéōp

āōā:ū çāī èè.

В приложении помещены переводы стихов Мандельштама на другие языки: немецкий – П. Целана, английский – К. Кикоина, французский – Л. Жданко-Френкель, иврит – П. Криксунова.

Книга проиллюстрирована Ителлой Мастбаум, создавшей целостный зрительный ряд судьбы поэта в сменяющихся пейзажно-бытовых картинах, куда вмонтированы подлинные фотографии Мандельштама. На обложке – портрет молодого Мандельштама, благодаря пергаментному суперу как бы проступающий сквозь завесу времени.

Племянник поэта Александр Мандельштам, живущий в Израиле, в письме к Л. Юнивергу писал: «Этот шедевр увидеть бы Осипу Эмильевичу в зимнюю пору его жизни!» Выпустив эту книгу, издательство сделало прекрасный подарок библиофилам: тираж ее 925 экземпляров, из них 700 на бумаге верже пяти цветов, 200 – на бумаге хромомат, 25 – нумерованные с раскраской от руки.

Ñòéā Ēāēī

КОГДА ЗА ДЕРЕВЬЯМИ НЕ ВИДНО ЛЕСА...

А.К. Тихонов

Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в.

СПб.: Издательство Петербургского университета, 2007. – 355 с.



Автор называет свою книгу «монографией». Претензия значительная, и ее подкрепляет само название книги. Которое, впрочем, сразу вызывает вопросы. Исследование положения любой из перечисленных религий в указанный период могло бы послужить материалом для отдельной монографии, и не одной. Почему А.Тихонову пришла мысль объединить именно эти конфессии в своей книге, не очень понятно. Тезис в предисловии – «выбор в их пользу обусловлен тем влиянием, которое представители данных религиозных исповеданий оказывали на политику страны <...> особенно на окраинах государства» – ничего не объясняет. О какой «политике страны» идет речь – внутренней, внешней? Немаловажное значение в жизни России играли протестанты, а на окраинах значительную роль играли, например, буддисты. Однако ни те ни другие в качестве объектов исследования не привлечены.

В монографии рассматривается, скорее, история государственной политики по отношению к этим трем религиям. И практически ничего не говорится об их духовно-культурном вкладе в жизнь страны.

Не касаясь католичества и ислама, обратимся к разделам, посвященным иудеям.

Несмотря на то что автор проработал изрядное количество литературы, приведенная библиография вызывает вопросы. Так, в самом начале книги даны развернутые источниковедческие характеристики книгам А.Солженицына «Двести лет вместе» и Я. Рабиновича «В поисках судьбы», которые никак не могут служить источниками для серьезной исторической работы. Более того, признав книгу А. Солженицына «научно-публицистической», автор далее активно на нее ссылается, как и на книгу Рабиновича. Казалось бы, эта странность должна в какой-то мере компенсироваться многочисленными ссылками автора на архивные первоисточники. Но здесь обнаруживается другая странность: такими ссылками нередко сопровождаются абсолютно тривиальные и всем известные выводы. Так, зачем-то автору понадобилось ссылаться на документы РГИА в подтверждение следующего тезиса: «С иудеями считаются вследствие их сильной сплоченности, поддерживаемой кагалом».

Значительная часть материалов об иудеях представляет собой стандартный пересказ истории евреев России, что никак не может служить частью монографического исследования. Вряд ли уместны в новейшем научном труде утверждения: «Первое, с чего хотелось начать и на что мало обращают внимания при изучении данного вопроса, – это определить понятия “еврей” и “иудей”. Объективности ради следует отметить, что подавляющее число иудеев были евреями». Автор искренне полагает, что открывает Америку...

К сожалению, никакой новизны в общую картину положения иудеев в России автор не внес, и говорить о серьезном вкладе в науку здесь не приходится. Но читатели могут почерпнуть немало интересных документальных свидетельств, и в этом смысле труд А.Тихонова небесполезен.

Р.д.е. О.а.а.е

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СТРАНЕ ЦИАМ

Документальные материалы по истории и культуре евреев в фондах
Центрального исторического архива Москвы.

Путеводитель

Сост. Д. Фельдман и Ю. Крутиков

М.: Дом еврейской книги; Древлехранилище, 2006. – 96 с.



Эту книгу давно ожидали все, кто так или иначе занимается историей московского еврейства XIX – начала XX веков. И не только ожидали, но тут же приобрели, едва завидев на магазинной полке. А все потому, что специалисты прекрасно знают, как легко можно заблудиться в архивных документах и утонуть в материале, особенно если речь идет о ЦИАМ – Центральном историческом архиве Москвы. А тут изящная книжечка карманного формата, с описаниями фондов, с рассказом об их истории, с именным и географическим указателями и даже с альбомчиком фотографий наиболее примечательных личностей, документов и зданий, связанных с историей московской еврейской общины. Замечательная высокопрофессиональная работа. Даже просто для чтения книга по-своему любопытна: сухое перечисление названий документов – деловых, торговых, общественных, религиозных, научных, личных, серьезных, курьезных – создает ощущение погруженности в реалии ушедшего времени, в то, чем люди жили и интересовались, как зарабатывали на жизнь, какие проблемы решали. Недаром путеводитель раньше называли *Vademecum* – «иди со мной». Эта книга – хороший спутник для историков.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

ВИНЕГРЕТ ИЗ ШАМАЯ И САШИ ЧЕРНОГО

Петр Люкимсон

На кухне моей бабушки

Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 320 с.



Речь идет о бабушке, вернее, о целых четырех бабушках Петра Люкимсона, израильского публициста и главного редактора таблоида «Русский израильтянин».

Что нового можно почерпнуть из очередного кулинарного «песенника» после таких книг, как «Ароматы еврейской кухни», в одной только Америке пережившей более двадцати изданий? Оказывается, можно.

Люкимсону удастся соединить несоединимое: еду и культуру – от Шир а-ширим до споров Шама с Гилелем, от средневековой поэзии Йеуды Галеви до обрядовых народных песен ашкеназов, поэзии Саши Черного, Иосифа Уткина, Лейба Квитко, Бориса Слуцкого... Какая вкуснятина!

И совсем немного, кажется, на этом фоне простой еврейской еды, той самой, что готовили маленькому Пинхасу в послевоенных украинских Прилуках и белорусском Гродно четыре его бабушки: Белла, Геня, Поля и Соня. Ничего особенного. Винегрет и форшмак, пара рецептов из яиц, два-три морковных цимеса, пять разных гефилте фиш, гефилте хенделе (петушок), тейглах, кихелах, монелах. Немного из кухни сефардской – автор довольно долго жил в Баку. Ах, эта крошечка на кислом кефире! И ледяной бурачный литовский борщ. Бац! – израильская шашука, привезенная в Землю обетованную «марокканцами».

И как ловко все увязано – еда, воспоминания, поэзия, традиции и праздничные блюда. И конечно, кашрут. Эту тему Люкимсон особенно любит и уважает.

È-Ò Àèíáíáçíí

Еврейская традиционная музыка в Восточной Европе

Сб. статей под ред. Н. Степанской

Минск: Бестпринт, 2006. – 348 с.

В сборник вошли работы белорусских и петербургских ученых о нигунах – паралитургических песнопениях хасидов и клезмерах – музыкантах свадеб и праздников (один из авторов, Д. Слепович, – практикующий клезмер). История XX века разрушила еврейское местечко, сведений о традиционной музыкальной культуре белорусского и литовского еврейства практически не сохранилось. Тем более ценны те немногие факты, которые дошли до нас. Некоторые данные о составах клезмерских капелл и записи песен и наигрышей были собраны самими авторами сборника в ходе экспедиций последнего десятилетия.

Кристиан Паризо. Модильяни

М.: Текст, 2008. – 269 с.

Творчество Модильяни – безоглядный поиск истины и тайны человека, в конечном счете – поиск себя. И вот уже почти век исследователи вслед за ним ищут его самого, настоящего. Хотя, казалось бы, все предельно просто: блестящий Париж, запои творческие в промежутках между самыми что ни на есть обыкновенными, ярлык «проклятого» художника. Замкнутый круг легенд, сплетен, воспоминаний – одни и те же монпарнасские байки кочуют из книги в книгу. Не обошлось без них и в работе К. Паризо, директора Архива Модильяни. Но ответов на «последние вопросы» о загадочном художнике не дает и он. О еврействе Модии говорится вскользь: да и кому тогда в Париже было дело до еврейства? Есть, впрочем, и обстоятельный рассказ о семье Модильяни, и упоминание о его совместных с М. Жакобом каббалистических штудиях. Или вот этот, один из самых пронзительных эпизодов: уже совсем больной, разрушивший себя до основания художник в очередных гостях «затягивает кадиш, монотонную молитву, которую каждый иудей вспоминает в час крайней опасности, когда пора просить прощения за все, чем он согрешил против собственной свободы». Шальная выходка? Пьяное прозрение?

Морія. Альманах № 7

Одесса: Друк, 2007. – 276 с.

В очередном выпуске альманаха, выходящего с 2004 года: новые документы о жизни «простого человека» конца 1920-х годов – эпохи коллективизации на селе и хлебного кризиса в городе; очерки Д. Быкова об Исааке Бабеле и В. Хазана о Пинхасе Рутенберге; подборка материалов о Семене Липкине; архивные публикации по истории еврейской Одессы (традиционная «изюминка» «Мории»), статьи о еврейском театре, еврейской музыке, еврейских кладбищах и много другого важного и интересного.

Грэм Хэнкок. Ковчег Завета

М.: Эксмо, 2006. – 608 с.

Банальнейшая схема: некий предмет когда-то существовал, а потом исчез, но до сих пор будоражит воображение. Вот, например, ковчег Завета, построенный для хранения Моисеевых скрижалей. О нем подробно рассказывается в Исходе и других книгах Танаха, но в какой-то момент он исчезает, как будто его и не было. Известно, что он находился в Святой святых первого Храма, но, когда Храм был разрушен, ковчега там не оказалось. В общем, загадка. Разгадать ее и пытается Г. Хэнкок (кстати, отождествляющий ковчег со Святым Граалем). Поиски приводят автора в Эфиопию, ссылаясь на древнее предание, он доказывает, что ковчег был привезен сюда Менеликом, сыном царицы Савской и царя Соломона. Но выяснить дальнейшую судьбу ковчега, увы, не удается. Вообще в этой длинной книге много смелых гипотез, интересных наблюдений и приключений – впрочем, не таких эффектных, как в фильме про Индиану Джонса, который, в отличие от Хэнкока, в конце концов ковчег все же находит.

Ольга Семенова. Юлиан Семенов

М.: Молодая гвардия, 2006 (серия «Жизнь замечательных людей»). – 276 с.

Считается, что лучше ближайшего родственника биографию никто не напишет. На самом деле это обстоятельство столько же мешает, сколько помогает. Биографию Ю. Семенова написала его дочь. Однако Семенов – востоковед и «западник», детективщик и журналист, тонкий собеседник, наделенный интеллектом и артистичностью, – почти не занимает ее. Перед нами – добрый отец, славный мужик, балагур и спортсмен, любитель рискованных эскапад и искрометных возлияний, в чем-то чудаковатый, в чем-то неожиданно мудрый. Когда же речь заходит о чем-то, выходящем за рамки личных воспоминаний и семейных преданий, автор всякий раз передает слово Е. Примакову, Л. Аннинскому и другим друзьям Семенова, которые, пожалуй, лучше знали его – каждый со своей стороны.

Вильям Баткин. Талисман души: Избранная проза

Иерусалим: Иерусалимская антология; Скопус, 2007. – 326 с.

На счету В. Баткина три книги стихотворений, повести и рассказы, эссе и мемуары, а также многочисленные переводы с украинского. «Талисман души» сделан из любимых лиц, неслучайных встреч, избавленных от плена забвения судьбоносных мелочей. Память – главная движущая сила в мире Баткина – мудро связывает в узелки время и пространство, ведет автора от военного Омска до современного Иерусалима, из чужого Дюссельдорфа в молодую Москву. И каждый взгляд назад – осмысление пути к иерусалимскому спасению, позднему и горькому обретению себя.

Í àà àíííò àòèyì è ðàáíò àèè Áãð Ðàáíá, Àèèà Ñíèííáíéí, Ì èòàèè Èèíèèí

«ЗАНЕСЛО МЕНЯ НА ЭТУ ПЛАНЕТУ»

Î èòàèè Î à-Êîâî

В Музее актуального искусства «Art4.RU» прошла выставка художника Бориса Турецкого (1928–1997).



Борис Турецкий.

Если бы речь шла о государственном музее, с заранее утвержденными выставочными планами, можно было бы говорить о своеобразии и дальновидности экспозиционной политики. Но поскольку речь идет о музее частном, в основе которого – коллекция его владельца Игоря Маркина, то приходится лишь вновь удивиться: этот галерист, появившийся несколько лет назад практически ниоткуда, знает свое дело. Каждый год он организует выставки, которые становятся событиями. И выставка Бориса Турецкого – не исключение.

Еще не забылась выставка Дмитрия Лиона, прошедшая в тех же стенах (о ней писал наш журнал). Тогда, подвижные малейшим движением воздуха, парили в галерейном пространстве столь же воздушные Лионовы «почеркушки». Теперь то же пространство набухло монохромной черно-белой графикой, совсем небольшой по размеру, открывшей, однако, «первозданное таинство отделения света от тьмы, земли от неба» (Евгений Барабанов).

Этапы творчества Бориса Турецкого действительно чем-то напоминают ступени творения и распада мира. Исследователи уже поделили его работы на определенные этапы, отметив, что фигуративные ритмично чередовались с нефигуративными. Начинал Турецкий в Московском городском художественном училище, естественно, фигуративными натюрмортами и эскизами, которые поражали его сверстников своей зрелостью. Затем последовал первый абстрактный период, в котором черно-белая графика соседствует с цветной живописью. «Я впервые почувствовал, что художник – это не просто какая-то мазня, а что это профессия. Что расположение каких-то

пятен, поиски пропорций могут создавать сильное впечатление», – вспоминал художник Михаил Рогинский, увидевший работы Турецкого в начале 1960-х.

Но вот мир создан. Не таким он вышел, каким задумал его создатель. И несовершенство мира стало главной темой работ Бориса Турецкого, созданных в фигуративный период 1960-х. Это преимущественно огромные, до двух метров, гротесковые гуаши. По словам современника Турецкого художника Юрия Злотникова, «его люди в трамваях, метро, продавщицы – люди-монстры, готовые наступить на болезненно чувствительную душу не думая». Искусствоведы неоднократно отмечали сложную связь этих работ с фресками Диего Риверы. Позже, в годы перестройки, именно эти гуаши принесли Турецкому известность соцартиста. Фактически ими только он более или менее и стал известен широкой публике, хотя, например, М. Рогинский назвал эти работы «дурдомом».

Затем начался распад несовершенного мира – его регрессия от уродливой фигуративности к абстракции. Серия «Застолья», куда в итоге вошло около 1000 листов, делилась на циклы, в каждом из которых происходило разложение первичного сюжета сначала на составные части, затем на фрагменты и, наконец, на геометрические фигуры. Это стало началом второго абстрактного периода, который был хорошо представлен на выставке в «Art4.RU». Множество небольших листов, выполненных простой шариковой ручкой, фиксируют спутанность сознания, по сути, изображают внутренний мир тех самых гротесковых гуашевых уродцев. Турецкий словно реализует психиатрические метафоры. Следующий цикл этого периода представляет собой закрашенные гуашью листы бумаги. По словам искусствоведа Марины Бессоновой, «Турецкий наносил однотонные слои туши или гуаши таким образом, что они создавали на листе “рельефную” поверхность». Потом «лист подвергается всевозможным физическим воздействиям – стиранию, проколам. Так образуются прозрачные, подчас рваные зоны», которые отсылают к «разорванному сознанию».

Но вот фигуративный мир разрушен, уродливые тела распались. Что от них остается? Только вещи. И в начале 1970-х Турецкий начинает работать с объектами. Он создает ассамбляжи из таких вещей, как обувь, консервные банки, перчатки, столовые приборы. Особо его привлекали детали женского туалета, из них он строил неожиданные «портреты». Скажем, композиция «Обнаженная» отсылает зрителя к скрытому образу, заявленному в названии. И Турецкого тут же приписали к поп-арту, который расцвел на Западе десятилетием раньше, хотя в действительности сходство было чисто внешним.

В «Автобиографии от третьего лица», написанной художником в качестве аннотации к персональной выставке в Выставочном зале Института атомной энергии имени И.В. Курчатова в 1988 году, об этих работах говорится: «...Борис Турецкий ощущает в жизни человека, прежде всего, ее отрицательную сторону. В его вещах возвеличивается грусть, тяжесть, можно сказать, возвеличивается угнетенность. Это монументальное выражение узости, ограниченности, придавленности». Но в последнее десятилетие жизни художник создает бумажные рельефы и объекты, в которых «материя отступает, черная немота жестко замкнутого листа разрывается на сотни бумажных обрывков» (Лариса Кашук). Тонящийся дух находит освобождение.

Что же за человек был Борис Турецкий? Если судить по его творчеству – необыкновенный. Таким его и воспринимали. А ведь статус у него был скромный, хотя и позволявший делать много доброго: Борис долго преподавал в Заочном народном университете искусств (ЗНУИ). «Помню его слегка сутулую фигуру, когда он появлялся в подвале изофакультета в Потаповском переулке, везя за собой неизменную сумку на

колесиках, куда он складывал работы учащихся, присланные со всех концов страны, – вспоминает художник Андрей Гросицкий. – Борис очень внимательно относился к своей работе педагога, скрупулезно и строго индивидуально подходя к каждому учащемуся».

По воспоминаниям Кати Компанеец, работавшей в ЗНУИ, впервые она услышала о Турецком от Михаила Рогинского. «По тому, как М. А. описывал работы Бориса Турецкого, я представляла его вроде Ивана Поддубного, с развитой мускулатурой на мощных руках. Он оказался нежным и хрупким человеком, с лицом мальчика из Варшавского гетто. Желтоватое яичко овала и грустные черные глаза... М. А. говорил мне, что Борис принимает кучу лекарств и травит себя этим. Что это были за лекарства, я не знаю. Были ли это психотропные средства, или он лечился неизвестно от чего, потому что был ипохондриком, или действительно чем-то болел. Был он всегда бледно-желтый и между фразами делал большие перерывы, в чем был шарм. Редко расставленные слова делали его речь вдумчивой и серьезной. Однажды мы говорили с ним, как всегда с длинными перерывами. Вообще-то я говорю быстро и отвечаю обычно, не дослушав конца фразы, но с Борисом впадала в сомнамбулическое состояние.

– Разговариваем как в скафандрах, – сказал он».

У Бориса Турецкого было четкое представление об иерархии вечного и временного: первое он никогда бы не променял на второе. Он с большим юмором рассказывал о том, как один его высокопоставленный родственник пытался наставить его на путь истинный, подобрать выгодный заказ.

«Дядя Борис, – говорю я, – мне всю жизнь не везет. Я всегда ищу большую, значительную тему, но слишком долго работаю над ней. Когда-то я задумал портрет Сталина. Он должен был стоять на трибуне спокойно и твердо, заложив руку за борт кителя. Черные, чуть с проседью, усы. В общем, это должна была быть сильная вещь. Но, пока я все это задумывал, тема стала неактуальной.

Потом я взял еще одну очень значительную тему. Я решил изобразить Никиту Сергеевича Хрущева. Он стоит на фоне золотого моря пшеницы. По голубому небу плывут белые облака. Все залито солнечным светом, который освещает фигуру Никиты Сергеевича и безбрежное море полей. Но, пока я обдумывал эту тему, она тоже стала неактуальной.

Сейчас я задумал портрет Владимира Ильича Ленина. Но с моей медлительностью я прямо не знаю, что делать. Что вы мне посоветуете, дядя Борис?»

В то время когда успех действительно измерялся выгодными заказами и числом выставок, Борис Турецкий думал о другом: «Ведь мы работаем для музеев» – запомнил его фразу искусствовед Алексей Каменский. А на самом деле он мыслил еще более масштабно, остро переживая абсурд и случайность земной жизни:

«Занесло меня на эту планету. Странный человек отец... и другие... Как я попал на эту местность, в эту квартиру. Мама, жена, еще какая-то баба. Куча знакомцев. Дела какие-то. Откуда это все взялось. Кто они, и те, кто был, и те, кто еще появляется».



Парикмахерская. Фрагмент. 1972 год.



Фигуративная композиция. 1960-е годы.



Летчики. 1968 год.



Застолье. Конец 1960-х – начало 1970-х годов.



Композиция-ассамбляж с консервными банками. 1974–1975 годы.



Абстрактная композиция. 1980-е годы.

«МЕСТО ВСТРЕЧИ – БАЛТИЙСКИЙ ДОМ»

Ėāī ēā Āāūōī āī

Со 2 по 11 апреля в Петербурге состоялся 10-й международный фестиваль русских театров стран СНГ и Балтии «Встречи в России», посвященный памяти народного артиста СССР К.Ю. Лаврова.

Именно так значится на обложке информационного буклета. Впрочем, не верь глазам своим. На нынешний форум, кроме коллективов из СНГ и Балтии, съехались труппы из Франции, Италии, Израиля, Швеции, Дании. Две последние, хоть и страны Балтии, но до этого года устроители не выходили за пределы бывших советских республик.

По мысли руководителя фестиваля генерального директора театра «Балтийский дом» С.Г. Шуба и арт-директора фестиваля заместителя директора по творческим вопросам театра «Балтийский дом» М.А. Беляевой, русский театр в дальнем зарубежье – это островок СНГ. Думается, здесь есть доля истины, потому что эти труппы отнюдь не плоды западной театральной школы, они плоть от плоти наши, родные.



«Большой человек в маленьком городе».

Вообще, фестиваль «Встречи в России» носит подчеркнуто интернациональный характер, что актуально именно сейчас, когда в ходу слово «толерантность» и дело, с толерантностью подчас расходящееся.

Непосредственно к еврейской тематике обратился 3-й фестиваль «Встречи в России» в 2001 году. Тогда были показаны спектакли «Закат» по пьесе И. Бабея таджикского Русского драматического театра им. В. Маяковского (реж. С. Усманов) и «Перпетуум мобиле, или Вечер еврейского анекдота» белорусского Театра им. М. Горького (авт. и реж. Б. Луценко). В 2003 году на 5-м фестивале были представлены спектакли «Шагал... Шагал» белорусского Театра им. Я. Коласа (реж. В. Барковский) и «Рок-концерт с Григорием Гориним» Гродненского драматического театра (реж. Г. Мушперт). Шестой фестиваль был ознаменован спектаклем «Море... ночь... свечи...» по пьесе израильского драматурга Й. Бар-Йосефа «Это великое море» (реж. Э. Митницкий, Киевский театр драмы и комедии на левом берегу Днепра), а также постановкой Русского драматического театра Эстонии «Тойбеле и ее демон» по И. Башевису-Зингеру (реж. М.

Бычков). Вновь к еврейской культуре обратился 9-й фестиваль в 2007 году мюзиклом по мотивам повести Шолом-Алейхема «Тевье-молочник» «Скрипач на крыше» Молодежного театра Узбекистана (реж. Н. Абдурахманов). Вот он где, истинный, не показной интернационализм: Султон Усманов ставит в Таджикистане Бабеля, а Наби Абдурахманов в Ташкенте Шолом-Алейхема! Памятник этим мусульманским ребятам, а каждому террористу – билет в театр! Бесплатно и принудительно. Лечить искусством. Это ведь совершенно удивительная вещь: Коран, Бабель и Шолом-Алейхем – на одной полке! И это не просто фестивальные спектакли – они там идут, они репертуарные!



«Игроки».

Если же говорить не о еврейской тематике, а о еврейском составе авторов, режиссеров, актеров и других театральных деятелей, занятых в подготовке и проведении русских спектаклей в странах ближнего и дальнего зарубежья, то... можно и не говорить: Александр Володин, Григорий Горин, Исаак Фридберг, Геннадий Тростянецкий, Борис Цейтлин, Михаил Резникович, Елена Скульская, Роман Козак, Марк Вайль, Александр Король, Михаил Фейгин...

По традиции основной площадкой фестиваля становится театр «Балтийский дом», однако в нынешнем году свою сцену для открытия (концерта-посвящения Кириллу Лаврову) и первого спектакля по пьесе Л. Малюгина «Насмешливое мое счастье» киевского Театра русской драмы им. Леси Украинки (реж. Михаил Резникович) предоставил Большой драматический театр им. Г.А. Товстоногова, руководителем которого долгие годы после смерти мэтра был К.Ю. Лавров. (Свою театральную карьеру Лавров начал именно в Киеве, в Театре им. Леси Украинки, где 30 лет проработал и его отец.) Этот спектакль, как и недавние гастроли театра в Москве, его руководитель М. Резникович посвятил памяти художника Давида Боровского, одного из лучших мировых сценографов. Леонид Малюгин еще 40 лет назад составил пьесу из отрывков писем Антона и Александра Чеховых, Ольги Леонардовны Книппер и Лики Мизиновой. На сцене – минимум предметов, декорация – высокий движущийся частокол из березовых стволов. Главное – монологи героев, выдержанные в классическом русском театральном стиле, – проникновенные, живые, вдумчивые.

Трагедию другого русского писателя – Сергея Довлатова – представил Русский театр Эстонии. «Большой человек в маленьком городе» – темы и вариации Сергея Довлатова в переложении для сцены Елены Скульской. Режиссер и исполнитель главной роли Эдуард Томан очень убедительно сыграл ассимилированного еврея-интеллигента 1960-х годов, неприкаянного и трагического философа-насмешника, которому места не

находится нигде – ни в провинции, ни в метрополии. Да и в загранице он оказывается никому не нужным маленьким человеком в большом городе.



«Насмешливое мое счастье».

Звездой фестиваля стал спектакль «Игроки», поставленный Михаилом Бычковым в Русском театре Литвы и получивший премию им. Кирилла Лаврова (сценография – Эмиль Капелюш). Это смешная, задорная, по-гоголевски саркастичная и смелая постановка с безупречной игрой актеров.

Израильские русские театры были представлены двумя коллективами. Созданное Ильей Боровицким в 2003 году «Товарищество актеров» из Ашдода в лице трех человек (режиссер, художник и актриса) привезло на фестиваль пьесу Жана Кокто «Человеческий голос». Небольшая сцена с кроватью посередине и двумя действующими персонажами – женщиной (Олеся Алексева) и телефоном. Около часа, по мысли Кокто, несчастная ведет непрерывные переговоры с бывшим возлюбленным. Она до сих пор любит его и ни в чем не упрекает этого злостного эгоиста и мерзавца, которому нет дела до собаки, тоскующей по нему, зато не хватает перчаток, оставленных по забывчивости. Олеся Алексева предельно вживается в положение брошенной и не умеющей жить без своего мужчины женщины. Кстати, параллельно с русской версией спектакль имеет и ивритскую. Действо сопровождается музыкой Юрия Ханина («Юрий Ханонь», как нынче настойчиво именуется известный композитор Ю.Ф. Соловьев-Савояров) и Антонио Мурены.

Завершился фестиваль спектаклем иерусалимского театра «Ковчег», основанного 17 лет назад Семеном Злотниковым, которого можно без преувеличения назвать классиком современной русской драматургии, и режиссером Юрием Любимовым, жившим тогда в Израиле. Была показана пьеса С. Злотникова «Уходил старик от старухи» в постановке Станислава Фалька. В зале «Балтийского дома» присутствовал сам автор. Пьеса эта давно известна любителям театра. Премьера ее состоялась больше 20 лет назад в Молодежном театре на Фонтанке в Ленинграде. В 1995 году Иосиф Райхельгауз поставил по ней спектакль с ныне покойными Михаилом Глузским и Марией Мироновой в своем театре «Школа современной пьесы», а затем снял фильм с теми же актерами.



«Человеческий голос».

Этери Абзианидзе (известная зрителям по фильму Тенгиза Абуладзе «Ожерелье для моей любимой») и Вячеслав Воробьев разыграли свой вариант трагифарса, разворачивающегося между двумя стариками, прожившими более 50 лет вместе и вдруг осознавшими, что жизнь могла бы сложиться по-другому и с другими людьми. Или не могла бы... Никакой национальной отнесенности в пьесе нет, но так и просится в голову: еврейский муж как чемодан без ручки: нести тяжело, а выкинуть жалко...

НАС ЖДУТ ДАЛЕКО?..

Àëàéñ Dàííííðð

Спектакль «Нас ждут далеко-далеко, не здесь» – несомненная удача Московского драматического театра под руководством Армена Джигарханяна и, прежде всего, удача постановщика спектакля режиссера Бориса Клепикова. Пьеса Валерия Мухарьянова написана на основе рассказа нобелевского лауреата И. Башевиса Зингера «Поздняя любовь». Впервые пьеса была поставлена минувшей весной в тель-авивском «Гешере», премьера в Театре Джигарханяна состоялась в сентябре 2007 года.



Любовь на склоне лет – вечная тема. Меняются эпохи, и коллизия эта разыгрывается в новых декорациях с новыми действующими лицами. У выходца из Польши Башевиса Зингера она осложнена прошлым героем: все они – евреи из Восточной Европы, в Холокосте погибли их близкие, воспоминания о довоенной жизни объединяют этих людей.

Действие пьесы происходит в Америке. Главный герой Гарри Бендинер – владелец четырехмиллионного состояния, в силу возраста отошедший от активного бизнеса. Ему пошел девятый десяток, он одинок, жена и дети умерли, а единственный внук не дает о себе знать. Гарри, несмотря на богатство, ведет жизнь обыкновенного пенсионера: обходится без экономки, сам покупает и готовит еду, живет в многоэтажном доме, населенном пожилыми людьми, в отношениях с которыми соблюдает дистанцию. Неожиданно для себя он знакомится с новой соседкой по имени Этель моложе его лет на двадцать, она овдовела, лечилась от депрессии, после чего переехала на новую квартиру и живет теперь через стенку от Гарри. Из разговора выясняется, что она не нуждается в деньгах, что они из одного района Польши, Этель признается, что Гарри напоминает ей мужа, и приглашает к себе на обед. Оба они устали от одиночества и чувствуют симпатию друг к другу. Во время обеда у Этель они строят совместные планы на будущее и, несмотря на возраст, говорят о переезде в Израиль и покупке квартиры на берегу Средиземного моря. Внезапно в настроении Этель происходит перемена, она отсылает Гарри с обещанием увидеться завтра. На следующий день он узнает о ее самоубийстве. В

коротком прощальном письме Этель сообщает, что должна отправиться к покойному мужу и просит прочесть по ней кадиш.

Спектакль состоит из двух действий, в первом авансцена представляет собой холостяцкую квартиру Гарри с киноэкраном в глубине, на котором мы видим черно-белый голливудский фильм; второе действие начинается в гостиной Этель, где накрыт обеденный стол, а завершается в опустевшей квартире Гарри. Спектакль идет в хорошем темпе, интрига динамична. Актерам есть что играть: молодые люди в спектакле изображают стариков, а трагическое переплетено с комедийным. В этом случае всегда есть опасность скатиться в гримасничанье, в «антрепризу», но актерам удается не перейти эту черту. Немощный, но не сдающийся Гарри Бендинер в исполнении заслуженного артиста России Алексея Шевченкова вызывает сочувствие, актриса Светлана Макарова-Василенко наделила образ Этель эксцентричностью и независимым характером. И он, и она – люди прошлого, вокруг них течет чужая, вполне равнодушная к ним жизнь, но случайная встреча порождает надежду найти друг в друге понимание и опору.

Сюжеты Зингера представляют собой золотую жилу для драматургов и сценаристов. Война, любовь, смерть, религиозная одержимость, ностальгия по прошлому, материальный успех и его тщета, стремление вернуться к утраченным корням – вот комплекс проблем, заключенный в его литературе. После перевода на русский получили сценическое воплощение романы «Шоша» и «Люблинский шукарь», по роману «Враги. История любви» поставлен фильм в Голливуде. Экранизация и театрализация прозы Башевиса Зингера только началась.

Надо заметить, у спектакля «Нас ждут далеко-далеко, не здесь» – видимо, в силу требований сценичности – более оптимистический финал, чем у рассказа. В конце пьесы испытавший шок Бендинер дает распоряжение своему поверенному отыскать дочь Этель, а сам принимает решение переехать в Израиль. Рассказ же «Поздняя любовь» (перевод с английского Ю. Миллера) заканчивается словами: «В мозгу старика мелькнула безрассудная идея: слетать в Британскую Колумбию, отыскать в дебрях эту молодую женщину, утешить ее, заменить отца и, быть может, вместе с ней попытаться понять – зачем человек рождается и почему должен умереть».

Вопрос о том, где же все-таки это «далеко-далеко», в котором нас ждут, остается открытым.

КТО С КЕМ СИДЕЛ...

Ааде-Ои ојѐи Еаи оеѐи

Заглянем на сайт, имеющий отношение к учебе. Попробуем «...и еще раз учиться». Впрочем, учебы там никакой не будет. Да и новое мы там для себя вряд ли узнаем, скорее, вспомним хорошо забытое старое. Ибо ждет нас сегодня сайт, ставший настоящим бичом работодателей, проклятием офисов и безжалостным убийцей рабочего времени, сайт, который удостоился шуток в телевизионном КВНе, – «Одноклассники.ру».



«Одноклассники» (<http://www.odnoklassniki.ru>) социальная сеть, то есть сайт, где можно указать информацию о себе и по которой вас смогут найти другие. Социальных сетей существует превеликое множество – но мы все-таки остановимся на «Одноклассниках». Во-первых, там все написано по-русски, во-вторых, у них легкий адрес, так что никаких чудес мнемоники в духе старого латиниста Остапа Ибрагимовича Бендера – «пуэр, соцер, веспер...» – не потребуется. Придется, правда, вспомнить, что «одноклассники» пишутся через «о» и с двумя «с», но, в конце концов, можно как в школьные годы накатать «шпору» с правильным вариантом. А еще лучше внести адрес в «Избранное» браузера, и пусть браузер сам мучается. Что же касается легкости названия, то другие социальные сети зовутся Xiaonei, Bebo, Facebook, MySpace, XING, LinkedIn, Plaxo, Orkut, studiVZ.net...

Главное достоинство «Одноклассников» – можно найти тех, кого вы ищете. Увы, на этом достоинства заканчиваются, и начинаются недостатки, ибо «Одноклассники» – пощечина всем маркетологам, дизайнерам и специалистам по юзабилити (удобству использования), денно и ночью, за большие и малые деньги разрабатывающим все новые и новые способы отъема денег у работодателей... Ой, пардон, новые удобные и красивые интерфейсы, без которых, по их словам, ну никак и никто. А у «Одноклассников» ужасный внешний вид, неудобные интерфейс и навигация, «глючная» и «тормознутая» программная часть, но при том хорошая идея в основе и сюда тянутся люди, готовые терпеть эти недостатки.

Впрочем, вернемся на сайт. Видимо, только грубое физическое воздействие поможет Главному Дизайнеру Сайта понять, что чтение светло-оранжевых и бледно-зеленых букв на белом фоне больше подходит для пыток врагов, чем для всего остального. Но, тем не менее, к моменту создания этой статьи «одноклассников» было 14 млн (наверное, перед сдачей номера следует сходить на сайт и исправить цифру). Чтобы стать 14 000 001-м, вам придется зарегистрироваться: указать свой адрес электронной почты и придумать себе пароль. Учтите, адрес должен быть реальным и, так как его придется набирать довольно часто, то желательно коротким. Если у вас два почтовых ящика – Zloy_chernyi_korsar@vragam.poshchady.net и dima@mail.ru – выбирайте второй.

Зарегистрировались? Мазл тов! Выберите регион России (или другую страну), населенный пункт, учебное заведение и внесите себя в списки учеников. Учтите, база городов и учебных заведений заполняется самими посетителями, поэтому каждая школа имеет как минимум 4–5 вариантов написания: «СШ № 57, СОШ № 57, школа № 57, shkola № 57...» Например, школа крохотного поселка Ясное Калининградской области фигурирует в трех вариантах (!). Да и название города может писаться как кириллицей, так и латиницей, и в каждом варианте может оказаться ваша школа.

Лучше всего регистрироваться во всех вариантах, но, с другой стороны, в социальных сетях есть такая полезная вещь, как «Друзья моих друзей». То есть, найдя хотя бы одного одноклассника и заглянув в список его друзей, вы, скорее всего, обнаружите там всех, кого не видели с момента опохмела после выпускного бала. Есть на сайте и поиск людей – вводите имя-фамилию, и вам покажут всех зарегистрированных.

Помимо школы здесь можно найти товарищей по армейской службе (если кроме школы средней пришлось пройти еще и «школу жизни»), сослуживцев (раздел «Компания») и тех, с кем когда-то славно проводили время. Можно вступать в имеющиеся или создавать свои сообщества, размещать фотографии и переписываться с людьми. Сделано это, как уже говорилось, неудобно, но главное – работает.

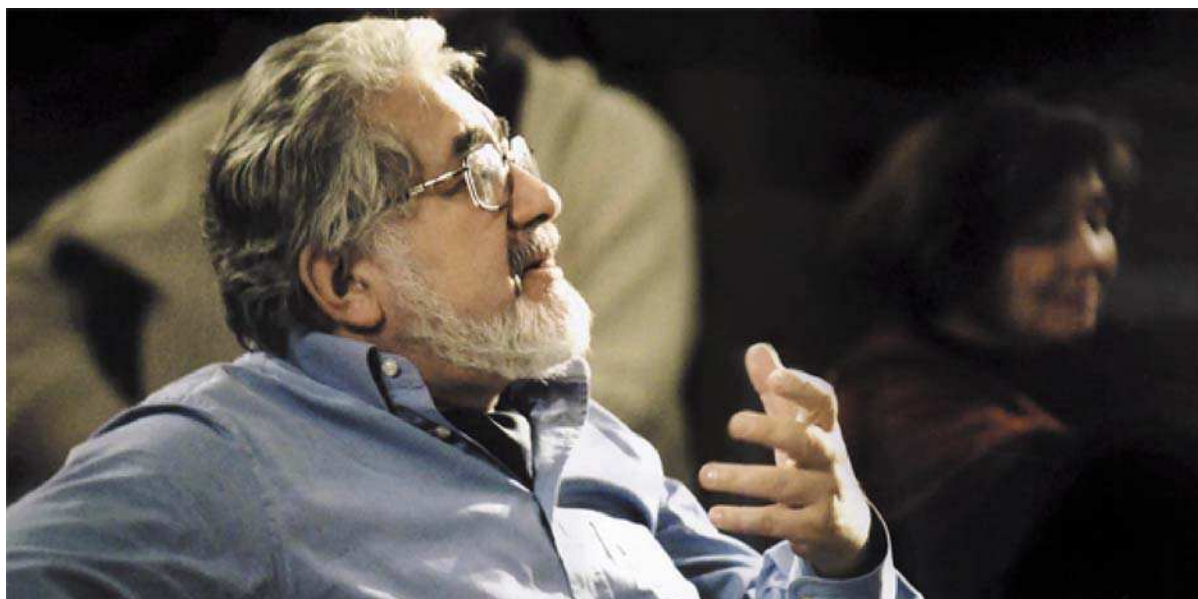
На интересующую нас тему тоже кое-что и кое-кто найдется. Во-первых, там много наших, чья жизнь разметала по Америкам, Израилям, Европам и Австралиям. Во-вторых, куча еврейских сообществ. Беру первые встреченные – «Бейтар», «клуб “Гешер”», «МЕОЦ», «Мигдаль», «Летние сохнутовские лагеря», «Еврейское агентство “Сохнут”» и даже «Сообщество учеников реб Шаи» (в Одессе!). А вот и страничка «Хабад Любавич» – сборный пункт всех, так или иначе имеющих отношение к Хабаду.

Дальше сами разбирайтесь. Только помните: однажды некий владелец магазина, выплатив по судебному решению часть долга, скрылся, и ни по указанному им адресу, ни на официальном месте работы найти его не могли. Зарегистрированного имущества у него также не оказалось. Но, найдя должника в «Одноклассниках», судебные приставы отправили ему через сайт сообщение о возбуждении исполнительного производства и после доставки уведомления получили право начать взыскания! Так что, регистрируясь на «Одноклассниках», будьте осторожны.

ЛЕВ ДОДИН И ЕГО ТЕАТР ЖИЗНИ

לֵב דוֹדִין וְעִמּוּלָא דְחַיִּים

В минувшем декабре Лев Додин получил премию ФЕОР и стал Человеком года – 2007 в номинации «Театр», а на недавнем фестивале «Золотая маска» его спектакль по В. Гроссману «Жизнь и судьба» получил главную премию (см. рецензию: Лехаим, 2007, № 6). Эти награды дополнили длинный список предыдущих наград режиссера.



В 2000 году в Италии, в сицилийском городе Таормина Додину вручали самую престижную европейскую театральную премию «Европа – Театру». Международное театральное жюри выбирало тогда не просто героя года, но человека, с которым, по итоговым размышлениям, были связаны надежды на будущее Театра. XX век уходил в прошлое, и его недаром называли веком режиссуры. Спектакли Додина «Братья и сестры» по Ф. Абрамову и «Бесы» по Достоевскому, «Чевенгур» по Платонову и «Пьеса без названия» по Чехову в буквальном смысле потрясли весь мир – их видели Париж и Лондон, Нью-Йорк и Токио, Берлин, Мадрид, Милан и Вена... Так что совсем не случайно на театральном Олимпе, как в начале века – Станиславский, в конце века вновь оказался наш соотечественник.

На вручение премии съезжаются критики со всей Европы, произносят речи, смотрят и обсуждают новую, еще никому не известную работу и по выбору режиссера старый его спектакль (тогда это были «Молли Суини», пьеса Брайена Фрилла, и «Дом» Абрамова). Герой должен присутствовать, но он все норовил ускользнуть из зала. Когда же его потребовали на сцену, и зал приветствовал его стоя, несколько растерянный Додин сказал: «У нас в России особенно хорошие слова говорятся обычно о тех, кто услышать их уже не может...»

Так началось испытание медными трубами, а «огонь и воду» к тому времени Додин прошел.

Лев Додин – коренной петербуржец. Дитя войны. Ученик ленинградской театральной школы. Гражданин мира. Его биография типична для поколения, судьба советского интеллигента – его судьба. Додин не написал свой манифест, но он создал свой театр-дом, и это его манифест. Перестройка открыла перед ним мир. Жизнь режиссера расписана по дням: репетиции – спектакли – гастролы – репетиции. Сейчас художественная ситуация в мировом театре такова, что удержать традиции русского психологического театра под силу только новатору. У Додина своя эстетика, своя программа обучения профессии. Изначально он чужд социологических схем и всякой демагогии. Это не означает, однако, что его театр асоциален. Додин убедил всех, что эстетическое изящество не вредит содержанию, но он также знает, что иерархия жизни и искусства существует. В театре Додина не стараются угодить публике, но здесь работают для людей.

Спектакль – это поступок, в котором ясно виден духовный и нравственный потенциал личности, масштаб художника. Эйнштейн говорил, что нравственные качества человека имеют для современников большее значение, чем его интеллектуальные достижения. В 1970-х годах, когда Лев Додин начал свою жизнь в искусстве, было немало трудностей и много искушений для слабых. Постоянно кого-нибудь разоблачали: то абстракционистов, то бардов, то очернительское кино. Надо было думать, что можно, чего нельзя показывать на сцене. Додин последовательно работал на динамику обновления, не боялся риска. Ведь абрамовская трилогия работалась в те времена, когда о Государственной премии за такой спектакль и думать было глупо.

Додин смолоду самостоятелен во взглядах, пристрастиях и общественном поведении. Он умел выбирать учителей (речь здесь не о почитаемых педагогах Матвее Дубровине и Борисе Зоне), изучал Станиславского и Мейерхольда, впитывал Любимова и Эфроса, знал всего Товстоногова. Но профессия режиссера требует таланта, ума, образованности, воли и еще – определенного характера. Да-да, бывают же люди по натуре вздорные, капризные, а это губит режиссера, иссушает его талант. Слава Б-гу, Додина защищают воспитание – профессорская семья, любовь к маме и собственная семья, жена – актриса Татьяна Шестакова – всегда рядом, во всем участвует, все понимает.

Принцип духовного напряжения, духовной ответственности выдержать в каждодневной работе куда сложнее, чем просто отринуть его. Додин свой выбор сделал: что ставить, зачем и как работать. Создать строение между небом и землей дело непростое, а театр Додина делает это каждый вечер заново. Режиссер всматривается в жизнь, смело спускается в ад, но умеет и выбраться из ада. Потому что только когда нас выбрасывает в небо, только тогда и есть спектакль.

Додин – мастер создавать сценическое волнение чисто режиссерскими средствами, но при этом актер остается у него главным. Умная, изобретательная режиссура чужда рационалистических построений. Додин не стремится накормить зрителя витамином в таблетках. В диалоге с современниками, вызывая сильные эмоции, он поддерживает в нас чувство жизни. Это его кредо: нет чувства – нет человека, нет человека – нет драмы, нет драмы – нет театра.

Спектакли Додина живут долго, именно живут, а не сохраняются в репертуаре. И это тоже проблема метода. Многочасовые репетиции предшествуют не только премьере, здесь репетируют идущие спектакли безо всякого видимого повода – ввода

актера, например. Репетиция – способ осмыслить новые впечатления, включить их в спектакль, заставить работать.

Концепт-арт Додина, как выразился Эдуард Кочергин, – выдающееся достижение XX века. Его изучают практики и теоретики театра: пишутся курсовые и диссертации о творчестве Додина, издаются записи репетиций. Шедевры Додина сохраняются не только как легенды мирового театра, по ним теперь уже учатся новые поколения режиссеров. «Братья и сестры», «Бесы», «Пьеса без названия», «Чевенгур», «Клаустрофобия» открывали новые горизонты искусства и профессии. Но тем, кто постигает художественные тайны творчества Додина, придется жить в его ритме, потому что каждый новый спектакль открывает новые законы театра.



«Жизнь и судьба».

Фотография В. Васильева.

Все, кто уже посмотрел и еще посмотрит спектакль «Жизнь и судьба» по Гроссману, надолго запомнят щемящее чувство боли за судьбу еврейского народа. Гроссман писал о евреях, погибших в концлагерях, не только с состраданием, – писатель понял, что происходит с человеком в моменты тотального унижения личности. «Главное изменение в людях, – считал он, – состоит в том, что у них ослабевает чувство своей особой натуры, личности и растет чувство судьбы». И это проблема для всего человечества на многие времена.

Театр словно перемещает нас на гигантскую территорию «постоянного человеческого бедствия» и потом, после спектакля – через день, через месяц, все еще не отпускает. По многим причинам: и материал мощный, и театральное сочинение гениальное. Мизансценический язык не простой, но внятный и многомысленный. Как «Братья», как «Бесы», как «Пьеса без названия», потрясает именно театральный текст. Кто-то говорит на чистом английском, Додин на чистом театральном. В сущности, это и

есть главный признак шедевра. Как мастер, Додин может сделать любой спектакль, но, когда витает вдохновение, мастерство не замечаешь, как дыхание. Гроссман – именно такой случай.

Роман «Жизнь и судьба» был предназначен читателю 1961 года, но оказался арестован и стал доступен лишь в 1988-м. Читали все, открывая судьбу страны и собственную судьбу в новом свете правды. Спектакль «Жизнь и судьба» – новая жизнь великого романа.

...Молчание! Мяч беззвучно перелетает через сетку, актеры бережно, стараясь не нарушить тишину, играют в волейбол... Так играли здесь до войны, до эвакуации. И незначительная эта деталь, всплывая из памяти, оживляет для нас жизнь и судьбу людей.

Сценическое пространство серо-стального цвета организовано так, что это – и старый московский двор с волейбольной площадкой, и квартира ученого, и блиндаж под Сталинградом, и немецкий концлагерь, и камера Лубянки, и ГУЛАГ... Все эти «преображения» обеспечены художником Алексеем Порай-Кошицем простыми средствами: металлическая сетка похожа на решетку, а упирающийся в потолок буфет служит и хозяевам квартиры, и лагерникам. Известно: такая простота обслуживает гениальные замыслы. Огромный роман сжался по законам театральной поэзии, история жестокого века предстала перед нами в одном-единственном измерении – человеческом.

За сеткой-решеткой возникают фигуры людей в полосатых робах, звучит немецкая речь, и узники концлагеря запевают «Песнь моя, лети с мольбою», а через некоторое время за той же решеткой мы видим людей в ватниках, которые по команде, все с той же «Песней» Шуберта, чеканя шаг, проходят по авансцене, чтобы в открывшемся «окне» буфета, под выкрики «рабочий котел», получить в железной миске паек. Следом в то же окно вежливо обращаются ученые: «доктора», «научные сотрудники»... И, получив каждый свое положенное, тихо отходят, продолжая научную беседу. Становится жутко, потому что все в одном аду, только одни в ватниках, а другие пока при галстуках. Таков мизансценический язык режиссера, что смыслы, обгоняя друг друга, складываются в образ потрясающей силы.

...В центре сцены железная кровать, по сути место вознесения для любящих, потому что и в аду есть мгновения жизни – мгновения любви. Штрум и Людмила замерли на кровати живой скульптурой, лирическая волна едва достигает зала, как огромный валенок лагерника опускается рядом, зэк спокойно перешагивает через них, чтобы на глазах зрителей прирезать сокамерника. Это сведение в одном пространстве разносущностных, разномасштабных событий в единую картину создает образ всеобщего человеческого страдания.



«Клаустрофобия».

Фотография В. Васильева.

Главный герой спектакля, как и в романе, ученый с мировым именем Виктор Павлович Штрум (Сергей Курышев) – личность притягательная для персонажей и зрителей. Блестящий ум, талант, человек, способный глубоко чувствовать, замечающий то, что другие предпочитают не знать, при этом нервный, импульсивный. Компромисс с совестью – не его дорога, он хотел бы заниматься чистой наукой и советует своим партийным оппонентам приспособлять марксизм к законам физики, а не наоборот. Когда началась борьба с космополитами, Штрум смело протестовал, не каялся, не сдавался и... победил. Сам Сталин пожелал ему успехов в работе, его лаборатория получила особый статус. Только за особое положение и физики, и лирики в то время платили по особым счетам – сговорчивостью, потерей лица. Настал день, когда Штрум совершил подлость, подписал пасквиль. Трагедия личности и трагедия общества. Штрум в исполнении Курышева – жертва, он сам себя казнит, что поддался, не устоял.

В Штруме Гроссман видел себя, и сострадание Штруму важно не только как историческая справедливость, но и как очень важная часть нашего понимания человека вообще, его могущества и его слабости. Раскаленная эмоциональность спектакля рождена и структурой, и стилем театрального высказывания Додина. Спектакль и роман – произведения разные, но при этом конгениальные.

Тема выбора, противостояния и покорности судьбе возникает в спектакле и в связи с образом Матери – бесстрашной и беспомощной, любящей до последнего вздоха и потому бессмертной. Народная артистка России Татьяна Шестакова с текстом письма матери Штрума из гетто входит в спектакль в первые его минуты – «...людей, Витя, трудно понять по-настоящему...» – и остается его сердцем, его нервом, его нравственным светом до конца.

Судьба матери Штрума, судьба еврейки, скромной женщины, врача-офтальмолога, – это судьба всех шести миллионов евреев, расстрелянных, удушенных в газовых камерах. Однако Анна Семеновна Штрум остается для нас человеком исключительной индивидуальности, умной, наблюдательной, способной сознавать чудовищную реальность и все-таки не терять себя. Человек перед лицом Судьбы остается человеком. Поэтому письмо матери навсегда впечатано в жизнь сына, и, вопреки обстоятельствам, мать помогает ему, остерегает, спасает. Она появляется как бы по зову

души Штрума, но не только он слушает ее – ее слушают все, кто на сцене. И, в прямом смысле застав дыхание, ее слушает зал. Поистине преобразующее душу впечатление!

Как не согласиться с Додиним: «Театр – самое интересное место в мире».

МИХАИЛ ТАНИЧ:

«НА ДАЛЬНЕЙ СТАНЦИИ СОЙДУ...»

17 апреля 2008 года в Москве скончался известный поэт-песенник Михаил Танич.



В городе Таганроге в семье Исая Танхилевича 15 сентября 1923 года родился сын Михаил. Бедности Миша не знал (отец был ответственным работником, заведовал городским коммунальным хозяйством), но зато другие компоненты настоящей мужской жизни – любовь и войну – он изведal сполна. А вместо бедности ему пришлось испытать кое-что пострашнее – лагеря и лесоповал.

Но начиналось все как нельзя лучше – в благополучной советской семье рос обычный мальчик-пионер. Еще учась в школе, написал, по его словам, «что-то вроде пьесы» – про Павлика Морозова и борьбу с кулаками, но потом природа взяла свое – литературу вытеснил футбол. И быть бы Мише новым Бобровым, однако детство кончилось неожиданно и страшно, хотя вполне в духе эпохи – в 1937 году арестовали отца. Вместе с ним арестовали и маму, так что пришлось переселиться к бабушке. Через год мать выпустили с поражением в правах и справкой, что муж осужден на 10 лет без права переписки (эвфемизм, означавший, что писать уже некому – отец был расстрелян в 1938 году). Аттестат юноша получил 22 июня 1941 года, так что вступление во взрослую жизнь стало для него вступлением в жизнь военную. Правда, из военного училища его, как сына врага народа, выпустили не лейтенантом, а старшим сержантом. Ну а дальше все было как у всех – 1-й Прибалтийский и 1-й Белорусский фронты, бои, ранения, госпиталь, опять бои... Командир противотанкового орудия, прошедший от Белоруссии до Эльбы и награжденный орденами Славы III степени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени и 15 медалями.

Война закончилась, и Михаил поступил в Ростовский инженерно-строительный институт. Мечтал стать архитектором, но в 1947 году пришлось переквалифицироваться. Не по своей воле – арест за «низкопоклонство перед Западом» – сказал кому-то, что, дескать, немецкий приемник «Telefunken» лучше отечественных... Приемники приемниками, но «передатчики» у советских граждан действовали отменно. Результат –

статья 58, пункт 10 – антисоветская агитация и та же тюрьма, где когда-то был его отец! А затем шесть лет лагерей и лесоповал в Соликамске, где он выжил лишь чудом. Его освободили с запретом жить в 39 городах СССР. Спасло разоблачение культа личности. Танич поселился в Москве, устроился на радио, работал в прессе. Всплыло юношеское увлечение стихами – появились первые публикации в московских изданиях, а в 1959 году вышел его первый сборник стихов.

Тогда же Михаил увидел в общежитии молодых специалистов девушку, игравшую на гитаре. Лида Козлова, поэт-песенник, стала не только матерью двух его дочерей – Светланы и Инги, но и единственной музой и первым критиком.

Первой «звездной» стала песня «Текстильный городок» на музыку Яна Френкеля. «Городок наш ничего, / Населенье таково: / Незамужние ткачихи / Составляют большинство» Но когда будущий лауреат премии МВД России и музыкальной премии «Овация», заслуженный деятель искусств России и почетный профессор Ростовского государственного строительного университета услышал, как продавщица у Курского вокзала напевает его песенку, и похвастался авторством, то получил рецензию: «Мордой не вышел!» Видимо, это мнение совпадало и с мнением «наверху», потому что членом Союза писателей Танич стал лишь в 1968 году, уже будучи всенародно известным и популярным.

«Черный кот», «Как хорошо быть генералом», «Идет солдат по городу», «Возьми меня с собой», «На дальней станции сойду», «Черное и белое» («Мы выбираем, нас выбирают»), «Комарово», «Узелки», «Погода в доме», «Когда мои друзья со мной», «По секрету всему свету» – это только горсть брильянтов, наугад почерпнутых из его песенной сокровищницы. Михаил Танич автор 15 стихотворных сборников и 17 пластинок. Он работал с лучшими композиторами – Шаинским, Саульским, Фельцманом, Богословским – и лучшими исполнителями – К. Шульженко, А. Пугачевой, И. Кобзоном, М. Магомаевым, Э. Пьехой, Э. Хилем, Л. Долиной...

В 1992 году Танич создал группу «Лесоповал», с которой работал до самого последнего дня, создав свыше ста произведений и подняв блатную песню до уровня шансона. Ну уж он-то имел на это право.

Αἰὲν Ὀϊ ὀεί

ИРЕНА СЕНДЛЕР: ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

12 мая в возрасте 98 лет в Варшаве скончалась Ирена Сендлер, кавалер высшей государственной награды Польши, национальная героиня, заслужившая своей деятельностью во время второй мировой войны почетное звание Праведницы мира от руководства израильского мемориала Холокоста «Яд ва-Шем». Более двух с половиной тысяч евреев в буквальном смысле обязаны ей жизнью: именно столько маленьких обитателей Варшавского гетто спасла от лагерей смерти Ирена Сендлер.



Она родилась 15 февраля 1910 года на окраине Варшавы в семье врача поляка. Родители с раннего детства внушили дочери мысль о том, что люди делятся на плохих и хороших, независимо от расовой принадлежности, национальности или вероисповедания. И девочка оказалась хорошей ученицей.

Ирене было всего семь лет, когда, заразившись тифом от пациента, умер ее отец и девочка осталась вдвоем с матерью. Некоторое время спустя к ним в дом наведались представители местной еврейской общины. Люди были очень благодарны отцу Ирены за бесплатную медицинскую помощь и решили как-то помочь его семье, оставшейся без кормильца. Они предложили платить за образование девочки, пока ей не исполнится восемнадцать. Мать, не понаслышке знавшая о нищете, царившей среди евреев, отказалась от великодушного предложения, но не преминула сообщить о нем дочери. Это произвело на Ирену неизгладимое впечатление.

В 1939 году, когда гитлеровская Германия оккупировала Польшу, Ирене Сендлер исполнилось тридцать лет. Она устроилась на работу в муниципалитет столицы, где пошла даже на подделку документов, чтобы оказать людям из гетто хоть какую-то материальную поддержку. Два года она тайком носила обитателям Варшавского гетто еду, лекарства и деньги. А в 1940-м, когда неевреям запретили появляться на территории гетто, Ирена с товарищами устроилась в варшавское Управление здравоохранения – нацисты опасались возникновения эпидемий и разрешили санитарам контактировать с евреями.

В 1942 году она вступила в ряды польской подпольной Организации помощи евреям – «Зеготы», при содействии которой организовала крупномасштабную акцию по спасению еврейских детей. Подполье подпитывало ее деньгами, а Ирена знала людей в гетто – сочетание этих двух факторов послужило хорошей базой для успеха акции.

Детей выводили через канализацию и подвалы домов, через здание городского суда, примыкавшее одной из сторон к гетто; тех, что постарше, вывозили на телеге в мешках с мусором, совсем маленьких – в сумках для инструментов и под сиденьями трамвая, маршрут которого пролегал по улицам гетто. Малыши в любое время могли заплакать, и один из соратников Ирены, возница телеги, всегда держал при себе собаку: при приближении немцев он наступал псу на лапу и тот заглушал своим воем и лаем детский плач.

Спасенных детей Ирена пристраивала для начала в заслуживающие доверия польские семьи, а потом распределяла по приютам и монастырям. Всю информацию о детях – их старые еврейские и новые христианские имена, имена родителей, местопребывание – она тщательнейшим образом заносила в специальную картотеку. Ирена хранила ее в кувшине, закопанном в саду подруги, справедливо полагая, что когда-нибудь эти бумаги могут стать для спасенных единственным источником информации об их прошлом.

В 1943 году по анонимному доносу Ирена Сендлер была арестована и приговорена к расстрелу. Но подполье вышло на кого-то из высших гестаповских офицеров, и за умопомрачительную взятку женщину отпустили, официально объявив о ее смерти. Руководство «Зеготы» запретило Ирине появляться в гетто до самого конца войны, дав ей, как и всем ее подопечным, новое имя.

Много лет после войны Ирена Сендлер прожила в неизвестности, и лишь в 1965 году израильский Национальный мемориал Катастрофы и Героизма «Яд ва-Шем», памятуя о заслугах женщины, удостоил ее высшей почести, которую может получить нееврей: внес в списки Праведников мира и пригласил посадить на Аллее Праведников новое дерево.

Ирена смогла посетить Землю обетованную лишь восемнадцать лет спустя, когда в Польше рухнул социалистический режим, – до этого момента женщину не выпускали из страны. «Личное» дерево Ирены Сендлер появилось на Аллее Праведников в 1983 году, в 2003-м она стала кавалером высшей государственной награды Польши – ордена Белого орла, а в 2006-м польский президент и премьер-министр Израиля выдвинули кандидатуру Ирены на соискание Нобелевской премии мира. Ирена Сендлер не стала нобелевским лауреатом – комитет счел ее заслуги недостаточными.

Ī àèîè Āàîèéáí éĭ

ГАЙ АСУЛИН ИЗ НАГАРИИ

Ī àdê Çaé:èé

Главный тренер сборной Израиля по футболу Дроп Каштан вновь совершил неожиданный поступок – пригласил на товарищеский матч национальной команды страны против сборной Чили шестнадцатилетнего Гая Асулина.



Этот подросток – иного слова и не подберешь – играет за вторую команду испанской «Барселоны». В Испании Гай с двенадцати лет. Приехал по приглашению дирекции каталонского клуба вместе с отцом, так как УЕФА выпустил вердикт, не разрешающий футболистам такого возраста находиться одним в чужой стране.

У него временный вид на жительство. Именно потому его и не пригласили в молодежную сборную Испании, хотя испанский тренер очень хотел бы видеть Гая Асулина в составе своей команды. Теперь же, из-за приглашения Гая в национальную сборную Израиля, это и вовсе невозможно.

Получается, Каштан опередил?

Гай Асулин – еще один яркий талант из когорты молодежи, выросшей в стране за последние годы и делающей карьеру за рубежом. Мы уже упоминали о таких незаурядных игроках, как Бен Саар, Маор Бузагло, Эльянв Барда, Юваль Шпунгин. Все они играют за первую сборную Израиля, и всех их пригласил Дроп Каштан, который именно с этой молодежью хочет попасть на ЧМ в Южную Африку в 2012 году.

Но Асулин из них самый молодой. В сборную попадали в возрасте семнадцати лет такие футболисты, как Мотеле Шпиглер, Бен Саар, сам Дроп Каштан (нынешний тренер), Йоси Бен-Аюн, Ури Мальмилъян, но Гай Асулин обошел этих легендарных игроков.

Асулин уроженец Нагарии, прибрежного городка на севере страны. Футболом начал заниматься в семь лет и сразу же, на первой тренировке, привлек внимание тренеров. Когда Асулину было восемь, его принял в свою футбольную школу в Нетанье (клуб «Нес Тубрук») знаменитый Шломо Шарф, бывший наставник сборной Израиля. Он разглядел дарование мальчика. «То, что пацан этот феномен, видно сразу и каждому, – говорит Шарф. – Я сказал отцу Гая, что его ребенок настоящее сокровище».

Родители Гая Асулина были владельцами маленького кафетерия в центре Нагарии. В Нетанье им выделили машину, чтобы родители возили сына на ежедневные тренировки (от Нагарии до Нетаньи около 110 км по прибрежному шоссе). Семейство Асулин получило небольшую ежемесячную стипендию. Мальчик приходил на тренировки за час-полтора до начала и выходил играть с командами, в которых выступали подростки на два-три года старше его.

Нужно было видеть, как он легко обходил соперников: обводил, сколько хотел и как хотел. Гай вел мяч, обрабатывал его ногами, головой, грудью, плечами. И все это на скорости, в движении. Все смотрели на него, как на циркового артиста, жонглера.

Шарф сказал: мальчонка явно выделяется из всего призыва школы. Тренер детской команды школы Бени Лам (бывший игрок Высшей лиги) сказал, что ничего подобного за свои 30 лет в футболе не видел. Шарф посоветовал попробовать мальчика в испанской команде, в детско-юношеской школе. «По дарованию и зрелости игры он явно подходит, проверьте в “Барселоне”», – сказал Шарф Эли Асулину, отцу Гая.

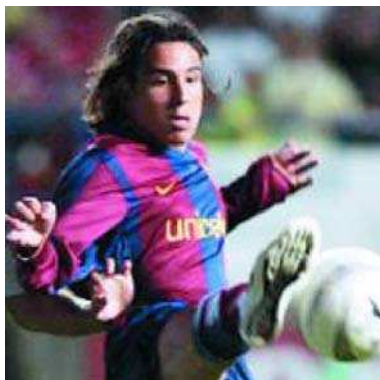
Эли связался с детской командой «Барселоны». Мальчику тогда было двенадцать. Испанцы проверили через своих людей в Израиле, о ком идет речь. Шарф рекомендовал: «не пожалеете». И Асулина пригласили на недельный экзамен ДЮСШ команды «Барселона». Эта испанская футбольная школа называется «теплицей». Между прочим, клуб тратит на свою школу 7 млн евро ежегодно, а детскую команду тренирует великий в недавнем прошлом игрок испанской сборной и каталонской команды полузащитник Хосеп Гвардиола.

Экзамены и проверки, тренировочные игры и упражнения на песке и в воде, все это и тяжело, и интересно. Сотни ребят из многих стран мира пытались быть принятыми в ДЮСШ «Барсы». После первого дня тренировок Гвардиола счастливо улыбался, глядя на израильского мальчика. Гай Асулин был зачислен в детскую команду «Барселоны».

В прошлом году его просматривал в игре юношеской команды Франк Райкард, главный тренер «Барсы», и Гай показал, что умеет не волноваться в ответственные моменты. Он забил отличный гол, раздавал пасы, был лучшим на поле. Райкард перевел Асулина во вторую команду клуба и сказал: «Все будет хорошо с тобой, Гай».

Асулин сегодня ведущий игрок «Барселоны-2». Его позиция на поле – атакующий полузащитник.

Сегодня Гвардиола говорит, что Асулин – игрок дарования аргентинца Лайонела Месси, который тоже учился в ДЮСШ «Барселоны», а теперь блистает в основном составе команды и своей сборной. Все же не стоит преувеличивать, потому что футболисты уровня Месси рождаются нечасто. Но Гай Асулин бесспорно готов играть на самом высшем футбольном уровне.



За Асулином объявлена настоящая охота со стороны богатых английских клубов, таких, как «Ливерпуль», «МЮ», «Челси». Ребенку и его отцу предлагаются миллионные контракты «сейчас и немедленно». Отец говорит, что выглядит все это до крайности неэтично. «Гай приехал учиться играть в “Барселону” и останется верен ей», – держит слово за мальчика Эли Асулин. Такая позиция отца и самого Гая выглядит благородно. А в Испании гневаются на англичан, памятуя переход Франсеска Фабрегаса в лондонский «Арсенал» из «Барсы», когда ему было семнадцать лет: «Они скупают все, что можно, соблазняя детей и подростков сумасшедшими суммами контрактов. Никто не может их вразумить».

Асулин и его отец Эли пока устояли, хотя если иметь в виду знаменитое упрямство как национальную черту характера, то можно поверить Эли Асулину: «Не в миллионах счастье. Как судьба распорядится – так и будет, мы связаны с “Барселоной”. Сын здесь учится и растет. Мы, я и Гай, счастливы, что мальчик приглашен в национальную сборную Израиля, это его мечта – играть с Бен-Аюном, Ицхаки и другими».

Когда президент «Барселоны», богатый и влиятельный каталонский адвокат Жоан Лапорта, едет на машине по улице города и замечает Гая вместе с его отцом, то обязательно останавливается, выходит и пожимает им руки.

Как говорит Гвардиола: «Гай – лучший. Он станет лучше всех в “Барсе”. Но не будем горячиться. Пусть сначала попадет в “основу” “Барселоны”».

Тренер израильской сборной Дрор Каштан, человек сдержанный, суровый, малоразговорчивый, высказался об Асулине так:

– Это игрок невероятного дарования. Вполне может стать футболистом мирового класса.

На первый взгляд слишком много комплиментов для мальчика-подростка. А с другой стороны, если есть за что, почему бы не похвалить. Пеле хвалили, Беккенбаура хвалили, Мюллера, Яшина Льва Ивановича?.. Хвалили-хвалили...

Теперь вот пришла очередь Гая Асулина из города Нагария.

В игре с чилийцами Гая выпустили за двенадцать минут до финала. Он вышел вместо Йоси Бен-Аюна, который, кстати, забил единственный победный гол в этой игре. С первой же минуты стадион ахнул вместе с телезрителями и тренерами, увидев паренька в деле, – на поле появился игрок!

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2008 СИВАН 5768 – 6(194)

Июнь

Агдей Ваэйт

4.VI.1908

100 лет назад в Париже при переносе с Монмартрского кладбища в Пантеон останков великого французского писателя Эмиля Золя ультраправый военный журналист Луи Грегори, дважды выстрелив с близкого расстояния, легко ранил в руку присутствовавшего на торжественной церемонии отставного офицера французского Генерального штаба Альфреда Дрейфуса. Как известно, последний в 1899 году по состряпанному антисемитам-военными обвинению в шпионаже был с позором разжалован и приговорен к пожизненной каторге. В 1906 году его полностью реабилитировали. Восстановили на службе, произвели из капитанов в майоры и вдобавок еще наградили орденом Почетного легиона. Решающую роль в переходе французского да и мирового общественного мнения на позиции активной защиты несправедливо и цинично осужденного сыграло знаменитое открытое письмо Золя президенту Франции Феликсу Фору «Я обвиняю», опубликованное 13 января в столичной газете «L'Augore». Непосредственным поводом для этого страстного выступления стало оправдание двумя днями ранее военным судом подлинного шпиона – майора Фердинанда Эстергази, который к тому же, как это выяснилось еще в 1897 году, и сфабриковал документ, в качестве единственного «вещдока» подшитый к делу Дрейфуса. За крамольную публикацию с разоблачением самых высокопоставленных военных и судебных чиновников писателя приговорили к тюремному заключению, которого тот избежал, временно скрывшись в Англию. Правые и националистические газеты шумно одобрили попытку Грегори расправиться с ненавистным евреем, квалифицировав ее как «благородный жест в защиту Франции», а 11 сентября парижский суд присяжных оправдал покушавшегося, посчитав его поступок «естественной реакцией националиста». Золя умер в сентябре 1902 года в возрасте шестидесяти двух лет в своем доме, по официальной версии, из-за неисправности дымохода, отравившись во сне угарным газом. Писателя во Франции многие недолюбливали. И в первую очередь за вмешательство в дело Дрейфуса. Поклонники Золя, в особенности сам Дрейфус, настойчиво заводили речь о коварном убийстве. Вдова писателя, всерьез опасаясь за жизнь офицера, просила его не приходиться на похороны. Для Дрейфуса это было невыносимо. На похоронах он шел за гробом в первых рядах. Неудивительно, что законопроект о переносе останков писателя в Пантеон, где покоятся великие французы (Мари-Франсуа Вольтер, Виктор Гюго, Жан-Жак Руссо, Александр Дюма-отец, супруги Кюри и др.), вынесенный на обсуждение парламента социалистами, натолкнулся на упорное сопротивление множества депутатов, презрительно именовавших Золя «предателем», «итальянцем» (родившись в Париже, он был сыном итальянца и французки) и клеивших ярлык «порнографа» родоначальнику натуралистической школы. Впрочем, недоброжелательство в отношении Дрейфуса не утихло во Франции и после его смерти. В 1988 году армейское начальство отказалось установить памятник Дрейфусу, изготовленный по заказу французского Министерства культуры, во дворе парижского Военного училища, где в 1895 году несчастный офицер был подвергнут унижительной гражданской казни, и для него было предоставлено место в саду Тюильри. Однако прошло всего несколько лет, и монумент без объявления в печати бесцеремонно «выдернули» и затолкнули в глухой скверик на бульваре Распай. И тем не

менее в последние годы во Франции живо обсуждается идея переноса останков Дрейфуса с Монмартрского кладбища в Пантеон.

10.VI.1923



85 лет назад в еврейской семье в деревне Слатинска Дола между Карпатами и Тисой – в местах, принадлежавших то немцам, то чехам, то венграм, то русским, – родился Роберт Максвелл (эту фамилию он носил с 1945 года, настоящее его имя – Абрахам Лажби или Людвик Хох), крупнейший английский медиа-магнат и издатель. Пережив множество опасностей и трагедий в охваченной войной Европе (в 1939 году во время допроса в гестапо ему сломали нос, в июне 1944 года он сержантом британской армии участвовал в высадке союзников в Нормандии, между тем вся его семья погибла в Освенциме), Максвелл после войны осел в Англии, где со временем разбогател и стал владельцем гигантской издательской империи, в которую вошли американское издательство «Pergamon Press», английские газеты «Daily Mirror», «Sunday Mirror», «People», «Europan», множество газет США, Венгрии, Франции, Израиля. Тесные, но какие-то таинственные деловые контакты существовали у Максвелла и с коммунистическими властями СССР и «стран народной демократии». В ноябре 1991 года Максвелл при невыясненных обстоятельствах утонул во время морского путешествия на своей яхте «Леди Гислейн» в районе Канарских островов. Об исчезновении Максвелла было сообщено утром следующего дня, а в шесть часов вечера его нагое стокилограммовое тело было поднято из воды с вертолета. Эксперты, тщательно обследовавшие утопленника (как-никак жизнь его была застрахована на 20 млн фунтов стерлингов), в качестве наиболее вероятной причины гибели остановились на самоубийстве, хотя не стали отвергать и другие версии. Магната похоронили в Иерусалиме на Масличной горе, с надгробной речью выступил президент Израиля Хаим Герцог. Вскоре после загадочной гибели Максвелла выяснилось, что им были мошеннически присвоены около 600 млн долларов из пенсионных фондов и капиталов дочерних компаний, вследствие чего под суд попали два его сына и несколько сотрудников. В 1995 году комиссар Европейского союза по вопросам конкуренции официально объявил о решении Комиссии Евросоюза принять меры по спасению «Crédit Lyonnais», крупнейшего французского банка и одного из самых крупных банков Европы, являющегося едва ли не символом Франции. Как выяснилось, чуть ли не главной причиной краха «Crédit Lyonnais» явилось банкротство издательской империи Максвелла, одного из наиболее прожорливых клиентов банка.

12.VI.1898

110 лет назад в Киеве в семье ремесленника родился Михаил Ефимович Кольцов (настоящая фамилия Фридлянд), с февраля 1917 года революционный боевик в Петрограде, участник Гражданской войны и подавления Кронштадтского восстания, коммунист с 1918 года, самый блестящий большевистский журналист, прославившийся острыми фельетонами, репортажами из «горячих точек» (в частности, с полей сражений

Гражданской войны в Испании), один из основателей и первых редакторов журналов «Огонек», «Крокодил», «За рубежом». В известном романе Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» Кольцов выведен под именем Каркова. «Карков, – повествует американский писатель, – приехавший сюда (в Испанию. – Б. Я.) от “Правды” и непосредственно сносившийся со Сталиным, был в то время (во время гражданской войны. – Б. Я.) одной из самых значительных фигур в Испании». В апреле 1937 года Кольцова отозвали из Испании, по приезду в Москву он был обласкан Сталиным, а в декабре 1938 года его арестовали в редакции «Правды». Ордер на арест подписал Л.П. Берия. Более года продолжалось изуверское следствие, и 2 февраля 1940 года, в один день с Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом, Кольцова расстреляли – обоих как агентов иностранных разведок. А спустя два года как «германская и английская шпионка» и «сообщница шпионов Кольцова-Фридлянда и Андре Мальро» была приговорена к высшей мере наказания и в тот же день расстреляна в саратовской тюрьме немецкая писательница-коммунистка Мария Остен (настоящая фамилия Грессгенер), гражданская третья жена Кольцова. В протоколах следствия боевая подруга советского журналиста по гражданской войне в Испании проходила как «дочь крупного немецкого помещика, троцкиста» (!). Она приехала в СССР, узнав об аресте Кольцова, в наивной надежде вызволить его – несмотря на предупреждения мудрых коллег: знаменитого немецкого писателя Лиона Фейхтвангера и Андре Мальро, французского писателя-антифашиста, будущего сподвижника генерала Шарля де Голля, в послевоенные годы министра культуры Франции. Марию Остен арестовали в московской гостинице «Балчуг» в первый день войны – 22 июня 1941 года. Младший брат Михаила Кольцова – действительный член Академии художеств, народный художник СССР, известнейший карикатурист и плакатист Борис Ефимов чудесным образом избежал репрессий и готовится 28 сентября нынешнего года отметить свое 108-летие.

13.VI.1958



50 лет назад на восемьдесят девятом году жизни умер Моисей Соломонович Наппельбаум, выдающийся фотограф, блистательный мастер студийного фотопортрета, выработавший собственную, только ему присущую творческую манеру, в основу которой им были положены простые, но весьма эффективные приемы работы со светом, позволявшие создавать строгий, но в то же время впечатляющий и психологически достоверный образ портретируемого. Уроженец Минска, четырнадцатилетний Наппельбаум был отдан родителями учеником в портретное фотоателье Викентия Баретти, «жителя Варшавы из уроженцев итальянской нации», интеллигентного и образованного человека, который не только обучил мальчика азам фотографического ремесла, но и помог ему развить художественный вкус. После трех лет ученичества Наппельбаум стал профессиональным фотографом. Последовали странствования по городам России и США, в 1895 году он вернулся в родной Минск, а в 1910-м перебрался в Петербург, где спустя несколько лет стал модным столичным фотопортретистом со студией в собственном доме на Невском проспекте, гостиная которого превратилась в своеобразный клуб: по понедельникам здесь собирались питерские литераторы,

художники и музыканты которых неизменно и мастерски запечатлевал хозяин дома. Так была создана непреходящей ценности портретная галерея: Анна Ахматова, Александр Блок, Александр Глазунов, Всеволод Мейерхольд, Федор Шаляпин... Как-то в январе 1918 года Наппельбауму сообщили, что за ним приедут из издательства, чтобы с аппаратурой отвезти в Смольный – фотографировать В.И. Ленина. Эта работа стала переломной в жизни и в творчестве Моисея Соломоновича. Созданный им «канонический» портрет предсовнаркома положил начало целой серии портретов большевистских вождей. В 1918 году Наппельбаум вслед за Советским правительством переехал в Москву, и к объективу его примитивной камеры наряду с нескончаемым потоком рядовых жителей потянулись также представители столичной элиты – высокопоставленное начальство, писатели, художники, артисты, ученые-академики, передовики производства. Тысячи портретов, созданных Наппельбаумом за семьдесят с лишним лет работы с фотокамерой, вошли в золотой фонд фотолетописи эпохи.

17.VI.1908

100 лет назад в Петербурге была впервые исполнена бравурная оркестровая фантазия «Фейерверк» Игоря Федоровича Стравинского, которому в тот день исполнилось двадцать шесть лет, посвященная свадьбе дочери его учителя Николая Андреевича Римского-Корсакова Надежды Николаевны и другого любимого ученика Римского-Корсакова – уроженца Вильны Максимилиана Осеевича Штейнберга (1882–1946). Сын видного талмудического ученого и педагога Йеошуа Штейнберга, Максимилиан Штейнберг стал крупным советским композитором, дирижером, заслуженным деятелем искусств РСФСР (1934), народным артистом Узбекской ССР (1944), доктором искусствоведения (1943), профессором Петербургской/Петроградской/Ленинградской консерватории (1915), педагогом, к числу учеников которого принадлежали такие композиторы, как Д.Д. Шостакович, Ю.А. Шапорин, Е.Г. Брусиловский и др. Шостакович с большой теплотой вспоминал о занятиях у Штейнберга: «Все, чему учил меня Штейнберг, я воспринимал с жадностью, впитывая, как губка, все его указания и советы. Штейнберг умело и чутко воспитывал в своих учениках хороший вкус. Ему я прежде всего обязан тем, что научился любить и ценить хорошую музыку... Он внушил мне любовь к русской и зарубежной классике». Штейнберг – автор пяти симфоний, балетов «Метаморфозы» (по Овидию, 1913), «Тиль Уленшпигель» (по Ш. Де Костеру, 1936), немало числа симфонических и вокально-симфонических произведений. В ряде своих сочинений он опирался на музыкальный фольклор народов СССР (4-я симфония «Турксиб» на казахские и киргизские темы [1933]; 5-я симфония-рапсодия на узбекские темы [1942]). Балет «Метаморфозы» был исполнен труппой С.П. Дягилева в программе «Русских сезонов» в Париже, однако в большинстве своем произведения Штейнберга, в профессиональных кругах оценивавшиеся весьма высоко, при советской власти исполнялись редко. Под редакцией Штейнберга издан ряд трудов Н.А. Римского-Корсакова, который ушел из жизни спустя неделю после свадьбы дочери.

20.VI.1808

200 лет назад в Гамбурге в сугубо правоверной еврейской семье родился Шимшон-Рафаэль Хирш, харизматический мыслитель, одна из наиболее ярких и влиятельных фигур в иудаизме в XIX веке, популярный раввин, блистательный духовный писатель и проницательный педагог. Более всего Хирш известен как основоположник неоортодоксального иудаизма, провозгласивший принцип «Тора вэ дэрех эрец», под которым понимается гармоничное сочетание строгого следования религиозным предписаниям без отказа от участия в жизни окружающего нееврейского мира, от ценностей мировой культуры и науки. Воспитанный в «просвещенческой» среде,

получивший домашнее иудаистское образование и обучавшийся в светских учебных заведениях, поклонник Шиллера и Гегеля, Хирш неуклонно следовал гуманистическому лозунгу «Менш Израэль», означавшему «сначала – человек, а уж потом – иудей». При этом, однако, последовательно борясь с реформистами, которых считал «раскольниками», он требовал соблюдения верности иудейской традиции, отстаивал концепцию пусть и не понятного до конца, но неземного происхождения Горы. Хирш утверждал, что еврейский религиозный закон, традиционные верования находятся вне исторического развития и не подвержены никаким существенным изменениям: гуманизм опирается на историю, чтобы открывать «истину», тогда как Израилю она дарована изначально. После раввинской службы в ряде германских и австрийских городов Хирш как виднейший борец с реформаторским движением, набравшим в Европе огромную силу, в 1851 году был приглашен возглавить ортодоксальную конгрегацию евреев Франкfurта-на-Майне. К концу своих дней (1888) он превратил ее в «образцово-показательную» процветающую общину с прекрасными новыми синагогами и школами, в которых наряду с традиционными предметами преподавались и светские дисциплины. Правда, Хирша самого нередко упрекали в реформизме: он подбривал бороду, носил облачение на манер протестантских пасторов, не жаловал педантичную «талмудистскую диалектику», произносил проповеди на немецком, разрешил играть свадьбы в синагогах.

АВТОРЫ НОМЕРА:

Светлана Бунина

литературовед («Поэты маргинального сознания в русской литературе начала XX века [М. Волошин, Е. Гуро, Е. Кузьмина-Караваева]» [2005] и другие работы по истории русской литературы).

Элиша Вогман (р. 1984)

историк, филолог, специалист по еврейской культуре эпохи Мишны и Талмуда. Руководитель творческой студии «Московский Бейт-Мидраш».

Леонид Гельфман (р. 1973)

филолог и журналист, главный редактор молодежной газеты «Некуда» питерского Гилеля.

Михаил Горелик (р. 1946)

эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

Самуил (Шмуэль-Аба) Городецкий (1871–1957)

историк еврейского мистицизма и хасидизма («Хасиды и хасидизм», «Еврейский мистицизм» [1931–1958]).

Симон Джекобсон (р. 1956)

основатель «Центра жизни, полной смысла», автор книг «К жизни, полной смысла» и «60 дней: духовное руководство к праздникам». Тесно сотрудничал с Любавичским Ребе. После его смерти координирует публикацию бесед Ребе. Возглавлял группу исследователей Сефер а-Ликутим – энциклопедии хасидской мысли (26 томов, 1977–1982).

Марк Зайчик (р. 1947)

прозаик («Феномен» [1985], «Сделано в СССР» [1988], «Иерусалимские рассказы» [1996]). Печатался в журналах «Континент», «Эхо», «22», «Звезда».

Галина Зеленина

историк, литератор, переводчик. Доцент РГГУ и ИСАА МГУ, редактор сайта «Booknik.ru: Еврейские тексты и темы». Автор монографии «От скипетра Иуды к жезлу шута. Придворные евреи в средневековой Испании», переводов и статей по средневековой еврейской истории, истории Испании, гендерной проблематике.

Анна Исакова

журналист, прозаик (роман «Ах, эта черная луна!» [2004]). Литературный обозреватель газеты «А-арец».

Нелли Исмаилова

театральный и кинокритик («Театр», «Сцена»), автор монографий «Евгений Леонов» (1979), «Этюды об искусстве» (1989).

Григорий Канович (р. 1929)

прозаик, драматург, киносценарист. Национальная премия Литвы (1986). Кавалер ордена Гедиминаса III степени.

Берл-Шмуэль (Болеслав) Капулкин (р. 1969)

журналист. Печатается в газете «Шомрей шабос» и в журнале «Мигдаль Times» (Одесса).

Джеймс Кугел (р. 1945)

ученый-библеист, писатель, переводчик библейских текстов, профессор Бар-Иланского университета (Израиль). Директор Института истории Еврейской Библии. Автор 11 книг.

Евгений Левин (р. 1973)

журналист, переводчик, автор нескольких учебных пособий по еврейской традиции. Сотрудник Центра еврейского образования в диаспоре им Дж. Лукштейна Бар-Иланского университета.

Михаил Липкин (р. 1966)

переводчик с английского и иврита, преподает иврит в московской школе «Месивта».

Александр Локшин (р. 1950)

историк. Автор статей и публикаций по истории и культуре евреев России и СССР.

Аркадий Львов (р. 1927)

писатель («Двор», сб. рассказов). В 1976 году эмигрировал в США.

Афанасий Мамедов (р. 1960)

прозаик, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Финалист Букера-2003. Лауреат премии им. Казакова (2007).

Елизавета Полонская (Мовшенсон) (1890–1969)

поэт, переводчик, прозаик, мемуарист. Член литературной группы «Серапионовы братья».

Леонид Радзиховский (р. 1953)

журналист («Российская газета», «Еврейское слово», интернет-издание «ЁЖ», радиостанции «Эхо Москвы» и «Маяк»).

Александр Рапопорт (р. 1960)

поэт (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист (газета «Культура»).

Филип (Милтон) Рот (р. 1933)

прозаик, эссеист. Автор романов, художественно-документальных произведений. Первым получил премию в память Сола Беллоу (2007), неоднократно выдвигался на Нобелевскую премию.

Анна Сорокина

преподаватель идиша в Центре библеистики и иудаики РГГУ. Руководитель Идиш-центра московского Гилеля.

Юрий Табак (р. 1955)

историк, переводчик, религиовед («Православие и католичество», учебник «История религий», «Сумерки шовинизма» [сб. статей], «Основные догматические обрядовые расхождения»).

Владимир Хазан (р. 1952)

филолог, профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Автор книг и публикаций, посвященных различным аспектам русско-еврейских культурных связей.

Илья Хейфец (р. 1949)

доктор философии, композитор, музыковед. Лауреат премии им. Шостаковича (1984), премии премьер-министра Израиля (2004).

Александр Шафран (Сафран) (1910–2006)

главный раввин Румынии; с 1948 года – главный раввин Женевы (Швейцария). Автор книг по иудаизму и истории европейских евреев.

Адин Эвен-Израэль (Штейнзальц) (р. 1937)

раввин, педагог, ученый, почетный доктор ряда университетов Израиля и США. Основатель новаторских учебных заведений и просветительских организаций, в том числе Института изучения иудаизма (1990). В 1988 году удостоен высшей награды еврейского государства – Премии Израиля.

Борис Явелов (р. 1940)

автор научных и научно-исторических статей и книг.